

С. Рансимен

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1453 ГОДУ

Annotation

Книга известного английского византиста посвящена событиям, связанным с одним из самых драматических моментов мировой истории — завоеваниям турками-османами византийской столицы Константинополя, которое привело к окончательной гибели некогда могущественной Византийской империи.

- [Стивен Рансимен](#)
  - [Предисловие \(И.Е. Петросян и К.Н. Юзбашян\)](#)
  - [Предисловие автора](#)
  - [Глава I.](#)
  - [Глава II.](#)
  - [Глава III.](#)
  - [Глава IV.](#)
  - [Глава V.](#)
  - [Глава VI.](#)
  - [Глава VII.](#)
  - [Глава VIII.](#)
  - [Глава IX.](#)
  - [Глава X.](#)
  - [Глава XI.](#)
  - [Глава XII.](#)
  - [Глава XIII.](#)
  - [Дополнение I.](#)
  - [Дополнение II.](#)
  - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)

- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)

- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)

- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
  - [323](#)
  - [324](#)
  - [325](#)
  - [326](#)
  - [327](#)
  - [328](#)
  - [329](#)
  - [330](#)
  - [331](#)
  - [332](#)
  - [333](#)
  - [334](#)
  - [335](#)
  - [336](#)
  - [337](#)
  - [338](#)
  - [339](#)
  - [340](#)
  - [341](#)
  - [342](#)
  - [343](#)
  - [344](#)
  - [345](#)
  - [346](#)
  - [347](#)
  - [348](#)
  - [349](#)
  - [350](#)
  - [351](#)
  - [352](#)
  - [353](#)
-

Стивен Рансимен

Падение Константинополя в 1453 году

«...Разнеслась весть о том, что великий город пал, наказанный Господом за роскошь, гордыню и вероотступничество, но героически сражался до последней минуты. Греки постоянно помнили тот ужасный вторник — день, который все истинные греки до сих пор считают отмеченным дурным предзнаменованием; но они чувствовали воодушевление и прилив отваги всегда, когда говорили о последнем христианском императоре, покинутом своими западными союзниками, который твердо стоял в проломе стены, сдерживая натиск неверных до тех пор, пока они своим числом не одолели его и он не пал — вместе с империей, ставшей ему саваном».

Рансимен С., «Падение Константинополя в 1453 году».

Предисловие (И.Е. Петросян и К.Н. Юзбашян)

Вторник 29 мая 1453 г. является одной из важнейших дат мировой истории. В этот день сквозь пролом в стене турецкие воины ворвались в Константинополь, и Византийская империя прекратила свое существование. С ее гибелью завершился огромный период развития человеческого общества и в жизни многих народов как Азии, так и Европы наступил крутой перелом, обусловленный характером турецкого владычества.

Разумеется, падение Константинополя нельзя рассматривать как реальную грань между двумя эпохами. Еще за сто лет до захвата византийской столицы, позволившего туркам окончательно утвердиться в Европе, они уже появились на Европейском континенте и обосновались там достаточно прочно. Во времена, предшествовавшие захвату Константинополя, Византийская империя являла собой очень небольшое государство, власть которого распространялась только на столицу с предместьями да на часть территории Греции с островами. Византию XIII—XV вв. можно назвать империей лишь условно. Правители отдельных ее областей часто зависели от императора лишь номинально. Наконец, и после падения Константинополя власть турок распространялась не на всю территорию бывшей империи.

В то же время основанный в 330 г. Константинополь на протяжении всего периода своего существования в качестве византийской столицы воспринимался как символ империи. Принципы византийской государственности с наибольшей полнотой воплотились именно здесь. Константинополь длительное время был крупнейшим экономическим и культурным центром страны, и только в XIV—XV вв. у него появились соперники, а столица стала приходить в упадок. Таким образом, захват Константинополя означал для современников гибель империи.

Книга известного английского византиста Стивена Рансимена последовательно подводит читателя к событиям, завершившимся падением Константинополя. Общая характеристика византийского государства и общества и очерк появления на исторической арене турок-османов уступают у него место все более и более детальному рассказу об осаде и взятии города. Под пером историка воскресает великая историческая

трагедия, где много действующих сил, и каждое из них либо приближает развязку, либо бессильно ее предотвратить. Дряхлость и слабость византийского государства, всего общественного организма начали выявляться уже в XIII—XIV вв. Прекрасный знаток византийской истории, С. Рансимен на конкретных фактах рисует этот процесс, а выразительные детали, которые он подбирает очень умело, позволяют читателю воочию представить жизнь византийцев накануне гибели.

Если слабость Византии обнаружилась не сразу и агонизирующая империя держалась еще в первой половине XV в., то и сила турок обнаружилась в полной мере только в это же время. В книге С. Рансимена многие страницы посвящены истории турок. Тем не менее общая характеристика ее позволит читателю легче ориентироваться в событиях и лучше понять, кому проиграли византийцы историческую битву.

Согласно османскому преданию, основателем государства турок-османов был вождь туркменского (огузского) племени кайы Эртогрул-бей. Признав себя Вассалом султана Алаэддина Кейкубада I, правителя основанного сельджуками в Малой Азии Конийского султаната, Эртогрул получил от него для своего племени пограничные с византийской территорией земли в районе Караджадага. Подобная практика характерна для сельджукских правителей, всячески стремившихся избавить оседлое земледельческое население своих владений от соседства с племенами кочевников.

Уже Эртогрул начал расширять свою территорию; этот процесс продолжался и при его преемниках. После смерти Эртогрула власть перешла по канонам кочевого племенного быта к его младшему сыну Осману. Убив своего дядю Дюндар-бея, Осман утвердился во власти и получил от сельджукского султана титул уджбея (пограничного бея). В обязанности уджбеев входила охрана вверенных им пограничных территорий. В 1299 г. султан Алаэддин Кейкубад III вынужден был в результате восстания покинуть свою столицу Конию, и Осман потерял сюзерена. Ему пришлось признать верховную власть монгольской династии Хулагуидов, которой подчинялось сельджукское государство в Малой Азии, и отправлять ежегодно в столицу Хулагуидов часть собранной им со своих подданных дани.

Осман, давший название Османской династии, очень скоро приступил к широкой завоевательной политике. В течение короткого времени ему удалось захватить ряд византийских городов и укреплений. В 1291 г. он овладел Мелангией (Караджахисаром) и стал считать себя независимым правителем, о чем свидетельствует тот факт, что в пятничной молитве

называлось его имя.

В османском бейлике, как и в других анатолийских княжествах, в правление Османа еще в значительной мере господствовали социальные отношения, характерные для кочевого родо-племенного быта. Власть Османа в качестве главы племени была основана на поддержке племенной верхушки. Все военные захваты осуществлялись родо-племенными военными формированиями. В аграрные отношения захваченных византийских территорий с оседлым земледельческим населением вносились элементы кочевого, пастушеского хозяйства. Административное управление в османском бейлике было вверено мусульманским духовным судьям — кадиям, а также, по-видимому, наместникам бея, в обязанности которых входил сбор дани с подвластного населения, как сельского, так и городского.

Росту авторитета власти Османа во многом способствовало установление прочных связей с местными дервишскими орденами (мевлеви, бекташи), а также религиозно цеховым братством *ахиев*, пользовавшимся значительным влиянием в ремесленных слоях городов. Вообще, в непосредственном окружении Османа, а затем и его преемников, было много представителей мусульманской религии, сыгравших большую роль в формировании государственных институтов османского государства. Поддержка духовенства имела существенное значение не только в упрочении верховной власти первых османских правителей, но также и в обосновании политики захвата, освящавшейся исламом как «борьба за веру».

В 1326 г., уже при правителе Орхане (1304—1362) турки-османы захватили богатейший торговый город Бурсу, один из важных пунктов транзитной караванной торговли между Востоком и Западом. Очень скоро ими были взяты два других византийских города — Никея (Изник) и Никомидия (Измид). Захваченные у византийцев земли раздавались военачальникам и особо отличившимся воинам в качестве *тимаров* — условных владений, получаемых за несение военной службы. Прототипом этой системы является, по-видимому, византийский институт *пронии*. Постепенно система тимаров стала основой социально-экономического и военно-административного устройства османского государства, хорошо подходившей к развивавшейся централизации государственного управления.

При Орхане была предпринята важная военная реформа, получившая свое дальнейшее развитие при его сыне Мураде I (1362—1389): созданы пехотное войско и конница (*йайа* и *мюселлем*), набор в которые проводился

среди земледельческого тюркского населения османского княжества. Предание гласит, что желающих вступить в войско йайа было столь много, что кадий производил запись за взятку. Солдаты обоих видов войск были обязаны участвовать в крупных военных кампаниях, получая за это поденное жалованье, а в мирное время — заниматься земледелием в своих хозяйствах, приобретая за свою службу налоговые льготы. При султанине Мураде I армия была дополнена крестьянским пехотным ополчением *азебов*, набиравшимся из числа крестьян-христиан, а также ставших знаменитым впоследствии пехотным корпусом *янычар*, подчиненным лично султану. Вначале янычары набирались из числа военнопленных юношей-христиан, которых принуждали принять ислам, а затем, в первой половине XV в., — из сыновей христианских подданных османского султана, которых стали набирать регулярно согласно учрежденному закону *девширме*. Тогда же было создано конное войско *сипахиев*, подчиненных лично султану и получавших, как и янычары, жалованье из казны. Янычары и сипахии были известны вместе как придворное султанское войско *капыкулу*. Позже к нему были присоединены особые воинские подразделения пушкарей, оружейников и другие вспомогательные части. Все эти войска были уже независимы от родо-племенной военной организации и значительно увеличивали реальную политическую силу верховного правителя.

Как уже говорилось, значительную роль в формировании османской государственности сыграло духовенство. Мусульманские богословы — *улемы* — были наиболее образованной частью придворных; они же становились кадиями и исполняли административные и судебные функции на местах от имени центральной власти. Из этих же лиц первоначально формировался и центральный аппарат власти, возглавляемый везирами. За свою службу они получали земельные наделы, называвшиеся служебными *вакфами* (просуществовали до середины XV в.).

При Орхане везиры не принимали участия в обсуждении военных вопросов: это была компетенция самого Орхана и его приближенных-военачальников. Только при правителе Мураде I с дальнейшим развитием форм государственности у османов везиры обрели право голоса и в военных делах. При последующих османских султанах получил развитие и центральный аппарат власти. В состав султанского совета входили уже не его придворные и военачальники, а высшие представители дифференцировавшейся центральной власти: великий везир, кадиаскеры, дефтердары, нишаиджибаши.

Военные успехи османского бейлика вывели его на передний край

политической борьбы, происходившей в данном регионе между Византией, балканскими государствами, Венецией и Генуей. Очень часто соперничающие стороны стремились заручиться военной поддержкой османов, тем самым в конечном счете облегчая ширившуюся экспансию последних. По-видимому, свое растущее политическое и военное значение скоро осознали и сами османские правители, которые стали именовать себя султанами. По некоторым сведениям, султан Баязид I (1389—1402) отправил письмо египетскому халифу с просьбой признать его титул султана, а Мехмед I (1413—1421) начал посылать деньги в Мекку, ибо положение мусульманского правителя во многом зависело от его отношения к религии, от признания его власти в священном городе мусульман.

Значительная роль в процессе постепенного складывания османского государства принадлежала системе тимаров. Земельные наделы или же иные источники доходов (тимары и *зеаметы*.) широко раздавались султаном Мурадом I особо отличившимся в походах солдатам и военачальникам в качестве условных держаний. Жаловались, собственно, не земли, считавшиеся достоянием казны, а доходы с них (тимарами назывались владения, приносявшие доход от 3 тыс. или даже от 1 тыс. до 20 тыс. акче в год^[1], а зеаметами — от 20 тыс. до 100 тыс.). Система тимаров к периоду правления завоевателя Константинополя, султана Мехмеда II (1451—1481), являлась прочной основой аграрного строя османского государства.

Верховное право предоставления тимаров принадлежало султану, однако к середине XV в. тимары жаловались также лицами, возглавлявшими провинциальную администрацию, — анатолийским и румелийским бейлербеями, а позднее и некоторыми другими высшими сановниками.

Владельцы земельных наделов (помимо тимаров и зеаметов) существовали также и *хассы* — крупные владения с доходом свыше 100 тыс. акче, предоставлявшиеся важным государственным сановникам) получали свои доходы за счет налогов с крестьян; главным из этих налогов был *ашар* — десятина. Юридически крестьяне были свободны, однако на деле целый ряд ограничений и штрафов, взимавшихся владельцем тимара за уход с земли, отказ обрабатывать ее и т.п., так или иначе прикреплял крестьян к земле, ограничивал их свободу.

Практически санджакбеи и бейлербеи являлись государственными чиновниками и часто смещались с должности, теряя при этом свои владения. Тимариоты же при условии добросовестного исполнения

военных обязанностей могли владеть предоставленными им тимарами из поколения в поколение, передавая их по наследству сыновьям, также обязанным нести военную службу султану. Именно тимариоты составляли основную массу конного войска сипахиев и участвовали наряду с другими войсками в осаде и взятии Константинополя. Излишне говорить, что тимариотская масса, своими корнями связанная с традициями кочевого племенного быта и совершенно чуждая какой-либо экономической деятельности, в этот период весь смысл своего существования усматривала в войне. Война сулила богатую добычу и возможность проявить мусульманскую воинскую доблесть.

Учреждение и развитие системы тимаров в конечном счете, безусловно, способствовали феодализации османского государства, хотя в нем еще весьма сильны были остатки родо-племенной системы, накладывавшей свой отпечаток на жизнь османского общества первой половины XV в. Власть султана по-прежнему в значительной степени зависела от поддержки племенной аристократии, особенно в пограничных местностях. Пограничные земли в османском государстве передавались чаще всего племенным вождям, которые вместе со своими воинами — *акынджи* (букв. «налетчики») — охраняли границы государства и совершали набеги на соседние чужие территории.

Значение этих элементов в османской общественной структуре длительное время сохранялось по целому ряду причин. После разгрома Тимуром войска султана Баязида I в 1402 г. османское государство оказалось фактически раздробленным; между сыновьями Баязида долго шла борьба за власть. В этих условиях успех претендента в значительной мере зависел от поддержки племенной верхушки, способной оказывать военную помощь той или иной соперничающей стороне. В этот период истории османского государства централизованная система управления фактически утратила силу, а войско капыкулу было низведено до уровня простых телохранителей султана.

В конечном счете победа в междоусобице досталась после более чем десятилетней борьбы сыну Баязида Мехмеду I (1413—1421), которому постепенно удалось восстановить прежние границы государства и даже несколько расширить их. Однако победа Мехмеда, в достижении которой сыграла свою роль поддержка Византии, далеко не всем казалась бесспорной. Византия умело использовала разногласия внутри Османской династии; в качестве платы за оказанную помощь Мехмед возвратил византийцам некоторые из захваченных у них земель, а также на время отказался от активной завоевательной политики в Европе.

Военная верхушка, заинтересованная в новых завоеваниях и добыче, часто вступала в конфликт с султаном. С особенной силой этот конфликт сказался в последние годы правления Мехмеда I и продолжался при его преемнике — султанине Мураде II (1421—1451). Во главе недовольных, значительную часть которых составляли недавно осевшие на землю в Румелии (европейской части турецкой державы) туркменские племена, встал шейх Бедреддин Симави, который в свое время поддерживал другого сына Баязида — Мусу.

Подобные волнения и междоусобицы сильно ослабили политическое значение османского государства, восстанавливать которое с большим трудом пришлось Мураду II. В напряженной борьбе за власть и, кроме того, за сохранение позиций на европейском континенте Мурад в конечном счете вышел победителем.

Успехам Мурада II способствовала последовательно проводившаяся султаном политика централизации государства, упрочения его политического единства, укрепления системы тимаров, восстановления былого значения султанского войска капыкулу, повышения боеспособности армии (к середине XV в. турки уже располагали сильной артиллерией). Военная сила крепнувшего государства Мурада II с особенной наглядностью была продемонстрирована в битве при Варне (1444 г.), решившей, по сути, также и участь Константинополя. И когда в 1451 г. на престол вступил его сын Мехмед II, османское государство обладало уже достаточной военной силой и внутренними резервами, чтобы овладеть последним, что, по существу, еще оставалось от Византийской империи, — ее столицей Константинополем. Солидный военный опыт, который был приобретен османскими правителями в процессе полуторавековой завоевательной политики в Европе и Азии, был полностью реализован при осаде города, захват которого значительно повышал в глазах мусульманского мира авторитет турецкого государства.

Такова была сила, которая нанесла последний удар древней византийской цивилизации.

В книге С. Рансимена затронуты многие аспекты византийской истории; наибольшее внимание, однако, автор уделяет отношениям Византии с внешним миром, с Западом и с турками. Автор не ставил своей задачей глубоко раскрыть причины, обусловившие внутренний распад, общий упадок в последний период существования государства ромеев. Рансимена интересуют конкретные, непосредственные причины поражения — явления, которые сделали гибель Византии под ударами турок неотвратимой. Как уже говорилось, этот круг проблем подан автором

интересно и занимательно.

Книга основана на первоисточниках. Автор проделал огромную работу по анализу и систематизации данных. Им учтена и использована также большая специальная литература — как по византистике, так и по туркологии. Разумеется, можно было бы сделать немало замечаний по отдельным положениям автора. Нельзя не обратить внимание и на то, что дореволюционная русская литература предмета использована очень мало, а достижения советской византистики совершенно не учтены.

Труд С. Рансимена адресован не только узкому специалисту, но и широкому читателю; это не только научное исследование, но и образный рассказ. Читатель погружается в атмосферу эпохи, он оказывается сопричастен великой трагедии, разыгрывающейся на его глазах. Вряд ли нужно доказывать, что для народов поверженной Византийской империи турецкое завоевание было действительно трагедией. Эмоциональная окраска, которая особенно заметна в заключительных главах, заставляет читателя заново пережить события более чем пятивековой давности. В этом — одно из достоинств книги, которая рекомендуется читателю как образное повествование с широким охватом событий, принадлежащих мировой истории.

Перевод содержит полный текст книги, вышедшей за рубежом в нескольких изданиях. Целиком сохранен также аппарат — в том виде, в каком он был подготовлен автором. В список литературы внесены некоторые изменения и уточнения (хотя, к сожалению, все библиографические данные проверить не удалось). Ссылки на источники и литературу частично даны в сокращении, однако таким образом, чтобы читатель без труда нашел полное описание их в списке литературы.

Предисловие автора

В те времена, когда историки были людьми еще не очень-то искушенными, падение Константинополя в 1453 г. считалось вехой, знаменующей окончание эпохи средневековья. Теперь же мы достаточно хорошо знаем, что движение истории непрерывно и на пути ее нет каких-либо определенных барьеров. Не существует момента, о котором можно было бы сказать, что именно он отделяет средневековый мир от современного. Задолго до 1453 г. явление, обобщенно называемое Ренессансом, уже имело место в Италии и других странах Средиземноморья. И еще долгое время после 1453 г. средневековые представления держались на севере Европы. Исследования мореплавателями океанских путей, коренным образом повлиявшие на мировую экономику, начались еще до 1453 г., однако прошло еще несколько десятилетий после 1453 г., прежде чем эти пути были открыты и это ощутила Европа. Упадок и гибель Византии, триумфальные победы турок-османов, несомненно, повлияли на эти перемены, однако их результаты нельзя связывать только с событиями 1453 г. Достижения культуры Византии оказали большое влияние на Ренессанс, но уже на протяжении более половины столетия до 1453 г. византийские ученые стали покидать свою обнищавшую и ненадежную родину ради спокойных профессорских кафедр в Италии, а последовавшие их примеру после 1453 г. были в подавляющем большинстве либо беженцами, спасающимися от ига неверных, либо студентами с островов Средиземноморья, над которыми еще сохраняла контроль Венеция. В течение долгого времени усиление могущества Османской державы наносило ущерб торговым городам Италии, но оно не подорвало их торговлю, если не считать того, что путь в Черное море был теперь для них закрыт. Завоевание турками Египта было для Венеции более пагубным, чем захват Константинополя. Что касается Генуи, то, хотя она и жестоко пострадала от того, что контроль над Проливами^[2] перешел к султану, причиной ее заката была скорее шаткость ее позиций в Италии, нежели сокращение внешней торговли.

Даже в широком политическом плане падение Константинополя мало что изменило. Турки к этому времени вышли на берега Дуная и угрожали Центральной Европе. Было очевидным, что Константинополь обречен, что империя, состоящая почти из одного деградирующего города, не может выстоять против державы, чья территория занимала бóльшую часть

Балканского полуострова и Малой Азии, против империи, энергично управляемой и, несомненно, обладающей самой мощной для того времени армией. Христианский мир был действительно глубоко потрясен падением Константинополя. Но, не обладая нашим ретроспективным взглядом на события того времени, западные страны не сумели понять, насколько неизбежной стала тогда угроза турецких завоеваний. Более того, трагедия Византии несколько не изменила их политику, вернее, ее отсутствие в восточном вопросе. Только Ватикан был истинно удручен и на самом деле планировал контрмеры, но и у него вскоре нашлись более неотложные собственные дела.

С учетом сказанного читателю может показаться, что события 1453 г. вряд ли стоят еще одной книги. Не следует, однако, забывать, что по крайней мере для двух народов этот год оказался жизненно важным. Для турок захват древнего города византийских императоров не только означал возможность основать новую столицу своей империи, но также обеспечивал их постоянное присутствие на Европейском континенте. До тех пор, пока этот город, находившийся в центре их владений, на перекрестке путей между Азией и Европой, им не принадлежал, турки не могли чувствовать себя в безопасности. У них не было оснований бояться греков, как таковых, однако широкая коалиция христианских государств, опирающаяся на такую базу, все еще могла оказаться сильнее их. Имея же в своих руках Константинополь, они действительно были в безопасности. Сегодня, после всех поворотов их истории, турки все еще владеют Фракией, все еще стоят одной ногой в Европе.

Что же касается греков, то падение Константинополя для них было куда более значительным событием: оно означало по меньшей мере конец главы их истории. Блистательная византийская цивилизация, сыграв свою роль в мировой культуре, умирала теперь вместе с умирающим городом. Но она еще не была окончательно мертва. Среди постоянно сокращавшегося населения Константинополя накануне его падения находилось множество блестящих умов своего времени, высокообразованных людей, следующих высоким культурным традициям древней Греции и Рима. И до тех пор, пока император, наместник Бога на земле, пребывал на Босфоре, каждый грек, быть может и потерявший к тому времени свободу, мог с гордостью считать себя связанным с истинным православным христианским сообществом. Хотя император способен был сделать для него на этой земле не очень уж много, он все еще являлся воплощением, смыслом и олицетворением божественной власти. Падение же императора вместе с падением его столицы означало пришествие антихриста, а Греция

проваливалась в тартарары с ничтожными шансами выжить. И тот факт, что эллинизм не исчез окончательно, неразрывно связан с неутомимой жизнестойкостью и мужеством греческого национального духа.

В этой книге, как и во многих других, греческий народ предстает трагическим героем, и именно так я хотел о нем писать. Трагизм греческой ситуации взволновал Гиббона, хотя и не настолько, чтобы он смог забыть свойственное ему презрение к Византии. На английском языке эти события в последний раз подробно излагались сэром Эдвином Пирсом в труде, опубликованном 60 лет назад^[3], однако он и поныне заслуживает внимания. Описание Пирсом операций, связанных с осадой, основано на подробном изучении источников и глубоком личном знакомстве с местностью, и оно до сих пор сохраняет свою ценность, хотя в некоторых других отношениях современные исследования сделали эту книгу несколько устаревшей. Я чувствую себя глубоко обязанным г-ну Пирсу за эту работу, которая по сей день остается лучшим изложением событий 1453 г. на каком бы то ни было языке. С момента ее опубликования множество ученых внесли свой вклад в изучение этого исторического периода. В частности, в 1953 г. было напечатано большое число статей и эссе в связи с четырехсотлетней годовщиной описываемых событий. Однако, кроме книги Гюстава Шломберже, опубликованной в 1914 г. и основанной почти полностью на материалах, приведенных Пирсом, ни на одном из западных языков за последние полвека не появилось всеобъемлющего описания осады.

В своей попытке восполнить этот пробел я с благодарностью воспользовался работами многих современных ученых, как ныне здравствующих, так и покойных. О своей признательности им я еще скажу отдельно в примечаниях. Среди современных нам греческих ученых мне бы хотелось специально упомянуть проф. Закифоноса и проф. Зораса. Что касается истории Оттоманской империи, то мы должны быть глубоко благодарны проф. Бабингеру, хотя его большая книга о Султанах-Завоевателях и не содержит ссылок на источники, которыми он пользовался. Для понимания раннего периода турецкой истории незаменимыми являются книги проф. Виттека. Наконец, среди более молодого поколения турецких историков необходимо упомянуть проф. Иналджыка. Для меня была также чрезвычайно полезной работа преподобного Джилла о Флорентийском соборе и его последствиях.

Основные источники данного исследования кратко изложены в Дополнении I. Не все из них было легко заполучить. Христианские источники собраны в Monumenta Hungariae Historia (тт. XXI и XXII, ч. 1 и 2) покойным профессором Детьером примерно около 80-ти лет назад;

однако, несмотря на то что эти тома были набраны, они нигде не публиковались — очевидно, из-за большого количества имеющихся в них ошибок. Из мусульманских источников лишь немногие оказались легкодоступны, в особенности для тех, кто может читать османских авторов лишь медленно и с трудом. Надеюсь, что мне удалось постичь их суть.

Эта книга не появилась бы на свет, не будь Лондонской библиотеки. Я хотел бы выразить мою глубокую признательность персоналу читального зала Британского музея за их терпеливую помощь, а также поблагодарить г-на С.И. Папаставру за сделанную им корректуру текста, членов магистрата Кембриджского университета и персонал «Кембридж Юниверсити Пресс» за их неизменную снисходительность и доброту.

Замечание о написании имен и фамилий.

Не могу сказать, что в транслитерации греческих и турецких имен я пользовался какой-либо определенной системой. В написании греческих имен я придерживался их обычной и естественной формы, а для турецких имен применил простейшую фонетическую транскрипцию. Основой для написания современных турецких слов послужило их современное звучание. Я назвал Султана-Завоевателя его турецким именем Мехмед, а не Магомет или Мохаммед. Надеюсь, что мои турецкие друзья простят меня за то, что я называю город, о котором пишу, «Константинополь», а не «Истанбул»^[4]. Было бы слишком педантичным, если бы я поступил иначе.

Лондон, 1964 г.

Стивен Рансимен

Глава I.

Умирающая империя

На рождество 1400 г. король Англии Генрих IV устроил пир в своей резиденции в Элтхеме. На сей раз причиной его был не только религиозный праздник: король хотел также воздать почести высокому гостю. Им был Мануил II Палеолог, император эллинов, как его обычно называли на Западе, хотя некоторые отлично помнили, что в действительности он был императором ромеев. Мануил посетил Италию и ненадолго останавливался в Париже, где король Франции Карл VI заново отделал для его резиденции крыло Луврского дворца, а профессора Сорбонны с восторгом встретились с монархом, который был в состоянии беседовать с ними с той же степенью образованности и остротой ума, что и они сами. Англия была покорена благородством манер императора, безукоризненной белизной одежд его и свиты. Однако, несмотря на все его высокие титулы, хозяева испытывали чувство жалости к своему гостю, ибо он явился к ним как проситель, в отчаянной попытке обрести помощь в борьбе против неверных, угрожавших его империи. Придворному юристу короля Генриха, Адаму из Аска, было больно видеть его в Лондоне. «Я подумал, — писал впоследствии Адам, — как прискорбно, что этому великому христианскому государю приходится из-за сарацинов ехать с далекого Востока на самые крайние на Западе острова в поисках поддержки против них... О Боже, — восклицает он, — что случилось с тобой, древняя слава Рима?»^[5].

И действительно, от древней Римской империи осталось весьма немного. Хотя Мануил и был законным наследником Августа и Константина, уже в течение многих столетий власть константинопольских императоров не распространялась на Римский мир. Для Запады они превратились просто в греческих или византийских императоров, не заслуживающих серьезного внимания соперников новых императоров, появившихся на Западе.

Вплоть до XI в. Византия была блистательной и могущественной державой, оплотом христианства против ислама. Византийцы мужественно и успешно исполняли свой долг до тех пор, пока в середине столетия с Востока вместе с нашествием турок на них не надвинулась новая угроза со стороны мусульманства. Западная же Европа между тем зашла так далеко, что сама в лице норманнов попыталась осуществить агрессию против

Византии, которая оказалась вовлеченной в борьбу на два фронта как раз в то время, когда она сама переживала династический кризис и внутренние неурядицы. Норманны были отброшены, но ценой этой победы явилась потеря византийской Италии. Византийцам пришлось также навсегда отдать туркам гористые плато Анатолии — земли, бывшие для них главным источником пополнения людских ресурсов для армии и запасов продовольствия. Таким образом, империя оказалась меж двух зол; и это ее и без того трудное положение было еще более осложнено движением, вошедшим в историю под названием Крестовых походов. Будучи христианами, византийцы симпатизировали крестоносцам, но огромный политический опыт научил их проявлять веротерпимость и мириться с существованием неверных. Священная война в том виде, в каком ее вел Запад, казалась им опасной и нереалистичной.

Тем не менее они все же рассчитывали извлечь из нее некоторую пользу. Однако находящийся меж двух огней остается в безопасности только до тех пор, пока он силен. Византия продолжала играть роль великой державы, в то время как ее мощь была уже фактически подорвана. Потеря Анатолии, постоянного источника рекрутских пополнений в период непрекращающихся военных действий, принудила императора прибегнуть к помощи союзников и иностранных наемников, а те и другие требовали платы — либо деньгами, либо в виде торговых уступок. Эти требования надо было удовлетворять как раз тогда, когда экономика империи болезненно переживала потерю анатолийских житниц. На протяжении всего XII столетия Константинополь казался таким богатым и великолепным, императорский двор таким пышным, а пристани и базары города столь полными товаров, что к императору все еще относились как к могущественному властителю. Мусульмане, однако, не отплатили ему благодарностью за то, что он попытался сдержать воинственный пыл освободителей Гроба Господня; крестоносцы же, в свою очередь, были обижены его не слишком ревностным отношением к священной войне. Между тем глубокие старые религиозные различия между восточной и западной христианскими церквями, раздуваемые в политических целях на протяжении XI в., неуклонно углублялись, пока к концу столетия между Римом и Константинополем не произошел окончательный раскол.

Карта «Балканы и Малая Азия в XV в.».

Балканы и Малая Азия в XV в.

Кризис наступил тогда, когда армия крестоносцев, увлекаемая честолюбием своих вождей, ревнивой алчностью их венецианских союзников и той враждебностью, которую на Западе испытывали теперь по отношению к византийской церкви, повернула на Константинополь, захватила и разграбила его, образовав на руинах древнего города Латинскую империю. Этот Четвертый Крестовый поход 1204 г. положил конец Восточной Римской империи как наднациональному государству. После полувекового изгнания в Никее, на северо-западе Малой Азии, император и его двор вернулись в Константинополь, и Латинская империя прекратила свое существование. Казалось, вот-вот начнется новая эра величия Константинополя. Однако империя, восстановленная Михаилом Палеологом, уже не была доминирующей державой на христианском Востоке. Она сохранила лишь отблеск своего бывшего мистического престижа. Константинополь все еще был «Новым Римом», высоко почитаемой исторической столицей православного христианства; император все еще, по крайней мере в глазах тех, кто жил в восточной части, был римским императором. Однако в действительности он был теперь лишь государем среди равных ему или даже более могущественных.

Появились уже и некоторые другие греческие правители. К востоку от Византии находилась Трапезундская империя Великих Комнинов,

разбогатевшая на доходах от своих серебряных рудников и торговли вдоль старинного торгового пути из Тебриза и глубин Азии. В Эпире образовалась Эпирская деспотия династии Ангелов, одно время даже соперничавших с никейцами в стремлении отвоевать константинопольский престол, однако вскоре утративших всякое значение. На Балканах Болгария и Сербия поочередно претендовали на гегемонию на полуострове. В Греции — на материке и островах — возникли мелкие франкские феодальные княжества и итальянские колонии. Для того, чтобы вытеснить венецианцев из Константинополя, византийцы обратились за помощью к Генуе, потребовавшей, однако, вознаграждения за это; и теперь генуэзская колония Пера, или Галата, расположенная на другом берегу Золотого Рога, прибрала к рукам большую часть столичной торговли^[6]. Византийцам угрожали со всех сторон. Итальянские властители были готовы отомстить им за уничтожение Латинской империи. Славянские князья на Балканах домогались императорского титула. Турок в Азии удалось на время утихомирить; не будь этого, Византия вряд ли сумела бы выстоять. Однако, когда во главе их появилась династия блестящих военных предводителей Османов, стало очевидным, что в скором времени турки вновь заявят о себе. Возрожденной Византийской империи с ее сложными обязательствами в Европе и постоянной угрозой с Запада нужно было значительно больше денег и солдат, чем она имела. И она экономила за счет своих сил на восточных границах, пока не стало слишком поздно и оттоманские турки не прорвали ее оборонительные рубежи^[7].

Наступило время разочарований. Весь XIV век был для Византии периодом политических неудач. На протяжении нескольких десятилетий казалось, что сильное Сербское королевство сумеет завладеть всей империей. Византийские провинции были опустошены мятежом каталонских наемников (Каталонской компании). Личные и династические раздоры при дворе являлись причиной нескончаемых гражданских войн, особенно обострившихся, если в них принимали участие светские и религиозные партии. Император Иоанн V Палеолог, правивший на протяжении 50-ти лет — с 1341 по 1391 г., сверглся с престола не менее трех раз — своим свекром, затем сыном и, наконец, внуком, — хотя в конце концов умер он все-таки на троне^[8].

В стране свирепствовали опустошительные эпидемии чумы. «Черная смерть», разразившаяся в 1347 г., в разгар гражданской войны, унесла не менее трети населения империи^[9]. Турки, воспользовавшись неурядицами в Византии и на Балканах, переправились в Европу и продвигались все

дальше и дальше, пока в конце столетия войска султана не вышли к Дунаю и Византия не оказалась окруженной его владениями почти со всех сторон. Все, что осталось от Византийской империи, — это сам Константинополь, несколько городов на фракийском побережье Мраморного и Черного морей (включая Месемврию на севере), Фессалоника и ее окрестности, несколько небольших островов и Пелопоннес, где деспоты Морей, младшая ветвь царствующего дома, добились некоторых успехов, отвоевав у франков часть своих владений. Несколько латинских государств и колоний уцелели в Греции и на островах Архипелага. Герцоги-флорентийцы все еще правили в Афинах, а князья-веронцы — на островах Эгейского моря. Все остальное было уже захвачено турками^[10].

По прихоти судьбы культурная жизнь Византии в этот период политического упадка была более бурной и плодотворной, чем когда бы то ни было. В художественном и интеллектуальном отношении эра Палеологов была поразительной. Мозаики и фрески в церкви Хоры в Константинополе, относящиеся к началу XIV в., обладают такой живостью, свежестью и красотой, что по сравнению с ними произведения итальянских мастеров того же периода выглядят примитивными и незрелыми. Произведения столь же высокого качества создавались и в других местах столицы, а также в Фессалонике^[11]. Однако искусство такого высокого уровня обходилось недешево. Денежные затруднения становились все более ощутимыми. Во время коронации 1347 г. заметили, что драгоценные украшения в диадемах Иоанна VI и императрицы были в действительности сделаны из стекла^[12]. К концу столетия, хотя было еще достаточно произведений искусства малых форм, новые церкви строили только в провинциях, например в Мистре на Пелопоннесе и на Афоне, и отделаны они уже были гораздо скромнее. Между тем интеллектуальная жизнь, значительно менее зависящая от финансовых возможностей, продолжала блестяще развиваться. В конце XIII в. Константинопольский университет был заново отстроен известным первым министром Феодором Метохитом, человеком образованным и обладающим большим вкусом; отделка церкви Хоры также связана с его именем^[13]. Он способствовал появлению блестящей плеяды византийских ученых.

Наиболее известные ученые XIV в., такие, как историк Никифор Григорас (Григора) [Здесь и ниже в скобках приводятся другие варианты написания некоторых известных греческих фамилий XV в., встречающиеся в византистике. (Примеч. ред.)], богослов Григорий Паламас (Палама), мистик Николай Кавасилас (Кавасила), философы Димитрий Кидонис и

Акиндинос (Акиндин), учились в Университете в одно и то же время и испытали влияние Метохита. Его преемник на посту первого министра Иоанн Кантакузин также поощрял их, однако впоследствии, когда он узурпировал императорскую корону, многие из них с ним порвали.

Каждый из этих ученых обладал оригинальным мышлением; несмотря на дружбу, они вели оживленные дискуссии друг с другом, как на протяжении почти двух тысячелетий греки постоянно спорили о том, кто выше — Платон или Аристотель. Они спорили о семантике и логике, но их дискуссии неизбежно вторгались в область богословия. Православная традиция была весьма чувствительной к философии. Ревностные церковнослужители верили в обучение философским дисциплинам, используя термины Платона и методологию Аристотеля. Однако православная богословская наука в целом отвергала философию, считая ее неспособной разрешить проблемы, связанные с Богом, поскольку Бог по своей сущности был выше человеческого познания. Конфликтная ситуация возникла в середине XIV в., когда кое-кто из философов под влиянием западной схоластики выступил против традиционного церковного толкования мистицизма, защитники которого должны были в связи с этим сформулировать свою доктрину и провозгласить веру в извечную Божественную энергию. Это привело к острой полемике, посеявшей вражду между прежними друзьями и партиями. Доктрина о Божественной энергии получила поддержку главным образом среди монахов, в большинстве своем антиинтеллектуалов. Главный выразитель их идей, Паламас, именем которого часто называют эту доктрину, был человеком глубокого ума, не воспринимавшим, однако, идеи гуманизма. Тем не менее в число его приверженцев входили такие высокообразованные интеллектуалы-гуманисты, как Иоанн Кантакузин и Николай Кавасилас. Их победа никак не была, вопреки распространенному мнению, победой обскурантизма^[14].

Существовала, однако, другая, главная проблема, которая касалась не только богословов и философов, но и политиков, — проблема объединения с римской церковью. Раскол между двумя церквями к тому времени был уже полным, и триумф паламизма способствовал еще большему его углублению. Однако для многих византийских государственных деятелей было очевидным, что империи не выжить без помощи Запада. Если эту помощь можно получить только ценой подчинения римской церкви, грекам следует на это пойти. В свое время Михаил Палеолог, отвергая западные планы возрождения Латинской империи, пытался склонить свой народ к унии с Римом, заключенной на Лионском соборе. Но большинство

византийцев отнеслись к унии резко отрицательно, и, когда угроза для империи миновала, его сын Андроник II отрекся от унии. Теперь, когда империя оказалась окруженной почти со всех сторон турками, положение стало еще более угрожающим. Уния стала необходима не для того, чтобы откупиться от врагов-христиан, а чтобы заручиться поддержкой в борьбе против куда более опасных врагов-неверных. На православном Востоке не было никого, кто мог бы оказать помощь. Христианские государи придунайских стран и Кавказа были слишком слабы, да и сами находились в серьезной опасности, а русские, обремененные к тому же множеством собственных проблем, слишком далеки^[15]. Но захочет ли хоть одно католическое государство спасать тех, кто, по его мнению, стали схизматиками? Не будет ли оно считать турецкое нашествие справедливой карой за раскол? С мыслями об этом император Иоанн V в 1369 г. отправился в Италию, к папе, чтобы признать его главенство над собою лично. Но он предусмотрительно отказался признать эту власть для своих подданных, тщетно надеясь, что позднее ему удастся побудить их последовать его примеру^[16].

Ни Михаил VIII, ни Иоанн V не придавали большого значения вопросам богословия. Для них обоих политические преимущества унии превалировали над всем остальным. Что же касается богословов, то для них проблема унии была гораздо сложнее. С очень древних времен восточное и западное христианство все более расходились в вопросах богословия и службы, церковной теории и практики. Главной же богословской догмой, разделявшей их, был вопрос об исхождении Святого Духа — прибавлении римской церковью к Символу Веры слова *filioque*^[17]. Были и другие, менее значительные расхождения. Принятая незадолго перед этим доктрина о Божественной энергии была неприемлема для Запада; западный же догмат о чистилище казался Востоку слишком вольным. В области церковной службы главный пункт расхождений заключался в том, должен ли хлеб для причастия быть замешанным на дрожжах или нет. Для Востока западная традиция употреблять пресный хлеб казалась обрядом иудаистским, оскорбительным для Святого Духа, который символизировали дрожжи. Подобное же неуважение Запад демонстрировал и своим отказом признать «Эпиклесис» — обращение к Святому Духу, без чего, как полагали на Востоке, хлеб и вино нельзя считать достаточно освященными. Различные точки зрения были и на то, причащать ли мирян обоими видами причастия, и по вопросу о браке белого духовенства.

Но наиболее существенными были разногласия по вопросам устройства церкви. Обладает ли римский епископ лишь приоритетом чести, или он пользуется абсолютным главенством в церковной иерархии? Византийская традиция исходила из существовавшего с незапамятных времен правила о священном равенстве епископов; никто из них, даже преемник святого Петра, не имел права навязывать свою доктрину, каким бы уважением ни пользовались его взгляды^[18]. Право провозглашения доктрин имеет только Вселенский собор, где, как в праздник Пятидесятницы, присутствуют все епископы; только тогда Святой Дух нисходит, чтобы просветить их. Римское прибавление к Символу Веры шокировало Восток не только в богословском плане, но еще и потому, что это было односторонним изменением формулы, освященной Вселенским собором. Не могла восточная церковь признать также административную и дисциплинарную власть Рима, полагая, что такой властью обладают все пять патриархов, из которых папа римский считался старшим, но не верховным главой. Византийцы были весьма привержены к обрядам и правилам церковной службы, тем не менее их церковная доктрина об Экономии, рекомендовавшая обходить мелкие разногласия в интересах сохранения порядка в Доме Божием, разрешала им проявлять известную гибкость. Римская же церковь по самой сути своей не могла идти на какие-либо уступки^[19].

Византийские ученые относились к идее унии по-разному. Многие из них были слишком преданы догматам православия, чтобы вообще думать об унии с Римом. Однако находились и такие, особенно среди философов, кто был готов примириться с подчинением Риму, если их вероучение и традиции не будут прямо отвергаться. В это тревожное время для них было превыше всего сохранение единства христианства и христианской цивилизации. Многие из них побывали в Италии и могли заметить, что интеллектуальная жизнь там бьет ключом. Они могли убедиться и в том, как высоко стали ценить в Италии греческих ученых, если те приезжают как друзья. Приблизительно в 1340 г. Димитрий Кидонис перевел на греческий труды Фомы Аквинского. Схоластические построения последнего привлекли внимание многих греческих мыслителей, наглядно показав им, что эрудицию итальянских ученых нельзя недооценивать. Греческие ученые стремились расширять культурные связи с Италией, и это желание было взаимным. Все большее число их получило предложения занять доходные профессорские кафедры на Западе. Идея интеграции византийской и итальянской культур становилась все более

привлекательной, и если греческие церковные традиции будут гарантированы, то стоило ли волноваться из-за подчинения римской церкви, принимая во внимание при этом ее достойную роль в прошлом и блеск нынешней итальянской жизни?^[20]

Сторонники унии принадлежали главным образом к интеллектуальной элите либо к политическим деятелям. Монахи же и низшие слои духовенства были ее открытыми противниками.

Вопросы культуры их мало волновали. Они кичились своей верой и традициями. Они помнили и о страданиях их прадедов под властью латинских императоров. Именно эти слои оказывали непосредственное влияние на умы людей, проповедуя, что уния безнравственна и принять ее значило рисковать обречь себя на вечные муки. Подобная участь выглядела куда страшнее любого бедствия, которое могло обрушиться на них в этом преходящем мире. Имея такую оппозицию, любому императору было бы нелегко выполнить какие бы то ни было обещания осуществить унию; среди противников унии имелись ученые и богословы, чья приверженность традициям шла не только от сердца, но и от ума, а также политические деятели, которые не верили, что Запад будет когда-либо в состоянии спасти Византию, как таковую.

Ожесточенные споры об унии происходили в атмосфере экономического упадка. Несмотря на блестящие достижения его ученых, Константинополь конца XIV столетия был печальным, деградирующим городом. Его население, которое в XII в. составляло вместе с окрестными жителями около миллиона человек, теперь насчитывало не более ста тысяч, продолжая постепенно сокращаться и далее^[21]. Предмесья на противоположном берегу Босфора уже находились в руках турок. Пера, расположенная на другой стороне Золотого Рога, стала колонией генуэзцев. На фракийских берегах Босфора и Мраморного моря, усеянных когда-то роскошными виллами и богатыми монастырями, у греков осталось лишь несколько деревушек, лепившихся вокруг старинных церквей.

Сам город, окруженный стенами протяженностью 14 миль, даже в свои лучшие времена был полон парков и садов, отделявших городские кварталы друг от друга. Теперь же многие кварталы фактически исчезли, и засеянные поля и сады разделяли лишь то, что от них осталось. В середине XIV в. путешественник Ибн Баттута насчитал внутри константинопольских стен 13 отдельных городских поселений. Гонсалес де Клавихо, посетивший Константинополь в первые годы XV столетия, был поражен тем, насколько такой громадный город полон руин, и Бертрандон де ла Брокьер несколько

лет спустя пришел в ужас от его заброшенности. Перо Тафур в 1437 г. писал о редком и поразительно бедном населении Константинополя. В отдельных его районах казалось, что вы находитесь в сельской местности с цветущими по весне зарослями диких роз и поющими в рощах соловьями.

Строения Старого императорского дворца в юго-восточном конце города стояли заброшенными. Последний латинский император, дошедший до крайней бедности, продал бóльшую часть находившихся в городе священных реликвий Людовику Святому^[22]; затем, прежде чем отдать в залог венецианцам своего сына и наследника, он приказал снять с кровли дворца все свинцовые покрытия и расплачиваться ими вместо денег.

Ни у Михаила Палеолога, ни у его наследников уже не нашлось достаточно средств, чтобы их восстановить. На территории дворца сохранились в порядке лишь несколько церквей, таких, как Новая Базилика Василия I и церковь Фаросской Богоматери. Поблизости постепенно разрушался ипподром; молодые люди из благородных семей использовали его арену для игры в поло. В стоящем напротив патриаршем дворце еще находилась канцелярия патриарха, однако сам он уже давно не осмеливался жить в нем. Только величественный собор св. Софии (Божественной премудрости) был по-прежнему великолепен, поскольку на его содержание шли средства, получаемые по специальной статье государственных сборов.

Карта «Константинополь в середине XV в.».

Константинополь в середине XV в.

Главная улица, проходившая через центральную холмистую часть города от Харисийских (ныне Адрианопольских) ворот до Старого дворца, была тесно застроена лавками и домами с возвышающимся над ними собором св. Апостолов; громадное здание собора находилось, однако, в плачевном состоянии. Вдоль Золотого Рога тянулись более многочисленные и расположенные близко друг от друга селения; особенно тесно были заселены оба конца залива — у сухопутных стен в квартале Влахерны где теперь находился новый императорский дворец, и у оконечности

полуострова под холмом, с расположенным на нем арсеналом. Наиболее богатый квартал из примыкавших непосредственно к заливу принадлежал венецианцам; рядом располагались улицы на которых селились торговцы с Запада: анконцы^[23] и флорентийцы, рагузаны^[24] и каталонцы, а также евреи. Вдоль берега тянулись верфи и складские помещения; примерно в том месте, где сейчас расположен Большой крытый рынок, имелись базары. Все эти кварталы были, однако, обособлены друг от друга, многие из них обнесены стенами или заборами. На южных окраинах города, обращенных к Мраморному морю, селения встречались реже. В квартале Студий где сухопутные стены спускались к Мраморному морю, вокруг старинной церкви св. Иоанна и исторического монастыря при ней с его прекрасной библиотекой, группировались здания Университета и Патриаршей академии. К востоку от них, в Псаматии находилось несколько верфей. В разных частях города еще попадались великолепные дома горожан и здания монастырей. Временами можно было встретить богато одетых господ и дам, передвигавшихся по городу верхом или на носилках, хотя де ла Брокьер отмечал с горечью, как невелик был эскорт у очаровательной императрицы Марии, когда она ехала во дворец из собора св. Софии. На базарах и морских причалах все еще было полно товаров, здесь можно было встретить венецианских, славянских или мусульманских купцов, которые предпочитали вести свои дела в старом городе, нежели торговать с генуэзцами на противоположном берегу Золотого Рога. Ежегодно в город все еще стекались богомольцы, прибывавшие в основном из России, чтобы помолиться в церквях и поклониться хранящимся там святыням. И государство, насколько это еще было в его силах, продолжало содержать для них гостиницы, так же как и больницы и детские приюты^[25].

Помимо Константинополя в пределах империи оставался еще лишь один значительный город — Фессалоника, который по-прежнему выглядел процветающим. Это все еще был главный порт на Балканах. Ежегодные ярмарки в Фессалонике собирали торговцев со всего мира. В городе, меньшем по площади чем Константинополь, не были так заметны упадок и запустение.

Однако Фессалоника так и не смогла полностью оправиться от бед, пережитых ею в середине XIV столетия, когда в течение нескольких лет город находился в руках повстанцев, известных под именем зилотов, которые разрушили многие дворцы, купеческие дома и монастыри, прежде чем восстание было подавлено. В конце столетия город захватили турки, хотя впоследствии он на некоторое время опять стал свободным. Мистра на

Пелопоннесском полуострове, столица деспота Морей, хотя и гордилась своими дворцом и замком, а также несколькими церквями, монастырями и школами, была больше похожа на деревню, чем на город^[26].

Эти трагические обломки империи и были тем наследством, которое в 1391 г. получил император Мануил II^[27]. Да и сам Мануил II был фигурой трагической. Его юность прошла среди семейных междоусобиц и войн, во время которых он единственный остался верен своему отцу Иоанну V; однажды ему даже пришлось вызволять отца из долговой тюрьмы в Венеции. Несколько лет юноша вынужден был находиться при дворе турецкого султана в качестве заложника, присягнув ему в верности, и даже стать во главе византийского отряда, чтобы помочь своему сюзерену покорить свободный византийский город Филадельфия. Он нашел утешение в науке, написав среди других занятий для своих турецких друзей небольшую книгу, в которой сравнивал христианство и ислам и которая может считаться образцом в своем жанре.

Это был достойный император. Он великодушно признал соправителем на престоле своего племянника Иоанна VII, сына старшего брата, за что был вознагражден глубокой верностью, которую этот легкомысленный молодой человек сохранял по отношению к нему всю свою недолгую жизнь. Мануил II сделал попытку провести реформу монастырей и улучшить их материальное положение; он пожертвовал Университету все деньги, какие только мог выделить. Император понимал политическую необходимость помощи Запада. Крестовый поход против турок в 1396 г., который был начат с благословения двух соперничавших пап и с самого начала обречен на неудачу из-за безрассудства его вождей, проявившегося в битве при Никополе на Дунае, фактически был предпринят скорее в ответ на мольбы венгерского короля, чем на призывы императора Византии^[28]. Правда, в 1399 г. по просьбе Мануила II в Константинополь прибыл со своим отрядом французский маршал Бусико, но это было все, чего византийцам удалось достигнуть. Мануил II был против унии, во-первых, в силу своих искренних религиозных убеждений, которые он достаточно открыто изложил в трактате, написанном для профессоров Сорбонны; во-вторых, потому что слишком хорошо знал своих подданных, чтобы надеяться, что они когда-либо примут ее. Своему сыну и наследнику Иоанну VIII он завещал продолжать переговоры о союзе в благожелательном духе, но стараться не связывать себя обещаниями, которые могут оказаться невыполнимыми. Для своей поездки на Запад в поисках поддержки он выбрал момент, когда папство было

дискредитировано Великим расколом; он стремился к контактам со светскими государями, надеясь таким путем избежать давления церкви. Однако, несмотря на то что он произвел на Западе благоприятное впечатление, эта поездка не принесла ему никаких материальных результатов, за исключением небольших денежных сумм, которые принимавшие его хозяева сумели выколлотить из своих не слишком охотно соглашавшихся на это подданных. В 1402 г. император вынужден был поспешить домой после известия о том, что султан движется со своим войском на Константинополь. Его столица была спасена еще до его возвращения, так как в этот момент на владения турок с востока напал татарский эмир Тимур. Однако отсрочка, полученная Византией благодаря поражению султана Баязида в битве при Анкаре, не могла спасти умирающую империю. Сила оттоманских властителей была ослаблена лишь на короткое время. Династические ссоры удерживали их, однако, от нападения еще в течение двух десятилетий. Когда в 1423 г. на Константинополь двинулся султан Мурад II, он вынужден был почти немедленно снять осаду из-за династических интриг и слухов о восстании в его державе^[29].

Таким образом, вторжение Тимура на целых полстолетия отсрочило падение Константинополя. Но император Мануил в одиночку мало что мог сделать за это время. Он отвоевал обратно несколько городов во Фракии и добился того, что на турецком престоле оказался дружественно настроенный к нему султан. Если бы все имевшиеся в Европе силы удалось сплотить против оттоманских турок, угроза с их стороны еще могла быть ликвидирована. Но для создания коалиций требуются время и добрая воля; ни того, ни другого в тот момент не оказалось. Генуэзцы, опасаясь за свою торговлю, поспешно послали к Тимуру посольство и одновременно предоставили корабли для перевозки разбитых турок из Азии в Европу. В свою очередь, венецианцы, боясь, что генуэзцы их перехитрят, предписали властям своих колоний соблюдать строгий нейтралитет. Папство, будучи в тисках Великого раскола, не могло подавать пример. Светские государи на Западе еще не забыли ужаса поражения при Никополе, и при этом у каждого имелись более близкие для него проблемы. Венгерский король, будучи уверенным, что турецкая угроза миновала, ввязался в интриги в Германии, из которых он вышел германским императором. Константинополю в этот момент вроде бы ничего непосредственно не угрожало. Так стоило ли из-за него беспокоиться?^[30]

В самом Константинополе такого оптимизма отнюдь не разделяли; но,

несмотря на ощущение опасности, интеллектуальная жизнь в нем по-прежнему отличалась блеском. Старшее поколение ученых уже ушло. Теперь, кроме самого императора, ведущей фигурой был Иосиф Вриенний — глава Патриаршей академии и профессор Университета. Именно он воспитал последнее замечательное поколение византийских ученых. Вриенний был большим знатоком как западной, так и греческой литературы и помог императору ввести изучение трудов западных ученых в университетскую программу. Он горячо приветствовал приезд студентов с Запада. Энеа Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II, писал впоследствии, что в дни его юности любой итальянец, претендующий на то, чтобы называться ученым, должен был повсюду утверждать, что учился в Константинополе. Но так же как и Мануил, Вриенний был против объединения церквей. Он не мог принять римское богословие и расстаться с византийскими традициями^[31].

Еще более выдающийся ученый, Георгий Гемист Плифон, бывший несколько моложе Вриенния, который примерно в те же годы покинул родной Константинополь и поселился в Мистре под покровительством наиболее образованного из сыновей императора деспота Морей Феодора II. Там он основал Платоновскую академию и написал целый ряд книг, в которых призывал к перестройке государства на принципах учения Платона; по его мнению, это был единственный путь к возрождению Греческого мира. Он выдвигал различные предложения в социальной, экономической и военной областях, из которых лишь немногие имели практическое значение. В области религии Плифо проповедовал космологию Платона с примесью эпикурейства и зороастризма. Будучи формально православным христианином, он редко обращался к христианству, как таковому, и любил отождествлять Бога с Зевсом. Его религиозные воззрения никогда открыто не публиковались. Рукопись, в которой он их изложил, попала после его смерти и падения Константинополя в руки его старого друга и оппонента в спорах патриарха Геннадия, который читал ее со все возрастающим восхищением и ужасом и в конце концов с неохотой предал сожжению. До наших дней сохранилось только несколько фрагментов рукописи^[32].

Терминология, которой широко пользовался Плифон в своих трудах, особенно наглядно показывает, как изменился к тому времени Византийский мир. До сих пор византийцы употребляли слово «эллин» (за исключением тех случаев, когда речь шла о языке) только в применении к греку-язычнику в противоположность греку-христианину. Теперь же, когда

империя сократилась почти до горстки городов-государств, в то время как Западный мир был полон восхищения перед древней Грецией, гуманисты стали охотно называть себя «эллинами». Официально империя все еще была Римской, однако слово «ромей», которым византийцы раньше всегда называли себя, начало выходить из употребления в образованных кругах, пока наконец термином «ромейский» не стали называть лишь язык простонародья в противоположность литературному. Такой подход возник в Фессалонике, где интеллектуалы очень гордились своим греческим наследием. Так, Николай Кавасилас, уроженец Фессалоники, пишет: «наше сообщество Эллада». Его примеру следуют и многие другие его современники. К концу века к Мануилу уже часто обращаются как к «императору эллинов». Если бы несколько столетий назад какое-либо западное посольство прибыло в Константинополь с верительными грамотами, адресованными «императору греков», его просто не приняли бы при дворе. Теперь же, хотя некоторым традиционалистам и не нравился новый термин и хотя, говоря так, никто не имел в виду, что император отрекся от своих вселенских притязаний, этот термин приживался все больше, напоминая византийцам об их древнегреческом наследии. В эти последние десятилетия своего существования Константинополь был осознанно греческим городом^[33].

Мануил II отошел от активной деятельности в 1423 г. и скончался двумя годами позже. Его друг, султан Мехмед I, к тому времени уже умер, и при новом султанине Мураде II Османская держава стала сильной, как никогда прежде. Многие греки восхищались Мурадом, который, будучи преданным мусульманином, слыл добрым, порядочным и справедливым человеком; однако его истинный характер обнаружился в 1422 г., когда он двинулся на Константинополь. И хотя попытка Мурада осадить город окончилась безрезультатно, его натиск на прочие районы империи был так силен, что правитель Фессалоники, третий сын Мануила Андроник, человек психически нездоровый, потеряв надежду удержать город, продал его венецианцам. Но и те не смогли его удержать. В 1430 г. после кратковременной осады город захватили турки. Хотя в последующие годы Мурад и не проявлял агрессивных намерений, нельзя было быть уверенным, что отсрочка продлится долго^[34].

Старший сын Мануила II, Иоанн VIII, был настолько убежден, что спасти империю может только помощь Запада, что, невзирая на совет отца, решил срочно добиваться унии с Римом. Только западная церковь могла сплотить силы Запада для спасения Византии. Папство к тому времени

благодаря движению сторонников примирения оправилось от последствий Великого раскола. Иоанн понимал, что единственная возможность заставить своих подданных принять унию — это утвердить ее на соборе, который, насколько это было возможно, приближался бы по своему представительству к вселенскому. На этот раз западная церковь не могла отвергнуть идею созыва собора, и после долгих переговоров папа Евгений IV предложил императору прислать делегацию на собор, который намечалось провести в Италии. Иоанн предпочел бы, чтобы он проходил в Константинополе, но приглашение принял. Собор открылся в Ферраре в 1438 г., однако в следующем году он был перенесен во Флоренцию, где и прошли его наиболее важные заседания.

Дошедшее до нас подробное описание Флорентийского собора выглядит очень сухо. Прежде всего возникли споры о председательстве. Должен ли быть председателем император, как это было на прежних вселенских соборах? Как следует папе принимать константинопольского патриарха? Было условлено, что будет подвергнута обсуждению проблема правильного толкования канонов вселенских соборов и трудов Отцов церкви, как латинских, так и греческих. Считалось, что Отцы церкви были вдохновленными свыше и поэтому необходимо следовать их указаниям. К сожалению, это вдохновение свыше оказалось явно не в ладах с последовательностью. Отцы часто не соглашались друг с другом, а подчас даже противоречили самим себе. Возникли бесконечные языковые затруднения. Весьма редко удавалось найти для греческих богословских терминов точный эквивалент на латыни; к тому же греческий и латинский варианты канонов, принятых на вселенских соборах, часто не совпадали.

Следует признать, что во время дебатов латиняне выглядели сильнее. Их делегация состояла из высококвалифицированных полемистов, выступавших единой группой, которой присутствовавший на соборе папа всегда мог помочь советом. Греческая делегация являлась менее монолитной. Состав епископов не был представительным, поскольку многие из наиболее влиятельных иерархов отказались от участия в соборе. Чтобы поднять престиж делегации, император возвел в сан митрополитов трех ученых монахов, а именно: Виссариона из Трапезунда — в сан митрополита Никейского, Исидора — митрополита Киевского и всея Руси и Марка Евгеника — митрополита Эфесского. Он включил в состав делегации также четырех философов-мирян: Георгия Схолария, Георгия Амируциса, Георгия из Трапезунда и бывшего тогда уже в преклонных летах Плифона.

Восточным патриархам было предложено назначить своих делегатов

из числа присутствовавших на соборе их епископов; те пошли на это неохотно, не желая давать своим представителям достаточных полномочий. По традициям православной церкви любой иерарх, включая патриарха, считается одинаково просвещенным свыше в понимании догматов веры, а толкование богословских трудов предоставлялось вообще мирянам. Таким образом, каждый участвовавший в дискуссии грек выступал сам по себе. Патриарх Иосиф, добродушный старичок, внебрачный сын болгарского князя и греческой аристократки, не отличался ни глубоким умом, ни крепким здоровьем, и не имел никакого веса. Императору приходилось самому время от времени вмешиваться в дискуссию, чтобы предотвратить обсуждение скользких вопросов, таких, например, как учение о Божественной энергии. Среди греков не было ни согласия, ни какой-либо определенной линии поведения; к тому же все они испытывали денежные затруднения и торопились домой.

В конце концов уния с трудом была принята. Из философов ее одобрили Георгий Схоларий, Георгий Амируцис и Георгий из Трапезунда — все поклонники Фомы Аквинского. Плифон, по-видимому, предпочел уклониться от подписания, поскольку считал латинскую церковь еще более враждебной свободной мысли, чем греческая. Однако во Флоренции он отлично провел время. Его приветствовали как ведущего ученого-платоника, и сам Козимо Медичи основал в его честь Платоновскую академию; таким путем его оппозиция была нейтрализована. Патриарх Иосиф согласился с латинянами, что их формула о Святом Духе, исходящем и от Сына (*filioque*), означает то же самое, что и греческая формула Святого Духа, исходящего чрез Сына. Вскоре он заболел и умер. Один ехидный ученый заметил, что Иосифу как приличному человеку, растерявшему остатки своего престижа, ничего другого и не оставалось.

Виссарион и Исидор, будучи под сильным впечатлением от образованности итальянцев, также согласились с точкой зрения латинян и страстно желали интеграции греческой и итальянской культур. Акт об унии подписали, за одним исключением, все греческие епископы — некоторые, правда, жаловались, что сделали это под давлением со стороны императора. Исключением же был Марк Эфесский, который не подписал бы акта даже под угрозой лишения сана. По своей сути акт об унии, хотя и разрешал определенные обряды греческого богослужения, практически был не чем иным, как утверждением доктрины западной церкви, хотя пункт об отношениях между папами и вселенскими соборами и оставался изложенным несколько туманно^[35].

Подписать акт об объединении церквей оказалось, однако, намного легче, чем осуществить унию. Когда делегация вернулась в Константинополь, она была встречена там с нескрываемой враждебностью. Вскоре Виссарион, несмотря на большое уважение, которым он пользовался, счел за благо удалиться в Италию, где к нему затем присоединился и Исидор, яростно отвергнутый русскими. Восточные патриархи не признали себя связанными подписью своих делегатов. Императору с трудом удалось найти кандидата на престол константинопольского патриарха. Его первый избранник очень скоро умер. Следующий, Георгий Маммас, возведенный в патриархи в 1445 г., мрачно пребывал на своем посту в течение шести лет, бойкотируемый почти всем клиром, а затем также предпочел более благожелательную атмосферу Рима. Марк Эфесский был лишен сана, однако народ именно его считал главой церковной иерархии. Что касается философов, то Георгий из Трапезунда уехал в Италию, а Георгия Схолария стали одолевать сомнения — скорее по политическим, нежели религиозным, соображениям. Оставаясь приверженцем схоластической школы, он, однако, решил, что уния не в интересах греков, и постригся в монахи под именем Геннадия. Марк Эфесский до самой смерти был признанным лидером противников унии. Георгий Амируцис пошел еще дальше и стал изыскивать возможности установления взаимопонимания с исламом. Сам император испытывал сомнения, правильно ли он поступил. Не собираясь отречься от унии, он тем не менее под влиянием своей матери, вдовствующей императрицы Елены, не торопился проводить ее в жизнь. Все это принесло умирающему городу только новые раздоры и печали^[36].

Если бы вслед за провозглашенной унией последовал удачный поход против турок, она, возможно, и получила бы постепенно признание. В 1440 г. папа Евгений действительно провозгласил Крестовый поход против турок. Ему удалось в конце концов собрать против них армию, состоявшую главным образом из венгров, которая в 1444 г. переправилась через Дунай. Однако папский легат, кардинал Чезарини, заставив военного руководителя похода, трансильванского воеводу Яноша Хуньяди, нарушить торжественный договор с султаном на том основании, что клятвы, данные неверным, нужно считать недействительными, затем разошелся с ним в вопросах стратегии. Султану Мураду не составило большого труда разгромить силы крестоносцев под Варной, на берегу Черного моря^[37].

Многим западным историкам представляется очевидным, что, отвергая унию, византийцы бессмысленно и упрямо шли на самоубийство.

Следует, однако, иметь в виду, что простой народ под влиянием монахов был глубоко и страстно предан своей вере, ее обрядам и традициям, которые считались ниспосланными свыше; измена им была смертным грехом. Это был век глубокой религиозности. Византийцы не сомневались в том, что их земная жизнь — только прелюдия к грядущему вечному бытию. Купить себе безопасность здесь, на земле, ценой вечного спасения — об этом не могло быть и речи. Среди них отмечалась и склонность к фатализму. Если на них надвигается катастрофа, то это — кара Божья за прегрешения. Византийцы были пессимистами. Во влажном, меланхоличном климате Босфора природная веселость их греческих предков увяла^[38]. Даже во времена процветания империи шепотом передавали друг другу предсказания о том, что империя не вечна. Рассказывали, например, что на разбросанных по городу камнях и в старинных книгах мудрецы прошлых времен начертали полный перечень императоров, который теперь подходит к концу. Царство антихриста уже грядет; даже тех, кто был убежден, что Богородица никогда не допустит, чтобы посвященный ей город попал в руки неверных, становилось все меньше. Союз же с еретическим Западом не может принести спасения или как-то изменить судьбу^[39].

Можно подобные набожные суждения считать проявлением невежества и ограниченности. Однако среди византийцев были и мыслящие политические деятели, которые тоже сомневались в преимуществах унии. Многие из них не без оснований считали, что Запад никогда не сможет или не захочет оказать помощь, достаточную для того, чтобы противостоять гораздо лучше организованной военной силе турок. Другие же, главным образом церковники, опасались, что уния приведет к еще большему расколу. Не сочтут ли греки, которые так долго боролись против преследований франкских правителей за свою целостность, что их предали? Все больше и больше греков подпадало под власть турок, и их единственной связью с Константинополем оставалась только церковь. И если константинопольская патриархия подчинится Западу, последуют ли за нею церковные общины, оказавшиеся под турками, которые, безусловно, этого не одобряют? Будут ли готовы присоединиться к унии православные церкви стран Кавказа, Дуная, а также России? Братские восточные патриархии уже открыто высказали свое неодобрение. Так можно ли рассчитывать на то, что православные христиане, считающие своим главой византийского патриарха, но независимые от империи, подчинятся западной церкви только ради спасения империи?

Хорошо было известно, например, что русские ненавидят латинскую церковь как церковь своих польских и скандинавских врагов. Из меморандума 1437 г. мы знаем о том, что из 67-ми епархий, подчинявшихся константинопольскому патриарху, только восемь осталось во владениях самого императора и еще семь в Морейской деспотии^[40]. Это означало, что уния с Римом вполне могла стоить патриарху потери более трех четвертей его епископств. Таков был веский аргумент в добавление к естественному нежеланию византийцев жертвовать своей религиозной свободой.

Лишь немногие государственные деятели были способны предвидеть дальнейшие события. Византия в глазах любого беспристрастного наблюдателя была обречена. Единственная возможность воссоединить греческую православную церковь, а вместе с ней и греческий народ, заключалась скорее всего в том, чтобы признать зависимость от турок, в которую и так уже попало большинство греков. Только таким путем можно было воссоединить православную греческую нацию и возродить ее в такой степени, чтобы со временем у нее набралось достаточно сил для свержения ига неверных и воссоздания Византии.

За небольшим исключением, никто из греков не потерял достоинства настолько, чтобы добровольно подчиниться телом неверным и тем более душою — латинянам. Так, может, мудрее было бы сделать первое, с тем чтобы избежать второго? Единство греческой нации легче было бы сохранить народу, объединенному под господством мусульман, нежели его части, присоединенной к окраине Западного мира. Фраза, приписываемая последнему первому министру Византии Луке Нотарасу: «Лучше тюрбан султана, чем шапка кардинала», на самом деле не была такой шокирующей, какой кажется сначала^[41].

Находившимся в Италии Виссариону и его друзьям-гуманистам, делавшим все, что в их силах, для того чтобы добиться помощи соотечественникам, царившие в Константинополе настроения казались дикими, неумными, ограниченными. Они были убеждены, что союз с Западом принесет Византии такой прилив новых культурных и политических сил, что она снова сможет встать на ноги. И разве они не были правы?^[42]

По возвращении из Италии император Иоанн VIII прожил еще девять довольно печальных лет. Вернувшись, он узнал, что обожаемая им императрица Мария Трапезундская умерла от чумы. Детей у него не было. Братья его проводили время либо в непрерывных междоусобицах на Пелопоннесе, либо в интригах против него во Фракии. Из всей своей семьи

он мог довериться лишь престарелой матери, императрице Елене, но и она не одобряла его политики. Император делал все возможное, чтобы терпимостью и тактом поддерживать мир в своей раздираемой противоречиями столице. Все средства, которые могло выделить государство, он предусмотрительно тратил на укрепление сухопутных городских стен, чтобы быть готовым к неизбежному турецкому нашествию. Смерть пришла к нему как избавление 31 октября 1448 г.^[43].

Глава II.

Подъем султаната

В лучшие времена своего великого прошлого благополучие Византии было связано с ее господством над Анатолией. Громадный полуостров, известный в древности как Малая Азия, во времена римлян был одним из наиболее населенных мест мира.

Упадок Римской империи, сопровождавшийся мором от чумы и малярии, а затем персидское и арабское нашествия в VII—VIII вв. значительно сократили население Малой Азии. Лишь в IX в. на полуостров вернулось спокойствие. Хорошо продуманная система защиты границ уменьшила опасность вражеских нападений. Восстановилось земледелие, найдя рынок сбыта для своей продукции в Константинополе и в процветающих приморских городах. Богатые долины на западе полуострова изобиловали оливковыми рощами, фруктовыми садами и посевами зерновых. В нагорных районах паслись многочисленные стада и отары, а там, где возможно было орошение, простирались богатые поля кукурузы^[44].

Политика византийских императоров была направлена против крупного землевладения; они предпочитали, чтобы земля находилась в руках сельских общин, которые в качестве арендной платы за землю поставляли солдат для императорской армии или местной милиции. Власть центрального правительства проявлялась лишь в частых инспекциях, а также в выплате из имперской казны жалованья провинциальным чиновникам.

Благополучие империи во многом зависело от хорошей охраны ее границ. В пограничных областях, как правило, образ жизни населения был в основном иным, чем в центре империи. Охрана границ была возложена на местное военное сословие — так называемых *акритов*, вся жизнь которых состояла в рейдах на территорию врага или в отражении его нападений. Это были независимые, не признающие законов воины, противившиеся любой попытке правительства установить над ними какой-то контроль, не желавшие платить налоги — скорее наоборот, ожидавшие награды за свою службу. Они притягивали к себе всевозможных искателей приключений, поскольку в этой дикой местности жизнь мало походила на оседлую, а население не было однородным (за исключением районов, где

обосновались и поддерживали свои традиции армяне).

Военные действия на границе, по сути дела, шли постоянно независимо от того, существовал ли официально мир между правительствами Византии и Халифата; однако предводители пограничных отрядов не были заклятыми врагами своим противникам по ту сторону границы, которые вели такой же образ жизни. Пограничные мусульмане были, пожалуй, несколько более ортодоксальны в вопросах религии; тем не менее их фанатизм не мешал взаимному общению сторон и даже бракам между ними. Ни по ту, ни по эту сторону границы официальная религия не была очень популярна. Многие акриты принадлежали к самостоятельной армянской церкви, и почти все они охотно давали приют еретикам; в то же время еретики-мусульмане тоже всегда могли укрыться у мусульманских пограничных правителей^[45].

На некоторое время эта система была нарушена из-за упадка Халифата и новых захватнических устремлений Византии.

Начиная с середины X столетия армии империи постепенно отвоевали обратно у арабов обширные пограничные территории, особенно в Сирии. Теперь граница проходила не по диким горным массивам, а через освоенные, густонаселенные земли. Их защиту стало возможным поставить под контроль официальных правительственных чиновников, имевших резиденции в Антиохии или в каком-либо другом из отвоеванных городов. В старой пограничной страже из акритов уже не было необходимости, и предводители акритов занялись тем, что стали вкладывать добытые в прежних стычках и рейдах богатства в приобретение земель по всей Анатолии. Однако они по-прежнему оставались гордыми и независимыми, окружая себя целым войском приверженцев, в которое шли главным образом бывшие свободные крестьяне завоеванных (часто незаконно) акритами деревень. Эти предводители и сформировали ядро той земельной аристократии, чья мощь в середине XI в. сильно пошатнула правительство империи. В то же время центральная администрация стремилась установить контроль над пограничными территориями Армении к северу от границы, а затем официально аннексировала эти обширные провинции, распространив на них ненавистную византийскую систему налогообложения и власть византийского духовенства. Соппротивление, которое вызвали эти действия, в значительной степени ослабило способность Византии оборонять свои рубежи^[46].

Теперь же Византии стал угрожать народ, с которым ее отношения были до сих пор обычно дружескими. За несколько предыдущих веков

обширная Туркестанская равнина постепенно высыхала, и тюркские племена двинулись на запад в поисках новых земель. Византия еще в VI столетии поддерживала контакты с тюрками Средней Азии и была хорошо знакома с тюркскими племенами, ушедшими кочевать в русские степи; с коварными, исповедующими иудаизм хазарами, две княжны которых стали женами византийских императоров; с дикими печенегами и половцами, которые время от времени совершали набеги на территорию империи, но еще чаще охотно посылали свои отряды для службы в императорских войсках. Многим из этих наемников было затем разрешено остаться жить в пределах империи, главным образом в Анатолии, где они принимали христианство. Но наиболее активное тюркское племя огузов стало кочевать через Персию в направлении Арабского халифата.

Так же как у императора, у халифа тоже появились войска тюрков, только принявших мусульманство. По мере того как мощь халифов убывала, их тюркские вассалы усиливались. Первый исторически известный тюрк-мусульманин Махмуд Газневи образовал на востоке сильное государство, простиравшееся от Исфагана до Бухары и Лахора. Однако после его смерти главенство среди тюрков перешло к огузскому вождю из рода Сельджуков. Потомки этого полумифического вождя приобрели власть над тюрками, находившимися на территории Халифата, и иммигранты из Туркестана также с готовностью признали свою зависимость от них. К 1055 г. глава сельджуков Тогрул-бей не только основал свое государство, включавшее Персию и Хорасан, с примыкавшими к нему на севере удельными княжествами его родных и двоюродных братьев, но и был приглашен халифом из Аббасидов в Багдад для временного управления его владениями^[47].

Приглашение халифа было продиктовано его страхом перед соперничающим с ним халифатом Фатимидов^[48] в Египте, которые уже подчинили своему контролю бóльшую часть Сирии. Фатимиды были в хороших отношениях с Византийской империей, и сельджукские князья стремились предотвратить возможные действия византийцев на северной границе Халифата в поддержку нападения Фатимидов. К этому времени множество мелких тюркских князьков уже осели со своими подданными на границах с Византией и, играя роль пограничной стражи, совершали набеги всякий раз, как только для этого предоставлялась возможность. Преемник Тогрула, его племянник Алп Арслан, вознамерился устранить всякую опасность нападения со стороны Византии. Он захватил и разграбил старую столицу Армении Ани и усиленно поощрял свою

пограничную стражу к новым набегам. В качестве контрмеры Византия присоединила к своим владениям последнее независимое армянское царство.

Однако ее гарнизоны не были достаточно сильны для того, чтобы помешать набегам, поскольку акритов, которые могли их сдерживать, тогда уже не было. В 1071 г. император Роман Диоген решил, что для обеспечения безопасности границы необходимо предпринять военную экспедицию. Проведенная перед этим кампания по экономии значительно сократила имперскую армию, и теперь император во многом зависел от наемников, часть которых составляли выходцы из Западной Европы, но гораздо большее число было из тюрок (половцев).

Алп Арслан находился в Сирии, где он воевал против Фатимидов, когда до него дошла весть о византийской экспедиции. Он усмотрел в этом возможность образования коалиции Фатимидов с Византией и поспешил на север, чтобы ей воспрепятствовать. Интересно, что в этой кампании, последствия которой оказались столь важными для мировой истории, каждая из сторон считала себя обороняющейся.

Решающее сражение произошло в пятницу 19 августа 1071 г. около города Манцикерт. Роман был человеком храбрым, но неважным полководцем; к тому же его наемные войска были крайне ненадежны. Его армия была наголову разбита, а сам он попал в плен^[49].

Алп Арслан, удовлетворенный тем, что Византия более не угрожает его флангу, освободил на довольно легких условиях своего царственного пленника и вернулся к более серьезным заботам в Сирии. Но у его пограничных предводителей были совсем другие планы. Оборонительные укрепления на византийской стороне были разрушены, а следовавшие один за другим политические кризисы в Константинополе исключали всякую попытку заняться их восстановлением. Некоторые из оставшихся акритов, в большинстве своем армян, оказались без всякой связи со столицей, и они поспешили укрыться в уединенных крепостях. Турецкие князьки усилили набеги, а затем, встретив лишь незначительное сопротивление, стали оседать в тех районах, куда им удалось проникнуть, и осваивать их вместе со своими приверженцами и другими тюркскими племенами, прослышавшими про эти богатые земли, которые некому было защищать^[50].

Некоторое время спустя мусульманские пограничные стражи получили название *гази* («борец за веру»), приблизительно соответствующее европейскому понятию «рыцарь-крестоносец».

Очевидно, гази имели какие-то знаки отличия и были связаны присягой своему господину — быть может, даже халифу. Они повиновались *футувве* — мистическому моральному кодексу, сложившемуся в X—XI вв. и принятому различными обществами и корпорациями мусульманского мира. Турецкие гази были прежде всего воинами-завоевателями, которые вовсе не желали подчиняться какой-то организованной власти. Захватывая по мере своего продвижения новые земли, они властвовали на них так же, как и в своих пограничных уделах, весьма мало вмешиваясь в дела местного населения, которое даже стало видеть в них защитников от набегов других; финансовыми средствами для своего правления им служила добыча от набегов. В пограничных районах, где такие порядки существовали в течение веков, приход гази встречал лишь незначительное сопротивление, хотя, возможно, они и вынудили часть христиан уйти в более безопасные места. В целом же население уже к приходу тюрок было смешанным и нестабильным, и их появление мало изменило общую картину. Но по мере их дальнейшего продвижения по Малой Азии ситуация стала меняться.

В некоторых районах христианское население бежало, оставив тюркам свои земли; в других отдельные города и селения христиан пытались защищаться, но, оказавшись изолированными, были вынуждены покориться власти пришельцев. В результате набегов дороги и мосты, колодцы и оросительные каналы довольно скоро пришли в запустение. Старая экономическая система рушилась ^[51].

Не встречая организованного сопротивления, гази оказались в состоянии завоевать весь полуостров, оставив в руках Византии лишь несколько прибрежных районов. Такое положение просуществовало до тех пор, пока император Алексей Комнин не реорганизовал империю, возродил армию и с помощью дипломатии сумел натравить одних вождей гази на других. Тем временем Сельджукская династия, обеспокоенная царящим в Анатолии хаосом, направила туда одного из своих младших членов, с тем чтобы на завоеванных землях основать исламское государство. Осуществлению этих планов предводителя турок-сельджуков Сулеймана и его сына Кылыдж Арслана помешали военные и дипломатические усилия императора Алексея Комнина, а также помощь, которую оказали Византии участники Первого Крестового похода. В начале XII в. граница между Византией и землями, уже принадлежавшими туркам-сельджукам, была зафиксирована по довольно неровной линии, отделявшей плодородные долины Западной Анатолии и прибрежные районы на севере и юге от центральных горных плато. Сельджукские правители, однако, не придавали

слишком большого значения своим отношениям с Византией; гораздо важнее для них было добиться подчинения предводителей гази, особенно крупного клана Данишмендов. Они также внимательно следили за обстановкой на востоке, там, где находился центр могущества их династии.

Упадок Византии к концу XII в. и неудача Четвертого Крестового похода позволили султанату Сельджуков расширить свои владения. В первой половине XIII в. сельджукские султаны Рума, как их обычно называли, поскольку их государство находилось в центре бывших римских и византийских (ромейских) территорий, были уважаемыми и могущественными фигурами мусульманского мира. Им удалось подчинить своему влиянию предводителей гази. Они, как правило, поддерживали добрые отношения с византийскими соседями — императорами Никеи, отказались от своих притязаний на востоке и сосредоточились на управлении своим хорошо организованным и мирным государством со столицей в Конии. Они возрождали города и приводили в порядок дороги, поощряли искусство и образование. Благодаря их мудрому и умелому правлению превращение Анатолии из в основном христианской в преимущественно мусульманскую страну было достигнуто сравнительно спокойно — настолько, что никому не пришло в голову зафиксировать детали этого события^[52].

Благодатному правлению Сельджуков положили конец монгольские нашествия. Сначала в Малой Азии появились тюркские племена, откатившиеся под натиском монгольских армий. Они обосновались на западной границе султаната, где присоединились к гази, раздраженным сельджукским контролем. В 1243 г. в страну вторглись сами монголы. Сельджукский султан потерпел от них сокрушительное поражение, от которого его государство так никогда и не оправилось. Начиная с этого времени он сам и его потомки стали вассалами и данниками монгольского правителя в Персии ильхана, а их власть и авторитет померкли. Менее чем за одно столетие эта династия прекратила свое существование^[53].

Упадок Сельджукского султаната постепенно освободил предводителей пограничных гази от какого-либо контроля. К ним все больше стекались спасавшиеся от монголов беженцы, должностные лица из сельджукских городов, крестьяне из разоренных или задавленных непосильными налогами областей, святые шейхи и дервиши, многих из которых твердые последователи канонов ислама считали еретиками, однако чей религиозный фанатизм вполне подходил к царившей на границе атмосфере. Этот фанатизм и монгольское давление в равной степени

толкали их к нападению на христиан. Вначале это было не так просто: никейские императоры позаботились об охране границы, восстановили отряды акритов, которых они на этот раз держали под своим контролем^[54].

Блестящий успех византийцев — отвоевание Константинополя в 1261 г. — имел, однако, и отрицательные стороны. Отныне империя была глубоко вовлечена в европейские дела, испытывая угрозу со стороны не только балканских государств, но и Запада, жаждавшего отомстить за уничтожение Латинской империи. В результате ей пришлось значительную часть войск азиатских гарнизонов перебросить на запад. Сокращение в целях экономии расходов на флот ослабило защиту с моря. Необходимость платить по новым обязательствам привела к усилению налогового бремени по всей территории империи. Акриты фактически не получали ни жалованья, ни поддержки. В течение последних трех десятилетий XIII в. отряды гази начали проникать через границу. Скопившись на своей стороне границы, турки, подстрекаемые религиозной верхушкой, хлынули наконец в жажде военной добычи на оставшиеся азиатские владения Византии. Предпринимавшиеся время от времени попытки императорской армии отбросить их оказались безуспешными. Наиболее предприимчивые из турецких правителей, такие, например, как эмиры Ментеше и Айдына, нападали не только на суше, но и с моря. Византийский же флот был слишком слаб, чтобы предотвратить захват ими некоторых островов и прибрежных районов Западной Анатолии. К 1300 г. все, что осталось у Византии в Азии, не считая одного-двух изолированных городов, были равнинная часть между горой Олимп в Вифинии и Мраморным морем, полуостров, протянувшийся от Босфора до реки Сангарий, да прибрежная полоса на Черном море на сто миль к востоку.

Вначале первенство в этих завоеваниях принадлежало эмирату Ментеше, расположенному на юго-западе Малой Азии. Однако его мощь была ослаблена после того, как рыцари-госпитальеры^[55] захватили остров Родос и укрепились на нем. Гегемония перешла к эмирам Айдына, первыми из азиатских турок начавшим набеги на европейское побережье Эгейского моря. Потребовались объединенные усилия Венеции, Кипра и госпитальеров, чтобы воспрепятствовать их дальнейшему продвижению. К северу от Айдына утвердились эмиры Сарухана, центром владений которых стала Маниса, или Магнисия, еще в недавнем прошлом вторая столица никейских императоров; далее к северо-западу шли владения эмиров Караши (Карасу), захвативших Троянскую равнину. На черноморском побережье, в районе Синопа, был основан эмират Гази

Челеби, прославившегося своими пиратскими рейдами. Во внутренних районах находилось несколько мелких эмиратов, а также два более крупных — Караман и Гермиян; оба эмира считали себя преемниками Сельджуков и были полны решимости установить в своих владениях твердую государственную власть, распространив ее и на гази. Правда, караманские эмиры, захватившие в 1327 г. Конью, находились слишком далеко от границы, чтобы подавить тамошних гази. Эмиры Гермияна со столицей в Кютахии сами отказались от звания гази, однако попытались подчинить себе соседних предводителей гази, многие из которых по своему происхождению были из гермийских военачальников. Их усилия в общем увенчались успехом: все эмираты, расположенные по Эгейскому побережью и вдоль границы с Византией, за исключением одного, относились к ним с вниманием и почтением, хотя, по существу, так и не признали их сюзеренитета^[56].

Исключением же было небольшое государство, образовавшееся во второй половине XIII в. на пограничных землях, простиравшихся к востоку от Олимпа Вифинского. Его основателем был Эртогрул, умерший в 1281 г., которому наследовал его сын Осман. Происхождение Османской (или Оттоманской, как впоследствии ее стали называть) династии искажено и украшено легендами, созданными уже после ее возвышения. Известен список из 21 предка Османов, восходящий к Ною, а позднее к этому перечню было добавлено еще 31 имя, дабы сделать его хронологически более убедительным. Генеалогическая линия Османов проходит через легендарного героя Огузхана, родоначальника турок-огузов, его сына Гек Алпа и внука Чамундура, иначе, Чавулдура, который, согласно другим легендам, являлся одним из 24 внуков Огуза, от которых и произошли 24 главных огузских племени. Правда, в конце XIII в. в состав Оттоманского государства вошли еще и чаудуры — отдельное племя, вначале враждебно относившееся к оттоманскому лидерству. Другая из легенд, возвеличивающих Османов, ведет ее основание от старшего внука Огуза, Кайи, сына Гунхана, делая, таким образом, Османов ветвью старшего племени огузов. Однако это предание появляется только в XV в., когда уже была повсеместно принята легенда о происхождении от Гёк Алпа. В XV в. придворные льстецы еще более усложнили проблему, добавив династии и арабских предков. Впрочем, Османы никогда всерьез не претендовали на происхождение от самого пророка Мохаммеда, поскольку родословная его потомков была слишком хорошо известна^[57]. Султан-Завоеватель Мехмед II, стремясь поразить своих подданных, как турок, так и греков,

поддерживал версию о том, что его семья якобы происходит от принца императорского дома Комнинов, который эмигрировал в Конью, принял там ислам и женился на сельджукской княжне^[58].

До нас не дошло ни одного достоверного доказательства какой-либо из этих теорий. Непредвзятый историк придет к заключению, что Эртогрул был не главой племени, а скорее всего энергичным предводителем темного происхождения, который сумел дойти со своими людьми до границы и, собрав по мере продвижения вокруг себя достаточное количество приверженцев, основать эмират. Основным преимуществом захваченной им территории было ее географическое положение. Для оправдания своего существования отряды гази должны были совершать набеги, продвигаясь в глубь территории неверных. Однако к концу XIII в. почти все эмиры гази уже достигли пределов Малой Азии. Византийцы ушли; на пути дальнейшего продвижения стояло море. И хотя некоторые предприимчивые пираты, такие, как эмиры Айдына и Синопа, могли совершать удачные рейды на вражеские берега, ни у кого из них не было достаточно судов, чтобы всерьез думать о переброске значительного количества людей и основании поселений за морем. Кроме эмиратов, расположенных далеко на востоке, на границах с Трапезундской империей, только территория, унаследованная Османом, еще граничила с землями неверных. Поэтому именно в его владения устремились теперь наиболее предприимчивые из турок: гази, жаждавшие найти новые богатые земли, на которые еще можно было совершать набеги; дервиши и знатоки ислама, стремившиеся уйти подальше от ненавистных монголов; а также большая масса кочевников-крестьян, все еще продолжающих поиски мест, где они могли бы обосноваться со своими стадами. Таким образом, Осман в своем небольшом по размеру эмирате оказался более чем щедро обеспеченным людскими ресурсами.

Не будь Осман гениальным вождем, иммигранты, возможно, просто поглотили бы его. Нам очень мало известно о его отношениях с ними. Знаменательно, что старейшая из дошедших до нас записей, в которых оттоманский правитель называет себя султаном, — надпись, сделанная сыном Османа Орханом на одной мечети в Брусе, — приводит следующий титул: «Султан, сын султана гази, гази, сын гази, правитель пограничных земель, простирающихся до горизонта, герой всего мира»^[59]. То есть, Осман утверждал свой авторитет как верховный предводитель гази. В то время как другие эмиры гази, не находившие возможности экспансии в новые земли, стали драться друг с другом, Осман предлагал героическую

долю «борца за веру» каждому, кто вставал под его знамена.

Византийская империя не могла игнорировать подобный вызов. Весьма возможно, что наиболее мудрым решением для нее было бы немедленно эвакуировать все войска из Анатолии, оставив эту страну Осману, и сосредоточить все усилия на морском флоте, достаточно сильном, чтобы предотвратить любую попытку пересечь проливы и высадиться на европейской стороне. После того как Осман убедился бы, что его экспансия блокирована с моря, эмират, возможно, тоже стал бы клониться к упадку, а его подданные рассеялись бы в поисках других земель. Однако ожидать от византийцев такой предусмотрительности и здоровой оценки ситуации было никак нельзя. Поначалу в Константинополе на Османа вообще не обращали серьезного внимания; войска империи отправлялись не против него, а против эмиров Айдына и Манисы, с которыми они и воевали без больших успехов в последние десятилетия XIII в. Османа приняли всерьез только тогда, когда в 1301 г. он одержал победу над византийскими войсками при Вафее, между Никеей и Никомидией, и начал заселять своими людьми земли к северу от г. Олимп. Византийцы не могли пассивно наблюдать за мусульманской оккупацией их последних владений в Азии — земель, которые были видны из самой столицы. Однако их отпор был плохо организован и неэффективен. В 1305 г. каталонцы, которых император Андроник II привлек в свою армию в качестве наемников, нанесли Осману поражение при Левке. Однако вскоре они сами восстали против императора и вовлекли империю в десятилетнюю гражданскую войну. В результате за эти годы многие турецкие воины, нанимаемые то императором, то каталонцами, неоднократно переправлялись через Дарданеллы туда и обратно, а Осман сумел упрочить свою власть над территорией, простиравшейся вплоть до Мраморного моря. Он также возглавил несколько турецких походов, не касавшихся непосредственно его эмирата. В 1308 г. его войска сыграли главную роль в захвате последнего оставшегося у Византии города на побережье Эгейского моря — Эфеса, который, однако, затем был передан айдынскому эмиру. В следующие несколько лет Осман захватил византийские города на берегу Черного моря от Инеболу до Сангария.

В Византии за изгнанием каталонцев последовал целый ряд династических гражданских войн, и на границе с Османом оставалось совсем немного сил. Его войска состояли главным образом из кавалерии; осадных машин у него не было. Для того чтобы взять укрепленный город, Осман обычно молниеносным ударом захватывал его окрестности, изгоняя или обращая местных крестьян в невольников, и заселял их земли своими

людьми. Город оказывался, таким образом, отрезанным от источников снабжения и, если к нему на помощь не приходили войска, был вынужден сдаться под угрозой голодной смерти. Теперь он сосредоточил свои силы вокруг Бурсы, расположенной на северных склонах Олимпийского хребта. Этот город, имевший мощные естественные оборонительные рубежи, по своему географическому положению прекрасно подходил для того, чтобы стать базой для ведения военных действий по всему побережью Мраморного моря. Фортификационные укрепления и плодородные земли под городскими стенами позволили Бурсе сопротивляться десять лет. Однако император был не в состоянии послать ей подмогу, и осенью 1326 г. голод принудил город сдаться. Известие об этом застало Османа уже на смертном одре; несколько дней спустя, в ноябре того же года, он умер. Блестяще использовав благоприятную обстановку, Осман превратил незначительный пограничный эмират в могущественнейшее из государств турок, вонзив его в христианский мир, подобно копьёю гази^[60].

У Османа были удачные дети. Его трон наследовал старший сын Орхан. Согласно преданию, он по турецкой традиции предложил разделить с ним власть своему брату Алаэддину, но тот благородно отказался, настаивая на том, что власть монарха должна быть единой, и стал верным подданным брата. Орхан унаследовал от отца также и способного везира, которого тоже звали Алаэддин. Теперь уже невозможно определить, кому было обязано Оттоманское государство своим удивительным прогрессом — самому монарху или его везиру. Как и его отец, Орхан был вождем гази, поклявшихся покорить неверных. В 1329 г. ему сдалась историческая Никея, которая, как и Бурса, в течение многих лет была отрезана от всего мира. Император Андроник III и его первый министр Иоанн Кантакузин пытались ее спасти, однако после сражения с неясным исходом недовольство, возникшее в войсках, и плохие известия из Европы принудили их отказаться от этого. Следующей целью Орхана был крупный морской порт Никомидия. Город сопротивлялся ему девять лет, получая с моря припасы и подкрепления. Только в 1337 г., после того как Орхану удалось блокировать узкий залив, на котором был расположен город, Никомидия была вынуждена сдаться. Завладев Никомидией, султан, как теперь называл себя Орхан, сумел оккупировать всю страну почти вплоть до Босфора^[61].

Византии в это время постоянно доставляло хлопоты усилившееся сербское королевство Стефана Душана; в довершение в 1341 г. разразилась междоусобная война между Иоанном Кантакузином и регентами,

правившими от имени малолетнего императора Иоанна V. Незадолго перед этим византийские полководцы стали брать наемников из различных тюркских племен, несмотря на их неисправимый обычай опустошать и грабить земли, по которым они проходили. Люди Орхана были наиболее дисциплинированными и боеспособными из турок. И в то время как сторонники Иоанна V завербовали наемников в Манисе и Айдыне, Иоанн Кантакузин добился в 1344 г. поддержки Орхана, отдав ему в жены свою дочь Феодору; взамен султан послал сражаться на его стороне во Фракию 6 тыс. солдат. Завоевав трон, Кантакузин продолжал использовать оттоманские войска в войнах против сербов. Когда же эти войны закончились, многие из турок уже осели во Фракии^[62].

Свержение Иоанна Кантакузина с престола в 1355 г. дало наконец Орхану желанный предлог для того, чтобы вторгнуться в Европу, преследуя уже собственные цели. В 1356 г. армия султана под командованием его сына Сулеймана переправилась через Дарданеллы. За один год турецкие войска захватили Дзориллос (Чорлу) и Дидимотихон и продвинулись к Адрианополю, намереваясь захватить и его. Так же как и в период его завоеваний в Азии, султан поощрял своих соплеменников следовать за вождями гази и сразу же обосновываться на захваченных землях. Когда Орхан умер (по-видимому, в 1362 г.), турки уже были хозяевами Западной Фракии. Султан также значительно расширил свои владения в Азии, однако не столько силой оружия, сколько благодаря добровольному желанию турок, осевших на других землях, войти в состав столь преуспевающего государства гази. Он, очевидно, присоединил к своим владениям эмираты Сарухан и Карасу на северо-западе. Эмират Гермиян клонился к упадку, и султан смог подчинить себе Эскишехир и Анкару. Его главным противником в Азии оставался эмират Айдын, преграждавший ему путь на юго-запад^[63].

Орхан, однако, был великим правителем не только благодаря его завоеваниям. С помощью везира он дал своему государству прочную административную систему, сохранив при этом идеалы гази. Он поощрял развитие городов, при этом используя *ахиев* — гильдии ремесленников и торговцев, следовавших кодексу *футуввы*. Вредному в определенном смысле влиянию дервишей он противопоставил *улемов*, являвшихся официальными хранителями мусульманской веры и ее традиций. Их учение давало султану основание для соответствующего обращения со все возрастающим числом его христианских подданных. Если какой-либо город или район оказывал его войскам сопротивление, то после его захвата

христианское население лишалось всяких прав. Пятая часть его могла быть обращена в невольников, причем мужчин посылали на работы на землях завоевателей, а мальчиков забирали на обучение военному делу. Если же город или селения сдавались, то христианам разрешалось сохранять свои храмы и обычаи. Многие христиане предпочитали его правление императорскому, поскольку налоги султана не были такими разорительными. Насильственного обращения в ислам не производилось, хотя многие христиане становились мусульманами в стремлении присоединиться к правящему классу. Кроме того, в каждом захваченном городе улемы открывали *медресе* — школы при мечетях — и, таким образом, создавали образованную элиту, из которой султан мог формировать кадры гражданской администрации^[64].

В это же время султан также реорганизовал армию. До этого она состояла почти полностью из легкой кавалерии, набранной из племен, которые все еще оставались в основном кочевыми. Теперь армия делилась на две основные части. Одну из них составляло регулярное ополчение из воинов, получивших от султана землю и вносивших за нее небольшую денежную ренту; в случае необходимости они были обязаны выступить в поход по первому же требованию. Этот феодальный надел, известный как *тимар*, был наследственным. За более крупные или более ценные наделы, называемые *зеаметами*, вносилась и более высокая рента, а его владелец занимал уже командные должности и был обязан также обеспечивать военным снаряжением и себя и своих людей. Наиболее богатые из владельцев самых крупных наделов — *заимов* — становились *пашами* или *санджакбеями* или даже *бейлербеями*; они обладали значительной административной и военной властью и несли большую ответственность.

Наряду с местным ополчением существовала и регулярная армия на жалованье. Служившие пожизненно янычары, которые впоследствии образовали личную гвардию султана, в то время были еще пехотным формированием, состоявшим из невольников-христиан или бывших христиан. Во время Орхана основная часть войска именовалась общим названием *сипахии*, которое относилось и к пушкарям, и к оружейникам, и к кузнецам, и к морякам. Многие из них были наделены землей, хотя в любое время они должны были быть готовыми явиться на военную службу; за это они получали жалованье, и, как правило, их призывали лишь на какую-то одну кампанию. Наряду с сипахиями были еще и *пияде* — пехотинцы. Впоследствии это название сохранили только те из них, у кого были земельные наделы, остальные же стали именоваться *азабами*. Позднее азабы слились с *башибузуками* — нерегулярным войском,

служившим лишь за военную добычу и награбленное у населения; то же самое произошло и с *акиби* — легкой кавалерией, вооруженной саблями. Орхан ввел для каждой из составных частей армии специальную форму. Он также учредил эффективную систему мобилизации, так что в любой момент он мог в короткое время собрать крупные, хорошо подготовленные военные силы^[65].

Его преемник Мурад I использовал все преимущества этой хорошо налаженной военной машины. Мать Мурада, известная туркам под именем Нилюфер (т.е. Лилия), была гречанкой, дочерью предводителя акритов. Его старший брат Сулейман умер за несколько месяцев до Орхана. Имелись также два сводных брата Мурада; из них старшего, Ибрагима, Мурад немедленно умертвил, а младший, Халиль, сын Феодоры Кантакузин, умер вскоре после этого — быть может, и своей смертью. В первые годы правления Мурад был озабочен делами на азиатских границах своей державы, где ему пришлось подавлять угрозу со стороны эмиров-соперников. За это время несколько завоеванных турками городов во Фракии перешло обратно к византийцам, хотя полностью изгнать турок из Фракии оказалось уже невозможным. И когда в 1365 г. Мурад снова вернулся в Европу, ему не составило большого труда опять захватить их и учредить свою столицу на Европейском континенте — в Адрианополе.

Таким образом, Константинополь с окрестностями оказался отрезанным со всех сторон, за исключением моря; азиатские предместья города были уже в руках турок^[66].

Только теперь в Европе стали сознавать, какую опасность представляют собой турки. Венеция и Генуя, озабоченные судьбой своей торговли и заморских колоний, занялись поисками возможности образования широкой коалиции против неверных, однако из этих попыток ничего не вышло. Император Иоанн отправился в Италию, чтобы поведать Западу о нависшей угрозе и попытаться завербовать там наемников, платить которым ему было нечем. По возвращении в 1373 г. ему пришлось признать себя вассалом султана и пообещать ему ежегодно выплачивать дань и в случае необходимости оказывать военную помощь; его сын Мануил должен был отправиться к султану в качестве заложника. Иоанн оказался верным вассалом, и его старания были вознаграждены, когда в 1374 г. его старший сын Андроник вступил в заговор с сыном Мурада, Сауджи, направленный против обоих монархов. Мятеж был подавлен войсками Мурада. Когда же Андроник снова взбунтовался и, отняв у Иоанна Константинополь, удерживал его в своих руках с 1376 по 1379 г.,

султан оказал Мануилу помощь, достаточную для того, чтобы восстановить его отца на престоле. Однако платой за это было обязательство помочь турецкой армии в захвате мужественного и преданного Византии города Филадельфии, последнего византийского владения в Азии, кроме Трапезундской империи^[67].

Хотя Запад и был теперь серьезно озабочен, дело не шло дальше пустых разговоров о Крестовом походе. Единственным, кто вел постоянную борьбу с турками, был орден иоаннитов на острове Родос, однако его главным врагом был эмир Айдына, а всякое ослабление мощи последнего было только на руку его сопернику — оттоманскому султану. Таким образом, для Мурада путь на Балканы остался открытым, и орды турок со всей Анатолии хлынули во Фракию — вместе с семьями, а подчас и с отарами овец. Жажда завоевания новых земель не утихала. Самым сильным государством на Балканах тогда все еще была Сербия, хотя после смерти Душана в 1355 г. она и разделилась на две части. Что касается Болгарии, то она так и не оправилась после поражения, которое ей в 1330 г. нанесли сербы под Велбуждом; однако антиболгарская политика Сербии привела лишь к тому, что государство, которое могло бы послужить ей хорошим буфером, фактически перестало существовать. Болгары почти не смогли оказать сопротивление турецкому натиску, за исключением лишь того, что один болгарский отряд присоединился к крупной армии, которую король Южной Сербии Вукашин послал в 1371 г. во Фракию в надежде сдержать нашествие турок. Однако Вукашин был плохим полководцем; застигнутый врасплох, он был разбит значительно меньшей по численности турецкой армией под Чирменом, на реке Марице. В результате этой победы Мурад овладел большей частью Болгарии и сербской Македонией. Болгарскому царю Иоанну Шишману пришлось признать себя вассалом султана и отдать в его гарем свою дочь Тамару. Князь Северной Сербии Лазарь Гребельянович, к которому отошло теперь все сербское королевство, тоже был вынужден признать Мурада своим сюзереном^[68].

Последние годы царствования Мурад посвятил закреплению результатов своих завоеваний. Он осуществил массовое переселение турок в Европу. Хотя заселение турками новых европейских земель и не могло быть таким же плотным, как в Анатолии или даже во Фракии, тем не менее довольно-таки скоро земельные наделы турецких солдат уже были разбросаны среди греческих, славянских или валашских деревень, власть над которыми находилась в руках турецких беев и пашей. К 1386 г. империя Мурада простиралась вплоть до Монастира, почти на границе с Албанией

на западе и до Ниша на севере. В следующем году, после четырехлетней осады, ему сдалась Фессалоника. Благополучие ее зависело от торговли с областями в глубине материка; отрезанная от них, она существовать не могла. Мурад обошелся с городом мягко. Он поставил там своего правителя, но не вмешивался во внутренние дела горожан^[69].

В 1381 г. султан, уже сделавший к этому времени гермянского эмира своим вассалом, счел необходимым начать поход против эмира Карамана, в связи с чем он приказал своим балканским вассалам прислать ему их войска. Гордые сербы были настолько оскорблены этим, что король Лазарь разорвал договор о вассальной зависимости. Последовавшее немедленно в ответ вторжение турок, лишившее его города Ниш, вновь вернуло его к повиновению. Тем не менее Лазарь замыслил организовать против захватчиков всебалканский союз, и в 1387 г. сербы одержали свою первую и единственную победу над султанской армией на берегах реки Топлицы. Мурад, однако, не медлил с отмщением. Пройдя быстрым маршем через разделенную на два царства Болгарию, где он отнял у обоих царей (Иоанна Шишмана, сидевшего в Тырново, и Иоанна Срацимира — в Видине) бóльшую часть их территорий, султан вторгся в Южную Сербию. При этом местный вассал султана, кюстендилский князь, встретивший Мурада с распростертыми объятиями, присоединил свое войско к его армии. Затем султан повернул на север, чтобы сразиться с королем Лазарем на Косовом поле, в месте, называемом Дроздовой долиной.

Ранним утром 15 июня 1389 г., когда султан одевался, в его шатер ввели сербского перебежчика, желавшего дать сведения о расположении войск христиан. Приблизившись к султану, перебежчик вдруг бросился на него и мгновенно вонзил ему в сердце кинжал. Серб не немедленно убили. Однако этот его акт самопожертвования оказался напрасным. В армии султана находились двое его сыновей. Старший, Баязид, принял на себя командование, скрыв известие о кончине своего отца до окончания битвы. Во время сражения турки проявили себя значительно дисциплинированнее христиан, которые, после того как их первая массированная атака захлебнулась, дрогнули, а по их рядам поползли слухи о предательстве. К ночи победа турок стала окончательной. Король Лазарь был взят в плен и казнен в том же шатре, где был убит Мурад. После этого Баязид провозгласил себя султаном и отдал приказ немедленно задушить брата: о разделении власти не могло быть и речи^[70].

За тридцать лет своего правления Мурад I, блестяще используя армию и административный аппарат, оставленные ему отцом, превратил

эмират газии в сильнейшую военную державу в Юго-Восточной Европе. Изменчивость его личного характера как бы символизировала изменчивую природу его государства. В отличие от отца и деда, Мурад любил пышность, торжественные церемонии и считал себя императором. Он был суров и даже жесток, с оттенком цинизма, унаследованного, вероятно, от его греческих предков; но в то же время мог проявлять и великодушие. Он всегда старался быть справедливым и ревностно насаждал дисциплину.

Его наследник Баязид, по всей вероятности, также был сыном гречанки, однако в отличие от Нилюфер она, по-видимому, была наложницей; ее звали Гюльчикек (т.е. Роза). Так же как и отец, Баязид любил пышность, но был более своенравным и горячим, не очень великодушным и менее способным к поддержанию дисциплины. За моментальную реакцию его прозвали Йылдырымом — Молниеносным, однако крупного таланта полководца у него не было. Правление Баязида началось блистательно. Победа на Косовом поле сделала его полновластным хозяином Балкан. Казалось, еще несколько лет — и он поглотит весь полуостров, включая и те районы Греции и Албании, куда турки еще не проникли. На сербском троне Лазаря сменил его сын Стефан, но со скромным титулом деспота и в качестве вассала султана, которому он отдал в жены свою сестру Марию. Болгарское царство со столицей в Тырново в 1393 г. Баязид уничтожил. В 1394 г. турецкая армия хлынула на Пелопоннес, принудив местных князей признать себя вассалами султана. В 1396 г. Баязид даже попытался захватить Константинополь, но, когда он уже стоял под стенами города, до него дошла весть о том, что король Венгрии Сигизмунд начал при поддержке рыцарей из самых разных стран Европы Крестовый поход против него.

Султан немедленно снял осаду и поспешил на север, полностью оправдав свое прозвище Молниеносный, и у Никополя внезапно напал на армию христиан. Беспечность западного рыцарства помогла султану одержать решительную победу, давшую ему возможность аннексировать последнее оставшееся независимым Болгарское царство со столицей в Видине и принудить господаря Валахии, находившейся по другую сторону Дуная, признать себя его вассалом. Утвердив свою власть на Дунае, султан снова повернул на Константинополь, но на сей раз не решился напасть на него — по-видимому, из-за слухов о том, что итальянские морские державы снаряжают против него армаду^[71]. Вместо этого он безуспешно пытался восстановить Иоанна VII против его дяди Мануила II, делившего с ним трон в полном согласии — в противоположность обычной для Византии практике. Единственным конкретным проявлением тогда западной помощи

Константинополю явилось прибытие наконец в Византию горстки солдат во главе с маршалом Бусико. Они пробыли в Константинополе около года, не совершив ничего, что могло бы быть поставлено им в заслугу^[72].

После их отъезда Баязид, видя, сколь слабыми оказались усилия Запада по оказанию помощи, был готов предпринять еще одну попытку взять имперскую столицу. Незадолго перед этим он завершил строительство на азиатском берегу Босфора, в самой узкой его части, крепости, известной сейчас под именем Анадолухисар. Весной 1402 г. он направил императору надменное послание с требованием сдать свою столицу. Мануил II находился в то время в поездке по Западной Европе, а Иоанн VII ответил посланцам султана с мужеством человека, глубоко верящего в Волю Божию: «Скажите своему господину, что мы слабы, но уповаем на Бога, который может сделать нас сильными, а сильнейших низвергнуть с их престолов. Пусть ваш господин поступает, как хочет»^[73].

Надежды Иоанна на Бога еще более укрепились с получением новостей, пришедших с востока. Татарский эмир Тимур, более известный в литературе как Тамерлан, в действительности был тюрком, происходящим по женской линии от великого монгольского клана Чингисхана. Он родился в Кеше, в Туркестане, в 1336 г. К концу XIV в. он создал империю, простиравшуюся от границ Китая и Бенгальского залива до Средиземного моря. По своим блестящим военным успехам Тимур напоминал самого Чингисхана; он был похож на того и своей не знающей ни малейшего сострадания жестокостью. Однако у Тимура не было такого умения создать эффективное государственное управление завоеванными землями, которым отличались монгольские правители; после его смерти созданная им держава распалась. Но при жизни это был лютый и грозный враг. Хотя Тимур являлся набожным мусульманином, в нем не было ничего от рыцаря-гази. Он сражался не за веру, а за то, чтобы возвеличить себя, и главными жертвами его жестоких массовых убийств являлись сами мусульмане. Он долгое время с трудом выносил существование Османского султаната — отчасти из-за ревнивых мыслей о том, что кроме его империи существует еще одно сильное турецкое государство, отчасти из-за опасений, что последнее ослабит его контроль над западными провинциями. Еще в 1386г. он пересек границы Восточной Анатолии и в битве при Эрзинджане разбил армию анатолийских эмиров; после этого он ушел, но пригрозил, что еще вернется.

Восемь лет спустя Баязид, женившийся на гермянской княжне и получивший в приданое бóльшую часть принадлежавших ее фамилии

земель, лично прибыл в Эрзинджан, чтобы укрепить оборону полуострова. Но в 1395 г. Тимур появился снова и прошел до Сиваса, уничтожая на своем пути все население. От его руки погиб и сын Баязида, занимавший пост губернатора провинции. К счастью для османского султана, армия Тимура повернула на восток, чтобы овладеть Алеппо, Дамаском и Багдадом. Однако волнения Баязида на этом не кончились. Тимур имел с его врагами значительно более тесные контакты, чем он мог себе представить. И когда войска Баязида стояли под стенами Константинополя, в турецкий лагерь прибыли посланники Тимура с безапелляционным требованием вернуть христианскому императору все захваченные у него земли. Баязид отослал Тимуру ответ, составленный в оскорбительном духе, после чего снял осаду Константинополя и направил свою армию в Анатолию.

Тимур в это время был уже в Сивасе. Решающая битва произошла при Анкаре 25 июля 1402 г. Высокомерие Баязида привело к тому, что его войска заняли невыгодные тактические позиции; к тому же солдаты султана были недисциплинированы и раздражены его скупостью. Когда огромная армия Тимура, усиленная отрядом боевых слонов из Индии, двинулась в сокрушительную атаку, османские войска дрогнули и побежали, бросив на поле боя Баязида и его второго сына Мусу, которые стали пленниками Тимура. Единственным войском, твердо стоявшим на своих позициях, был сербский отряд под командованием деспота Стефана, которому удалось спасти старшего сына султана, Сулеймана, и одного из его братьев; четвертый сын Мустафа пропал во время битвы. Спасшиеся от разгрома укрылись в босфорской крепости Анадолухисар.

Тимур же победоносно прошел через всю Западную Анатолию, разграбив ее города, в том числе старую османскую столицу Бурсу, где в его руки попали султанские жены. Пленного султана Тимур приказал нести за ним на носилках, которые легенда превратила впоследствии в золотую клетку. В действительности с Баязидом обращались почтительно, и, когда он в марте 1403 г. умер (похоже, в результате самоубийства), его сын Муса получил свободу и ему было разрешено перевезти тело отца в семейный мавзолей в Бурсе. Сам Тимур покинул Анатолию в конце того же года и вернулся в свою столицу Самарканд, где и умер в 1405 г. в возрасте 72 лет в разгар разработки планов покорения Китая^[74].

Это был момент, когда османская угроза христианству могла быть навсегда устранена, если бы европейские державы действительно захотели и смогли, не теряя времени, образовать широкую коалицию против турок. Впрочем, даже если Османская династия и исчезла бы, турецкая

проблема все равно продолжала бы существовать. Историки, которые обвиняют христиан в том, что они упустили неиспользованную свыше возможность, забывают, что к этому времени сотни тысяч турок уже прочно осели в Европе. Было бы довольно трудно подчинить их и почти совсем невозможно изгнать оттуда. Нашествие Тимура фактически увеличило число турок на континенте, поскольку по мере продвижения его армий множество семей, а подчас и целые племена бежали на запад, найдя укрытие в европейских провинциях. Генуэзцы при этом неплохо заработали на перевозках беженцев через проливы. Примерно к 1410 г., по мнению историка Дукаса (Дуки), в Европе турок было уже больше, чем в Анатолии. Кроме того, Баязид оставил в европейских провинциях значительное количество войск для охраны границ и поддержания порядка. Османская династия потерпела под Анкарой сокрушительное поражение, однако ее военная машина, хотя и оказалась сильно ослабленной, уничтожена не была^[75].

Мануил II приложил все усилия к тому, чтобы наилучшим образом использовать освященное веками византийское искусство дипломатии, когда сыновья Баязида начали междоусобную борьбу за власть. Старший, Сулейман, провозгласивший себя султаном, не чувствовал себя в безопасности. Чтобы заручиться поддержкой Мануила, он вернул ему Фессалонику и несколько городов на фракийском побережье, пообещав также возвратить некоторые города в Азии, которыми он, однако, фактически не владел. Своего младшего брата Касыма он послал заложником в Константинополь, получив взамен в качестве невесты племянницу императора, внебрачную дочь деспота Морей Феодора I. В 1405 г. ему удалось победить и умертвить своего брата Ису. Однако сам Сулейман был неврастеником, подверженным долгим периодам запоя и апатии. Его солдаты потеряли к нему всякое уважение и стали поддерживать его брата Мусу, который выступил как защитник ислама против провизантийской политики Сулеймана. В 1409 г. Сулейман был покинут своими войсками и убит при попытке бежать в Константинополь. На султанском троне его сменил Муса. Он безжалостно разорил Сербию за поддержку, оказанную его брату, вновь захватил и разграбил Фессалонику, которую оборонял вместе с христианами сын Сулеймана — Орхан. Во время сражения Орхан попал в плен и был ослеплен. Несмотря на то, что византийцы разбили его силы на море, Муса собрал свои сухопутные войска под стенами Константинополя. Однако теперь против него двинулся его младший брат Мехмед, восстановивший власть Османской династии в Анатолии и поддержанный византийцами, сербами и некоторыми

турецкими войсками, не одобрявшими жестокости Мусы. В 1413 г. Мехмед разбил и умертвил брата и взошел на престол^[76].

Мехмед, которого современники прозвали Челеби (что наиболее точно можно было бы перевести словом «джентльмен»), хотя и зарекомендовал себя блестящим воином, по своему характеру был довольно мирным человеком. Фессалонику и другие города, отнятые Мусой, он возвратил Мануилу, с которым в течение всей своей жизни был в сердечных, дружеских отношениях. В 1416 г. он оказался втянутым в бесплодную войну с Венецией, а в 1419 г. — с Венгрией; кроме того, ему пришлось подавить мятеж, поднятый человеком, который объявил себя его братом Мустафой, якобы спасшимся во время Анкарской битвы. Большую часть своего времени Мехмед посвятил строительству пограничных крепостей, улучшению системы управления и украшению городов своей державы. Исключительная по красоте Зеленая мечеть в Бурсе осталась на многие века памятником этому доброму и просвещенному государю. Умер он от апоплексического удара в Адрианополе в декабре 1421 г.^[77]

Старший сын Мехмеда Мурад был в тот момент наместником своего отца в Анатолии. Известие о смерти султана хранилось в тайне до тех пор, пока Мурад не добрался до Адрианополя, чтобы взять власть в свои руки. Так же как и Мехмед, Мурад обладал мирным характером. Говорили, что он принадлежал к одному из дервишских орденов; он мечтал о том, чтобы удалиться от дел и проводить жизнь в размышлениях^[78]. Тем не менее Мурад был правителем, сознающим свою ответственность; обстоятельства же требовали, чтобы он был и солдатом и администратором. Претендент на престол под именем Мустафы был все еще силен, и Мурад подозревал, что он получает помощь из Константинополя. Он пожаловался на это Мануилу, прося его о том, чтобы дружба, которая существовала между императором и его отцом, продолжалась и далее. Мануил был готов с радостью согласиться, но, будучи уже старым и уставшим от дел, он позволил уговорить себя своему сыну Иоанну VIII, который считал — и в этом его поддерживал византийский сенат, — что в интересах империи необходимо всеми силами раздувать беспорядки внутри Оттоманской династии. С этой же целью Иоанн потребовал, чтобы двое из братьев султана были посланы в Константинополь в качестве заложников. Неудивительно, что Мурад отказался и, разделившись с Мустафой, начал в июне 1422 г. осаду Константинополя. Однако для армии, не имеющей осадных машин, стены города были слишком прочными. Кроме того, оправдались и некоторые расчеты Иоанна: в Анатолии снова началось восстание, которое

номинально возглавлял тринадцатилетний брат Мурада — Мустафа, фактически же за ним стояли снедаемые завистью гермийский и караманский эмиры. Мурад снял осаду, чтобы расправиться с мятежниками, и затем утешился тем, что послал армию для разграбления Пелопоннеса^[79].

На долю Мурада выпало не так уж много дней мира, которого он так жаждал. В 1428 г. ему пришлось отражать нападение переправившихся через Дунай армий королей Венгрии и Польши. В 1430 г. его войска заняли Янину в Эпире. В том же году он отобрал у венецианцев Фессалонику, которой те владели семь лет. Зависимость Сербии, где в 1427 г. вместо Стефана Лазаревича деспотом стал его племянник Георгий Бранкович, превратилась в вассальную, и деспот вынужден был разорвать союз с венграми, которым он уступил Белград. Сербскому государю было также приказано прислать в жены султану свою дочь Мару, и его промедление с этим вызвало новый турецкий поход против него. Мурад не доверял деспоту. В 1440 г. он вновь повел против него войско и разрушил дунайскую крепость Семендрию, которую сам же разрешил сербам построить. Затем султан попытался осадить Белград, но оборонительные укрепления города оказались слишком прочными, и Мураду пришлось отступить^[80].

Неудача под Белградом ободрила врагов Мурада. Папа, вдохновленный результатами Флорентийского собора, провозгласил Крестовый поход против турок. Его с энтузиазмом поддержал венгерский король Владислав, которому согласился помочь сербский деспот. Албанский вождь Георгий Кастриот, прозванный Скандербегом, объявил султану войну; одновременно удалось уговорить караманского эмира напасть на владения султана в Азии^[81]. Пока Мурад был занят подавлением караманцев, венгерская армия с ее союзниками, возглавляемая незаконным сыном короля воеводой Трансильвании Яношем Кор-вином Хуньяди, переправилась через Дунай и очистила от турок Сербский деспотат. Мурад со всей своей армией поспешил в Европу, направившись прямо к Дунаю. Однако он не решился начать сражение; вскоре он убедился, что и король Владислав тоже колеблется. К венграм, правда, присоединились войска, набранные папой на Западе, которыми командовал папский легат кардинал Джулиано Чезарини, однако Владислав рассчитывал на большее. В июне 1444 г. он и Мурад договорились встретиться в Сегеде, где оба поклялись — Мурад на Коране, а Владислав на Библии — соблюдать перемирие в течение десяти лет, во время которых ни один из них не

попытается пересечь Дунай. Хуньяди, несогласный с перемирием, отказался в нем участвовать.

Теперь Мурад решил, что может наконец осуществить свое давнишнее желание: удалившись от дел, посвятить оставшуюся жизнь созерцанию. Но не успел он отвести свою армию от границы и объявить о намерении отречься от престола, как пришло известие, что король Венгрии переправился через Дунай и движется через Болгарию. Поскольку кардинал Чезарини объявил клятву, данную неверному, недействительной, возможности разбить турок, казалось, в тот момент были слишком хороши, чтобы упустить их.

Такое нарушение клятвы шокировало православных не меньше, чем турок. Император Иоанн VIII отказался оказать походу какую-либо помощь, а сербский деспот Георгий Бранкович отозвал свои войска и, таким образом, помешал Скандербегу соединиться с союзниками. Хуньяди выступил в поход с неохотой, к тому же кардинал Чезарини не прислушивался к его мнению в военных делах. Мурад, занятый упорядочением дел в Анатолии перед тем как отречься, вновь поспешил на север. 11 ноября 1444 г. он обрушился на христиан под Варной с силами, втрое превосходившими войска союзников. Разгром был полным. Король Владислав и кардинал Чезарини пали на поле боя. Только Хуньяди со своими полками избежал гибели. Эта победа восстановила контроль султана на Балканах вплоть до Дуная^[82].

Вскоре после этого Мурад официально отрекся в пользу своего двенадцатилетнего сына Мехмеда и удалился в Манису. Но его и тут не оставили в покое. Его везиры и армия выразили недовольство своим новым повелителем, подозрительным, самоуверенным и надменным. К тому же на европейской границе все еще было неспокойно. Общественное мнение и государственная необходимость вернули Мурада на трон. Скандербег в Албании еще не был побежден, а предпринятая против него экспедиция окончилась неудачей. В 1446 г. Мурад послал войска в Грецию, где они опустошили Пелопоннес. В 1448 г. Хуньяди, теперь уже регент Венгрии, возобновил наступление, командуя армией из венгров, валахов и чехов, а также немецких наемников. Он рассчитывал соединиться со Скандербегом на Косовом поле. Однако, прежде чем албанцы смогли подойти, на Хуньяди внезапно обрушилось огромное турецкое войско, и вся его армия была разбита, а сам он едва сумел спастись бегством с помощью немцев и чехов. Этот разгром, случившийся почти сразу после поражения под Варной, подорвал военную мощь Венгрии на целое поколение. Правда, венгерский флаг все еще развевался над Белградом, но о походах за Дунай уже не

могло быть и речи. И когда Константинополь оказался в критическом положении, Хуньяди ничем не мог ему помочь. На Балканском полуострове только в горах Албании еще не прекращалась борьба против турецкого господства^[83].

Мурад был не менее удачлив и в Анатолии. В эти последние годы своего правления он присоединил к султанату Айдынский и Гермианский эмираты и усмирил караманцев. Что касается других независимых правителей, таких, как эмиры Синопа и Атталии, то все они признали верховную власть оттоманского султана. Трапезундский император был так же бессилен и почителен с султаном, как и его зять в Константинополе^[84]. Внутри Оттоманской империи воцарились порядок и благополучие. Главная военная реформа Мурада заключалась в реорганизации войска янычар, формировавшегося до этого из взятых в плен и обращенных в рабов детей христиан. Теперь же султан ввел регулярную систему набора, по которой каждая христианская семья — греческая, славянская, валашская или армянская — была обязана, если потребуется, отдать султанским властям по мальчику. Дети воспитывались в специальных школах строгими мусульманами. Некоторые из них, особо одаренные, использовались потом как технические специалисты или гражданские чиновники; большинство же становилось хорошо обученными солдатами, из которых формировалась знаменитая гвардия султана. Янычары жили в специальных казармах, и им запрещалось вступать в брак, с тем чтобы вся жизнь их была посвящена службе султану^[85].

Несмотря на тяжелые, вызывавшие протест налоги и проводимые им время от времени массовые обращения в ислам, Мурад все же пользовался определенной популярностью среди своих христианских подданных, которые считали его порядочным и справедливым государем. Он имел множество друзей среди христиан и, как говорили, находился под большим влиянием своей красавицы жены-сербки, к которой был очень привязан. Действительно, для многих греческих подданных султана жизнь под его хорошо организованным и, как правило, терпимым правлением казалась легче, чем в терзаемом мучительными беспокойствами обломке старой христианской империи^[86].

Мурад умер в Адрианополе 13 февраля 1451 г., оставив своему преемнику великолепное наследство.

Глава III.

Император и султан

Покойный император Иоанн VIII был старшим среди шести сыновей Мануила II и императрицы Елены, дочери сербского князя, владения которого находились в Македонии, и его жены-гречанки. После Иоанна старшим по возрасту был Феодор, затем шли Андроник, Константин, Димитрий и Фома. Феодор и Андроник умерли раньше старшего брата. Болезненный Андроник не играл какой-либо роли. Единственный его заметный поступок — продажа венецианцам Фессалоники в 1423 г., после чего он удалился в константинопольский монастырь Пантократора под именем Акакия, где и умер в 1428 г.^[87] Феодор был более значительной фигурой. Он унаследовал от отца склонность к интеллектуальным занятиям и проявил себя блестящим математиком. Но он был человеком настроения, то вялым, то возбужденным; энергия и властолюбие у него тут же могли смениться желанием уйти от суеты мира в тишину монастыря. В 1407 г. он сменил на престоле деспота Морей, своего дядю Феодора I, будучи еще ребенком, и его отцу в течение нескольких лет пришлось неоднократно бывать в деспотии, чтобы восстановить в ней порядок, а также построить линию укреплений, известную под названием Гексамилон, тянувшуюся через Коринфский перешеек, — для того лишь, чтобы увидеть ее разрушенной турками во время их набега в 1423 г.^[88] Феодор был неплохим правителем — насколько смена настроений и припадки ревности ему это позволяли.

В 1421 г. он женился на итальянской княжне Клеопе Малатесте, кузине папы Мартина V, жизнь которой, учитывая тяжелый характер мужа, была не из легких. Она перешла в лоно православной церкви, чем вызвала гнев папы, который, однако, обвинял в этом не ее, а супруга; на самом же деле ее обращение было, судя по всему, добровольным. Она и Феодор держали у себя в Мистре блестящий, высокоинтеллектуальный двор, хотя этот блеск сильно потускнел после смерти Клеопы в 1433 г. Главным украшением этого двора был Плифон, очень привязанный к ним обоим. Будучи старшим из братьев после Иоанна, Феодор считал себя наследником императорского трона. Когда стало очевидным, что Иоанн останется бездетным, он в 1443 г. обменял свою деспотию на город Селимврию во Фракии, всего в 40 милях от столицы, чтобы в случае смерти Иоанна быть поближе к

Константинополю. Но судьба распорядилась иначе: летом 1448 г. Феодор заболел чумой и в июле умер — за три месяца до кончины императора^[89]. Его единственным ребенком была дочь Елена, которая за десять лет до его смерти вышла замуж за кипрского короля Иоанна II^[90].

Оба его младших брата, Димитрий и Фома, не обладали какими-либо достоинствами. Димитрий был человеком нервным, тщеславным и беспринципным. Он считал себя борцом за православие в противоположность пролатинским тенденциям своего брата, императора Иоанна, с которым он ездил на Флорентийский собор. Димитрий женился на представительнице православной греко-болгарской фамилии Асенов против воли обеих семей. У Димитрия были друзья при дворе турецкого султана, и в 1442 г. он предпринял попытку напасть на Константинополь с помощью турецких войск. Императору удалось спастись только благодаря тому, что ему на выручку поспешил с подкреплениями его брат Константин. Димитрий был прощен, ему даже разрешили остаться в Константинополе. После смерти Феодора Димитрий унаследовал от него Селимврию^[91].

Фома был порядочнее брата, однако и слабее его. В юности он был в 1430 г. послан на помощь своим братьям в Морею, где женился на Катерине Заккарии — наследнице последнего франкского герцога Ахайи — и получил апанаж из земель, ранее принадлежавших ее семье. Он был постоянным, верным приверженцем своего брата Константина^[92].

Константин, наиболее способный среди братьев, родился в 1404 г. и еще молодым человеком получил в удел Селимврию вместе с несколькими соседними фракийскими городами. В 1427 г. он отправился на Пелопоннес помогать Иоанну VIII отвоевывать остававшиеся еще на полуострове последние франкские владения. Его присутствие там было тем более необходимо, что наследник престола Феодор заявлял о своем желании уйти в монастырь, хотя, правда, довольно скоро передумал. Между тем Константин уже в марте 1428 г. вступил в брак с политическими целями с племянницей Карло Токко, князя Эпира, владевшего большей частью Западной Греции. В качестве приданого он получил земли Токко на Пелопоннесе, и, хотя юная принцесса Магдалена, перекрещенная перед браком в Феодору, через два года умерла бездетной, Константин удержал эти земли за собой и сделал их плацдармом для овладения всем полуостровом. Его отношения с братом Феодором нередко становились напряженными. Феодор был особенно уязвлен, когда Иоанн VIII на время своей поездки в Италию на собор оставил Константина править за него

Константинополем; это означало, что Иоанн намерен был сделать Константина своим наследником. Согласие между братьями было восстановлено только после того, как Константин, отказавшись от права наследования престола в пользу Феодора, отдал брату свои владения во Фракии взамен на Морейскую деспотию с Мистрой. Таким образом, Константин утвердился в качестве деспота в Мистре, а Фома, будучи деспотом Кларенцы, на западном берегу полуострова, прикрывал с тыла владения брата. Завоевание Пелопоннеса было завершено, за исключением четырех городов — Аргоса, Навплии, Кротона и Модона, остававшихся в руках Венеции, в 1433 г.

После этого Константин приступил к захвату Аттики и Беотии. В 1444 г., ободренный вестью об успехе Хуньяди в Сербии, он двинулся на север от Коринфа, в то время как его лучший полководец Иоанн Кантакузин прошел через полуостров от Патраса до Фокиды. Вскоре вся Греция, вплоть до хребта Пиндос, была в руках Константина, за исключением Акрополя в Афинах, откуда насмерть перепуганный герцог Нерио II воззвал за помощью к туркам, и те, к сожалению, смогли ее оказать очень скоро, поскольку, в то время как Константин стремительно продвигался по Беотии, султан Мурад одержал свою знаменательную победу под Варной. В 1446 г. султан сам повел свою армию в Грецию. Константин укрылся за укреплениями Гексамиліона, которые он отстроил заново. Однако на этот раз Мурад взял с собой тяжелую артиллерию. После двух недель непрерывного обстрела его солдаты прорвались через вал укреплений. Константин и Фома едва успели спастись бегством. Их войска, особенно албанские наемники, проявили редкостное отсутствие верности долгу и отваги. Султан еще раз разрушил укрепления и двинулся на Патрас и Кларенцу, вырезая на пути население. И, только получив от обоих деспотов новые заверения в вассальной зависимости и обещания выплачивать ежегодную дань, он удалился в свои владения^[93].

Ущерб, нанесенный деспотии, и число человеческих жертв были огромны. Константин более не смел уже думать о новых завоеваниях. Вместо них он решил укрепить свое положение с помощью серии внешнеполитических союзов. В 1441 г. он вступил во второй брак. Его женой стала Катерина, дочь владельца Лесбоса Дорино Гаттилузи из генуэзской династии, основанной Франческо, женатым на сестре императора Иоанна V; к тому времени династия эта совсем эллинизировалась. Однако через год Катерина умерла бездетной, и Константин стал подыскивать себе новую жену с солидным приданым и полезными связями. Он сделал предложение Изабелле Орсини, сестре

князя Таренто, его посланцы в Неаполе собирали сведения об инфанте португальской, а посол в Венеции попытался сосватать ему дочь дожа Франческо Фоскари. Но ни одна принцесса не пожелала разделить с ним его шаткий трон; не удалось также заключить прочный союз с каким-либо из западных государств. Одновременно его верный друг и секретарь Георгий Франдзис (Сфрандзи), относившийся к Западу с недоверием, поспешил в Трапезунд, чтобы добиться для своего господина руки дочери потомка Великих Комнинов. Конечно, у ее отца уже не было большого политического веса, но он все еще был богат — благодаря серебряным рудникам и доходам от торговли, шедшей через его столицу. Эта девушка могла бы принести богатое приданое, а кроме того, трапезундские принцессы всегда славились красотой. Ее тетка, жена императора Иоанна VIII, считалась красивейшей женщиной своего времени, хотя видевший ее де ла Брокьер и отмечает с неудовольствием слишком обильное и, на его взгляд, неоправданное употребление ею косметики. Однако миссия Франдзиса не увенчалась успехом^[94]. Константин выдал свою племянницу Елену, старшую дочь Фомы, за сына Георгия Бранковича, деспота Сербии. Но даже Георгий был слишком благоразумен, чтобы провоцировать турок заключением союза с деспотом Морей^[95].

В момент смерти Иоанна VIII Константин находился в Мистре; Фома же был уже на пути в Константинополь. Он прибыл туда 13 ноября 1448 г., ровно через две недели после кончины императора, и, надо сказать, вовремя, так как его брат Димитрий, спешно прибывший в Константинополь из своего апанажа в Селимври, уже предъявил свои претензии на трон. Димитрий рассчитывал главным образом на поддержку противников церковной унии. Однако по существовавшей правовой практике при отсутствии коронованного императора верховная власть в Константинополе переходила к императрице. Престарелая вдовствующая императрица Елена использовала свой престиж, настояв на провозглашении императором Константина — старшего из ее оставшихся в живых сыновей. Общественное мнение поддержало ее. Надежды Димитрия рухнули, и, когда в Константинополь явился Фома, он признал себя побежденным и присоединился к сторонникам Константина.

Франдзис, который как раз в это время находился в Константинополе в связи со смертью сына, был послан императрицей к султану Мураду с сообщением о предстоящем вступлении на престол Константина, на что тот любезно дал согласие. Двое высоких сановников, Алексей Ласкарис Филантропин и Мануил Палеолог Иагрос, отправились в Мистру с

императорской короной, и 6 января 1449 г. местный митрополит короновал Константина в кафедральном соборе Мистры^[96]. За истекшую тысячу лет, за исключением никейского периода, это была первая коронация императора вне стен Константинополя и к тому же совершенная не патриархом. Хотя никто не оспаривал прав Константина на престол, законность этой церемонии все же вызывала сомнения. Тем не менее было признано необходимым, чтобы он взошел на престол как можно быстрее, осуществить же коронацию в Константинополе было затруднительно, поскольку тогдашнего патриарха Георгия Маммаса бойкотировала большая часть духовенства^[97].

12 марта Константин прибыл из Мистры в столицу империи со своей свитой на каталонских галерах. Через несколько дней он объявил братьев Димитрия и Фому деспотами Морей совместно: Димитрий получил Мистру и юго-восточную часть полуострова, Фома же — северо-западную с Кларенцей и Патрасом. На торжественной церемонии в присутствии императрицы-матери и высоких сановников империи оба брата присягнули на верность императору и поклялись в вечной дружбе друг другу. И хотя впоследствии они неоднократно нарушали свою клятву, их отъезд сделал Константина полновластным хозяином Константинополя^[98].

Императору было в то время почти 45 лет. У нас нет подробного описания его внешности. Он был, по-видимому, высоким и стройным, с присущими его фамилии строгими и правильными чертами лица и темными волосами. Он не проявлял особого интереса к интеллектуальным занятиям, философии или богословию, хотя в Мистре и был дружен с Плифоном и его последним актом перед отъездом отсюда в Константинополь было официальное утверждение сыновей Плифона наследниками собственности, полученной их отцом. Еще до вступления на престол он проявил себя хорошим солдатом и умелым администратором. Это был человек цельный, никогда не прибегавший к недостойным действиям. В отношениях со своими трудными братьями он проявлял великодушие и терпение. Его друзья и сановники, даже если иной раз и расходились с ним во мнениях, были очень преданы ему. Кроме того, он обладал даром вызывать восхищение и любовь своих подданных. Уже само прибытие его в Константинополь было встречено там с искренней радостью^[99].

Он нуждался в подобных чувствах, прибыв в этот город, наполненный горечью и унынием. Ненависть к официальному союзу с римской церковью не ослабевала. Константин же считал себя связанным обязательствами,

данными его братом во Флоренции. Но поначалу он не торопился с решительными мерами. Возможно, здесь сказалось влияние матери, с которой он очень считался. Ее смерть 23 марта 1450 г. была для него тяжелой утратой. Он стремился, чтобы в его окружении были представители всех партий. Своим первым министром Константин назначил великого адмирала флота мегадуку Луку Нотараса, который был противником унии, хотя и не таким фанатичным. Иоанн Кантакузин, близкий друг Константина во время его пребывания на Пелопоннесе и активный сторонник унии, стал стратопедархом. Великий логофет Метохит и протостратор Димитрий Кантакузин, по-видимому, тоже сомневались в целесообразности унии, однако готовы были поддержать любую политику, которую предпочтет император. Их позицию разделял секретарь императора Франдзис, который, очевидно, являлся его наперсником^[100]. Патриарх Григорий был разочарован тем, что не нашел у нового императора должной поддержки; в августе 1451 г. он перебрался в Рим, где его больше ценили, и разразился там упреками в адрес императора и его окружения, обвиняя их в прохладном отношении к унии^[101].

Константин все еще подыскивал себе жену. Вероятно, следуя совету матери учесть антиримские настроения своего народа, он решил ограничить поиски православным миром. В 1450 г. верный Франдзис был снова послан на Восток — ко дворам Грузии и Трапезунда. Он нашел грузинскую царевну вполне подходящей кандидатурой и был крайне удивлен, когда услышал от ее отца, царя Георгия, что по обычаям его страны приданое приносят не жены, а, наоборот, мужья. Он добавил при этом, что не следует осуждать обычаи, принятые у других народов. Вот в Британии, подчеркнул он, женщина часто имеет нескольких мужей, а мужчина — нескольких жен^[102]. Тем не менее он обещал проявить великодушие в деле сватовства и даже предложил себя в посаженные отцы дочери Франдзиса.

В Грузии Франдзис узнал о смерти султана Мурада. Приехав в Трапезунд и обсудив эту новость с императором Иоанном, он узнал, что вдова султана Мара, сербская христианка, приходившаяся жене императора племянницей, была после смерти мужа с почестями и многочисленными подарками отослана домой к отцу. Франдзис нашел, что это блестящая партия. Он тут же написал Константину, что имеется подходящая невеста. Султанша еще молода и богата; к тому же она очень популярна при турецком дворе и, по слухам, имеет влияние на своего пасынка — нового султана. Он написал также, что для императора не будет недостойным

жениться на вдове государя неверных. Например, неродная бабушка Константина, вторая жена императора Иоанна, была перед этим женой туркменского властителя и даже имела от него детей. Франдзис поспешил домой, чтобы как можно скорее его предложение было осуществлено. Император проявил определенную заинтересованность, но посетовал, что у министров нет на этот счет единого мнения. Матери, которая могла бы решить за него это дело, уже не было; незадолго перед этим скончался также ближайший друг его Иоанн Кантакузин.

Однако все эти планы разрушила сама султанша. Она, как оказалось, дала обет, что если ей удастся вырваться из гарема, то она посвятит остаток своей жизни благим делам и не выйдет больше замуж. Тогда Константин остановил свой выбор на грузинской царевне. В Грузию было отправлено посольство, чтобы подписать брачный контракт и доставить невесту в Константинополь. Но по различным причинам ее отъезд откладывался, а когда она собралась ехать, пришло известие, что уже слишком поздно^[103].

Трапезундский император думал, что Франдзис разделит его радость по поводу смерти султана Мурада, однако тот держался иного мнения. Мурад, сказал он, был, в сущности, человеком миролюбивым, который более не хотел напряжения и хлопот, связанных с войной. Про нового же султана известно, что с детских лет он является ярким противником христиан; он определенно попытается напасть на христианские империи — и Трапезундскую и Константинопольскую — и уничтожить их. Опасения Франдзиса разделял и его венценосный господин. Донесения агентов, которые у Византии были при турецком дворе, недвусмысленно предостерегали о грозящей опасности^[104].

Для этих предостережений были все основания. Новому султану Мехмеду II было девятнадцать лет. Он родился в Адрианополе 30 марта 1432 г. Детство его не было счастливым. Мать Мехмеда Ума-хатун была наложницей, скорее всего турчанкой, хотя впоследствии легенда, которую не очень отрицал и сам Мехмед, превратила ее в знатную франкскую даму. Отец мало обращал на него внимания, предпочитая ему сыновей от своих более благородных жен. Ранние годы Мехмеда тихо протекли в Адрианополе вместе с матерью и нянькой, строгой и набожной турчанкой знатного происхождения, известной под именем Дайе-хатун. Старший брат его Ахмет внезапно умер в 1437 г. в Амасии. Шесть лет спустя там же был таинственным образом умерщвлен и его второй брат Алаэддин. В одиннадцать лет Мехмед оказался, таким образом, наследником престола и единственным оставшимся в живых представителем Оттоманской

династии, кроме самого султана и его дальнего родственника Орхана, внука султана Сулеймана, отосланного в Константинополь. Мурад призвал мальчика ко двору и, с неудовольствием убедившись в том, что его образованием не занимались, нанял для обучения Мехмеда целую армию репетиторов во главе с блестящим наставником курдом Ахмедом Курани. Эти люди добросовестно потрудились: Мехмед был отлично подготовлен в области различных наук и философии, основательно знаком с исламской и греческой литературами; кроме родного, турецкого языка он научился бегло говорить на греческом, арабском, латинском, персидском и древнееврейском языках. Вскоре отец стал приобщать его к искусству управления государством^[105].

Мехмеду было двенадцать лет, когда Мурад, подписав перемирие с королем Владиславом, решил удалиться от дел, оставив империю на попечение сына. Для этого ему прежде всего необходимо было подавить беспорядки в Анатолии, но, когда Мурад еще был занят этим, пришло известие о движении христиан к Варне. Везир Халиль-паша просил султана незамедлительно вернуться в Европу, тем более что он был также встревожен поведением юного Мехмеда. Мурад надеялся, что его сын будет находиться под опекой Халиля, его старого верного друга. Однако мальчик с самого начала обнаружил твердое намерение поступать по-своему. Не успел Мурад еще покинуть Анатолию, как между везиром и наследником престола произошло столкновение из-за персидского дервиша-еретика, с которым Мехмед подружился. Везир Халиль, сам сын и внук везира и ортодоксальный мусульманин, решительно выступил против дервиша, и Мехмеду пришлось отдать того верховному муфтию Фахреддину, который подговорил чернь сжечь еретика. При этом муфтий так беспокоился о том, чтобы лучше раздуть пламя, что, оказавшись слишком близко к костру, опалил себе бороду^[106].

Так или иначе, когда Мурад вернулся после победы под Варной, его не удалось отговорить от решения уйти; и Мехмед был сделан правителем империи под опекой Халиля. Этот эксперимент тоже оказался крайне неудачным. На албанской и греческой границах шла война. Мехмед разгневался на своих опекунов за то, что те отвергли как совершенно неосуществимые его планы нападения на Константинополь. Его вызывающие манеры и высокомерие оттолкнули от него и двор, и простой народ. Однако наиболее сильное недовольство проявляла армия. Чтобы избежать открытого восстания, Халиль уговорил Мурада вернуться в Адрианополь и вновь стать во главе государства. Его возвращение осенью

1446 г. было встречено всеобщим ликованием; Мехмеда же отправили в Манису — место прерванного уединения его отца^[107].

Возможно, что в то время Мурад собирался лишить Мехмеда права наследования престола. У него теперь была жена благородного происхождения, дочь эмира Ибрагима Чандароглу, семья которого уже имела родственные связи с Османским домом, и вскоре она должна была подарить ему сына^[108]. Однако некоторое время спустя султан пришел к другому мнению: после двух лет ссылки Мехмед был снова призван ко двору, чтобы принять участие в походе против Хуньяди, закончившемся победой на Косовом поле. В начале того же года его наложница Гюльбехар, дочь Абдуллы, по-видимому принявшего ислам албанца, родила Мехмеду сына Баязида^[109]. Мурад неодобрительно отнесся к этой связи. В 1450 г. он заставил Мехмеда жениться на Ситт-хатун, дочери богатого туркменского эмира Сулеймана Зулькадрогу, властителя Малатии. Свадьба была отпразднована с особой пышностью. Но Мехмед оставался холоден к навязанной ему жене. Она оказалась бездетной и, забытая мужем, прожила остаток своих дней в гареме султана в Адрианополе^[110].

В последний период отцовского правления к Мехмеду относились уже с большей симпатией. Время от времени он появлялся при дворе и сопровождал султана в одном или двух его походах. Однако он часто возвращался в свой дворец в Манисе. Он находился там в августе 1450 г., когда умерла его мать. Мехмед позаботился о том, чтобы ее с почестями похоронили в Бурсе, причем в ее надгробной надписи было непосредственно упомянуто имя Мурада. Он был там и в тот момент, когда 2 февраля 1451 г. в Адрианополе скончался от апоплексического удара сам Мурад^[111].

Никто не сомневался в том, что наследником престола является Мехмед. Запечатанное письмо, с извещением о смерти отца, посланное ему Халиль-пашой, заставило его поспешно покинуть Манису. Когда Мехмед пересек Дарданеллы, он уже знал, что его право на престол никем не оспаривается, и поэтому позволил себе задержаться на два дня в Галлиполи, пока в Адрианополе приготовят для него соответствующий прием. Он прибыл туда 18 февраля. Великий везир и все высокие сановники выехали из города навстречу ему. На расстоянии одного лье от городских ворот они спешили, чтобы войти в город с процессией, сопровождавшей Мехмеда, идя пешком перед его конем. По прибытии во дворец Мехмед устроил прием. Везиры его отца стояли в беспокойстве поодаль, пока он не передал через главного евнуха Шехабэддина, чтобы

они вновь заняли свои места. Затем он утвердил прежнего великого везира на его посту. Вторым везир, Исхак-паша, ближайший друг Мурада, был назначен правителем Анатолии — на пост очень высокий и важный, но разлучавший Исхак-пашу с его союзником Халилем. Саруджа-паша и Заганос-паша, преданные Мураду, но менее близкие к Халилю сановники, были назначены, так же как и Шехабэддин, помощниками великого везира. Вскоре после этого вдова Мурада, дочь Ибрагим-бея, пришла выразить новому султану соболезнования по поводу смерти его отца и поздравить Мехмеда с восшествием на престол. В то время как султан самым любезным образом принимал ее, его слуги бросились в гарем и утопили в купальне ее маленького сына Ахмеда. Безутешной матери было вскоре приказано выйти замуж за Исхак-пашу и отправиться с ним в Анатолию. Как сообщили Францису в Трапезунде, другая вдова Мурада, христианка Мара Сербская, была с должными почестями отослана обратно к ее отцу^[112].

Назначив новую администрацию и наведя порядок во дворце, юный султан занялся выработкой своей политики. Внешнему миру он представлялся до этого неопытным юнцом, ранняя карьера которого была не слишком удачна. Однако на тех, кто видел его теперь, он производил сильное впечатление. Он был красив, невысокого роста, но крепкого сложения. На лице выделялись глаза с пронзительным взором под высокими дугами бровей и тонкий, крючковатый нос, нависающий над полными, яркими губами. В более позднем возрасте черты его лица напоминали попугая, который приготовился клевать спелую вишню. Манеры нового султана были полны достоинства и довольно сдержанны, за исключением тех случаев, когда он много выпивал: у него была наследственная чрезмерная приверженность к алкоголю.

Однако Мехмед всегда был благосклонен и даже сердечен с теми, кого уважал за ученость; он также любил общество людей искусства. Мехмед был на редкость скрытным. Трудное детство научило его не доверять никому. Было невозможно угадать, о чем он в данный момент думает. Он не стремился завоевать ни любви окружающих, ни популярности у народа. Однако его ум, энергия и решительность вызывали уважение. Никто из знавших Мехмеда не мог и помыслить о том, что этот внушающий страх молодой человек позволит кому-либо отвлечь его от задуманных целей, первой и главнейшей из которых было завоевание Константинополя^[113].

Глава IV.

Цена помощи Запада

Трапезундский император был не единственным, кто с облегчением вздохнул при известии о смерти Мурада; такой же радостный оптимизм чувствовался и на Западе. Послы, еще недавно находившиеся при дворе Мурада, рассказывали, какое фиаско потерпел Мехмед во время своего первого пребывания на троне. Неблещущий способностями молодой человек вряд ли, по их мнению, мог быть опасным для христианского мира. Эта иллюзия подкреплялась также любезной готовностью нового султана подтвердить международные договоры, заключенные его отцом. В конце лета 1451 г., когда весть о его вступлении на престол разнеслась по Европе, в Адрианополь хлынул целый поток иностранных посольств. 10 сентября Мехмед принял венецианскую миссию и официально возобновил мирный договор, подписанный с республикой его отцом пять лет назад. Через десять дней он подписал с представителями Яноша Хуньяди договор о перемирии на три года.

Особенно любезно было принято посольство из Рагузы, прибывшее с предложением увеличить дань, ежегодно уплачиваемую городом, на 500 золотых. Посланцы великого магистра ордена рыцарей Родоса, господаря Валахии, властителя Лесбоса и правительства Хиоса, прибывшие с богатыми дарами, получили заверения в доброй воле. Сербскому деспоту возвратили не только дочь, но и несколько городов на верхней Струме. Даже послы императора Константина, прибывшие первыми, которые, будучи лучше осведомлены о характере султана, чувствовали себя весьма напряженно, были ободрены полученным приемом. Султан не только поклялся перед ними на Коране, что будет уважать территориальную целостность Византии, но даже обещал ежегодно выплачивать императору три тысячи асперов из доходов от некоторых греческих городов на нижней Струме. Эти города официально принадлежали оттоманскому принцу Орхану, и деньги предназначались на его содержание, пока он будет находиться в почетном плену в Константинополе. Даже монастырская община на горе Афон, благоразумно признавшая после захвата Мурадом Фессалоники сюзеренитет Оттоманов, получила заверения в невмешательстве в ее автономию [\[114\]](#).

Создавалось впечатление, что новый султан находится под влиянием

Халиля — старого великого везира его отца, о котором было известно, что он разделял миролюбивые взгляды своего властелина. Византийские дипломаты старательно укрепляли дружбу с Халилем и были удовлетворены от сознания, что их усилия не прошли даром. Однако более проницательные наблюдатели могли бы почувствовать, что все эти мирные жесты Мехмеда неискренни. Его устраивало сохранять мир на границах, пока он вынашивал свои великие завоевательные планы. Влияние Халиля отнюдь не было столь велико, как думали христиане. Мехмед так и не простил Халилю до конца его роли в событиях 1446 г. Союзник Халиля Исхак-паша был далеко в Анатолии: отношения Халиля с Заганос-пашой, ставшим теперь вторым везиром, уже в течение нескольких лет были прохладными; кроме того, Заганос-паша являлся близким другом евнуха Шехабэддина, наперсника Мехмеда и сторонника войны^[115].

Однако эти скрытые пружины политической жизни оттоманского двора не были известны европейцам. Западное христианство было счастливо услышать из Венеции и Будапешта о дружеских чувствах султана. После унижения под Никополем и Варной ни одно западное государство не жаждало выходить снова на борьбу против турок. Куда приятнее было думать, что в этом нет необходимости. В самом деле, ни одно государство не было в состоянии предпринять немедленные действия; у всех имелись проблемы в собственном доме.

В Центральной Европе Фридрих III Габсбург был слишком занят устройством своей коронации в Риме в качестве императора, которая должна была состояться в 1452 г. и ради которой он уже четырнадцать лет назад продал папе привилегии германской церкви. Он также считал, что имеет права на престолы Чехии и Венгрии, и поэтому ему не улыбалось сотрудничество с Яношем Хуньяди, регентом своего малолетнего соперника — Владислава V.

У короля Франции Карла VII было достаточно забот по восстановлению своей страны после бедствий Столетней войны; кроме того, он имел сильного и опасного вассала в лице своего кузена Филиппа Доброго, герцога Бургундского, чьи земли и богатства были намного больше его собственных. Филипп, правда, изображал из себя крестоносца; однако, даже если бы он и мог решиться покинуть на какое-то время свое герцогство, в его памяти была слишком свежа печальная история пленения турками его отца Иоанна в битве при Никополе.

Англия, ослабленная опустошительными войнами с французами и управляемая благочестивым, но не обладавшим очень трезвым рассудком королем, вряд ли могла бы позволить себе выделить солдат для заморских

авантюра. Ни помощи, ни даже какого-либо интереса нельзя было и ожидать от таких далеких монархов, как скандинавские короли или король Шотландии, а короли Кастилии и Португалии принуждены были бороться с врагами-неверными чуть ли не у себя в стране. Единственным монархом, проявившим какое-то внимание к делам Леванта, был Альфонс V Арагонский, вступивший на неаполитанский трон в 1443 г. Альфонс заявил о своей готовности возглавить поход на Восток. Однако, поскольку при этом он открыто выражал намерение сделаться императором Константинополя, его предложения помощи выглядели подозрительными и вообще вряд ли осуществимыми^[116].

Даже папский двор хотел верить, что новый султан — фигура довольно незначительная. Однако находившиеся в Риме греческие эмигранты настаивали на немедленных действиях, пока новый османский султан еще не приобрел опыта в государственных делах. Выразителем их идей стал Франческо Филельфо из Толентино, женатый на дочери греческого профессора Иоанна Хрисолораса; теща Филельфо осталась жить в Константинополе. Он написал пламенное воззвание к французскому королю Карлу, избрав именно его потому, что в прошлом Франция играла в Крестовых походах ведущую роль. Он призывал короля собрать армию и без промедления двинуть ее на Восток, поскольку, по его уверениям, турки в данный момент будут не в состоянии оказать серьезного сопротивления. Однако Карл оставил это послание без ответа^[117]. Папа Николай V, сменивший в 1447 г. Евгения IV, был человеком ученым и миролюбивым, чьим благороднейшим делом стало основание Ватиканской библиотеки. Дружба с Виссарионом, ученостью которого он восхищался, сделала папу равнодушным к греческим делам. Но он не знал, к кому из светских государей он мог бы обратиться за поддержкой. Кроме того, папа не был особенно настроен помогать городу, который все еще отказывается выполнять условия унии, подписанной императором во Флоренции и от имени своих подданных^[118].

Император Константин был хорошо осведомлен об этих трудностях. Летом 1451 г. он направил на Запад своего посла Андроника Вриенния Леонтариса, который прежде всего направился в Венецию, чтобы добиться разрешения вербовать на Крите лучников для византийской армии. Затем он прибыл в Рим с дружеским посланием Константина папе и с письмом, адресованным ему комитетом противников унии, названным ими Синаксисом, поскольку словом «синод» нельзя было на законных основаниях назвать орган, в который не входил патриарх. Император оказал на членов

Синаксиса определенное давление с целью отправки этого послания, по всей вероятности, по совету Луки Нотараса. Синаксис предлагал собрать новый собор, на этот раз в Константинополе, который был бы действительно вселенским, с тем чтобы на нем в полной мере были представлены восточные патриархии, а число делегатов римской церкви было бы сокращено. Послание подписали многие противники унии, хотя Георгий (Геннадий) Схоларий отказался поставить свою подпись, считая, что из этого ничего путного не выйдет. И он оказался прав. Папа совершение не был готов ни денонсировать решение Флорентийского собора, ни внять жалобам несогласных. Послание оказалось неудачным еще и потому, что в этот самый момент, вероятно даже когда Вриенний все еще находился в Риме, туда из Константинополя прибыл в добровольное изгнание патриарх Георгий Маммас. Его рассказы отнюдь не сделали Николая V более сговорчивым. Синаксису не было послано никакого ответа, а императору заявили, что, несмотря на то что в Риме понимают деликатность его положения, он явно преувеличивает трудности реального осуществления унии. Необходимо применить жесткие меры. Патриарха следует вернуть и восстановить в правах. Греков, которые отказываются понимать положения унии, следует посылать в Рим для переобучения. Заключительная фраза папского послания императору гласила: «Если вы с вашими знатными людьми и народом Константинополя примете акт об унии, вы найдете в Нашем лице и в лице наших досточтимых братьев, кардиналов Святой Римской церкви, тех, кто всегда будет готов поддержать вашу честь и вашу империю. Но если вы и ваш народ откажетесь принять этот акт, вы принудите Нас прибегнуть к таким мерам, какие Мы сочтем необходимыми для вашего спасения и сохранения Нашей чести»^[119].

Такой ультиматум вряд ли мог облегчить задачу императора. Наоборот, он лишь усилил влияние Геннадия на противников унии. Несколько месяцев спустя в Константинополь прибыл из Праги посланец гуситов по имени Константин Платрис и по прозвищу Англичанин — возможно, потому, что он был сыном английского эмигранта Лолларда. Он публично признал себя приверженцем православия, что вызвало всеобщий энтузиазм. Затем он был отослан обратно в Прагу с письмом, содержащим открытое осуждение папских претензий и подписанным ведущими членами Синаксиса, включая Геннадия. Однако в городе усиливалось ощущение тревоги, поскольку радужные иллюзии относительно ограниченных способностей Мехмеда пришлось в конце концов отбросить^[120].

В ухудшении отношений между империей и турками был виноват сам

император. Осенью 1451 г. караманский эмир Ибрагим-бей, уверовав, как и западные правители, в некомпетентность нового султана, поднял против него мятеж в сговоре с правителями недавно покоренных эмиратов Айдына и Гермияна, а также Ментеше. Юные отпрыски мятежных фамилий были посланы к султану с требованием вернуть им престолы их предков, в то время как сам Ибрагим вторгся на оттоманскую территорию. Местный командующий Иса-бей был человеком слабым и ленивым, и Исхак-паша как правитель Анатолии попросил султана прибыть самому для подавления восстания. В результате внезапного появления Мехмеда в Азии мятеж утих. Ибрагим-бей вскоре стал просить султана о прощении, в то время как Исхак-паша во главе войска вступил на территорию Ментеше. Но на обратном пути в Европу султан столкнулся с волнениями в полках янычар, требовавших повышения жалованья. Мехмед пошел на некоторые уступки, однако сместил командира янычар и включил в янычарские полки значительное число псарей и сокольничих из своего дворцового охотничьего ведомства, на верность которых он мог положиться^[121].

Константин, очевидно ободренный трудностями, с которыми столкнулся султан, направил к нему послов с жалобой на то, что суммы, обещанные на содержание принца Орхана, до сих пор не уплачены. Послам было также поручено осторожно напомнить султану, что при византийском дворе находится возможный претендент на оттоманский трон. Когда посольство добралось до султана — вероятно, это было в Бурсе, — принявший его Халиль-паша был смущен и разгневан. Он уже достаточно хорошо изучил своего господина, чтобы представить, какова будет его реакция на подобную дерзость. Вся система мирной политики, сторонником которой он являлся, была бы в случае такого заявления поставлена под угрозу, так же как и его положение в качестве великого везира. В разговоре с послами он не смог скрыть своего раздражения. Мехмед, однако, ограничился тем, что холодно пообещал им рассмотреть этот вопрос по возвращении в Адрианополь^[122]. Он нисколько не был задет оскорбительным и пустым требованием византийцев: теперь у него был предлог нарушить клятвенное обещание не вторгаться на византийскую территорию. Мехмед намеревался вернуться в Европу обычным для турок путем — через Дарданеллы, однако его известили, что по проливу курсирует итальянская эскадра.

Тогда он повернул к Босфору и переправился через него со своей армией от района крепости Анадолухисар, построенной Баязидом. Земля на противоположном, европейском побережье официально еще

принадлежала Византии, но Мехмед пренебрег полагавшейся в таких случаях обязанностью спросить разрешения императора на то, чтобы высадиться там. Вместо этого он острым взглядом приметил, как полезно было бы построить крепость в этом узком месте пролива, как раз напротив Анадолухисар.

Вернувшись в Адрианополь, Мехмед приказал изгнать всех греков из городов на нижней Струме с конфискацией всех их доходов. Затем зимой 1451 г. он разослал во все свои владения приказание набрать тысячу искусных каменщиков и соответствующее количество чернорабочих, с тем чтобы весной все они прибыли в выбранное им место в самой узкой части Босфора, прямо напротив деревни Асоматон (ныне Бебек), где берег заметно вдаётся в воды пролива. С окончанием зимы его топографы сразу же исследовали отмеченный участок, и рабочие начали разрушать окрестные церкви и монастыри, извлекая из них строительный камень, который годился к повторному использованию^[123].

Действия султана вызвали замешательство в Константинополе. Было ясно, что это первый шаг к осаде города. Император поспешно направил султану посольство, чтобы указать на нарушение им торжественного договора и напомнить, что в свое время султан Баязид спрашивал согласия императора Мануила, прежде чем строить крепость Анадолухисар. Послов отослали обратно без аудиенции. В субботу 15 апреля начались работы по сооружению новой крепости. Константин в ответ арестовал всех находившихся в то время в Константинополе турок, однако затем, осознав тщетность подобного жеста, приказал их отпустить. Вместо этого он направил султану нагруженных подарками посланцев с просьбой по крайней мере не причинять вреда греческим деревням, расположенным на Босфоре. Султан игнорировал и эту миссию. В июне Константин предпринял последнюю попытку получить от Мехмеда заверения в том, что постройка крепости предпринята не для того, чтобы затем напасть на Константинополь. На этот раз его послы были брошены в тюрьму, а затем обезглавлены. По существу, это означало объявление войны^[124].

Крепость, названная тогда турками Богаз-кесен, что значит «перерезающая пролив», или, иначе, «перерезающая горло», а сейчас известная под именем Румелихисар, была закончена в четверг 31 августа 1452 г. Мехмед, собрав в районе крепости свою армию, подступил к стенам Константинополя. Он провел там три дня, тщательно осматривая городские укрепления. Сомнений в его намерениях ни у кого не оставалось. Одновременно султан объявил о том, что каждый корабль, проходящий

вверх или вниз по Босфору, должен останавливаться у крепости для досмотра; тот, кто не подчинится, будет потоплен. В подкрепление своего приказа он распорядился установить на одну из башен, расположенных ближе к воде, три еще невиданных по своим размерам орудия. И это была не пустая угроза. В начале ноября два венецианских корабля, шедшие из Черного моря, отказались подчиниться требованию остановиться. На них навели пушки, но кораблям удалось уйти невредимыми. Однако третий корабль, пытавшийся две недели спустя последовать их примеру, был потоплен пушечным выстрелом, а его команда во главе с капитаном Антонио Риццо захвачена в плен и доставлена в Дидимотихон, где в то время находился султан. Мехмед приказал немедленно обезглавить всю команду, Риццо же посадить на кол, а труп его выставить у дороги^[125].

Судьба венецианских моряков развеяла всякие иллюзии, которые еще питал Запад относительно характера султана и его намерений. Венеция ошутимо осознала, в какое затруднительное положение она попала. В Константинополе венецианцам принадлежал отдельный квартал, а их торговые привилегии были в 1450 г. подтверждены Константином. Однако Венеция вела очень выгодную торговлю также и в османских портах; кроме того, среди венецианцев находились и такие, кто считал, что турецкое завоевание Константинополя, возможно, обеспечит левантской торговле большую стабильность и дальнейшее процветание. С другой стороны, было ясно, что, захватив Константинополь, султан обратит затем свой взор на венецианские колонии в Греции и в Эгейском море. Во время дискуссии в сенате в конце августа только семь голосов было подано за то, чтобы предоставить Константинополь его собственной судьбе, 74 же сенатора придерживались иного мнения.

Но что Венеция могла сделать? Она сама тогда увязла в хоть и небольшой, но дорогостоящей кампании в Ломбардии. Ее отношения с папой нельзя было назвать сердечными, тем более что папа так и не расплатился за несколько галер, нанятых у республики в 1444 г. Сотрудничество с Генуей было исключено. Посол Венеции в Неаполе получил указание просить помощи у короля Альфонса, однако тот дал уклончивый ответ. У венецианского флота было достаточно забот по защите колоний, а переоборудование торгового судна в военное было делом дорогостоящим. В сложившихся обстоятельствах престиж Венеции требовал разрыва отношений с султаном. Однако венецианские военачальники в странах Леванта получили довольно двусмысленные инструкции: они обязаны были помогать христианам и защищать их, но в то же время не провоцировать турок и не нападать на них. Императору

между тем было послано разрешение вербовать на Крите солдат и матросов^[126].

В таком же затруднительном положении оказалась и Генуя, причем ее реакция была еще более нервной. У нее тоже были свои проблемы в Европе, и она тоже нуждалась в судах для защиты как своих территориальных вод, так и колоний на Востоке. Правительство Генуи обратилось один или два раза с призывом к народам христианского мира послать помощь против турок, но сама она оказать такую помощь не была готова. Частным генуэзским гражданам было дано разрешение поступать по собственному усмотрению. Особое беспокойство в Генуе испытывали относительно Перы и черноморских колоний. Подеста Перы получил указание придерживаться в отношениях с турками такой линии, какую он сочтет наиболее подходящей в сложившейся ситуации, в надежде на то, что даже в случае падения Константинополя колонию удастся сохранить. Такие же инструкции получила и компания Магона, правившая островом Хиос. В любом случае турок не следовало зря раздражать^[127].

Рагузане, так же как и венецианцы, недавно получили от императора подтверждение своих привилегий в Константинополе. Но и они тоже вели торговлю в оттоманских портах; кроме того, они не хотели рисковать в борьбе с султаном потерей хотя бы одного корабля своего и так небольшого флота, если только не шла речь о широкой коалиции^[128].

Несмотря на все свое недовольство византийцами, папа Николай V был глубоко потрясен доказательствами истинных намерений султана. Когда в марте 1452 г. Фридрих III прибыл в Рим, чтобы короноваться императором, папа заставил его направить султану жесткий ультиматум. Однако это была всего лишь поза: всем было известно, что у Фридриха нет ни сил, ни желания подкрепить свои слова действием. Значительно более причастным к событиям был король Неаполя Альфонс, у которого имелись в Греции свои интересы и территориальные претензии; кроме того, каталонцы, торговавшие с Константинополем, были его подданными. Альфонс расточал множество обещаний, но в конце концов послал в эгейские воды лишь флотилию из десяти судов, причем большую часть расходов по этой экспедиции оплатил папа. Но уже несколько месяцев спустя Альфонс, вступив в союз с венецианцами против Франческо Сфорца из Милана и опасаясь реакции генуэзцев, отозвал флотилию обратно. Николай V вместе с находившимся при нем Виссарионом тщетно обращался за помощью куда только было можно. Однако ни его послы, ни Константин не получили нигде должного отклика на эти призывы. Теперь

папа был готов сделать для императора все, что только возможно, поскольку он получил от того письмо, в котором Константин обязался выполнить положения унии; письмо это было написано вскоре после того, как султан закончил сооружение крепости Румелихисар^[129].

В мае 1452 г. Исидор, смещенный митрополит Киевский и всея Руси и недавно возведенный в сан кардинала римской церкви, был назначен папским легатом к императору. По пути в Константинополь Исидор, задержавшись в Неаполе, нанял там на деньги папы двести лучников. Он остановился также на Митилене, где к нему присоединился архиепископ Хиосский Леонард, генуэзец по происхождению. 26 октября Исидор прибыл в Константинополь. Его военный эскорт был, несмотря на свою немногочисленность, символом того, что папа не оставит своими заботами народ, который признал его главенство, и этот жест не остался незамеченным. Исидор был почтительно принят не только императором и его двором: его появление вызвало определенный энтузиазм и среди простонародья. Император не замедлил этим воспользоваться. Были назначены специальные комитеты представителей городского населения и знати, призванные выразить одобрение народом унии. Комитет городского населения выразил согласие строго соблюдать положения унии, в то время как противники ее попросту отказались в нем участвовать.

Комитет знати, где дискуссии были более серьезными, предпочитал компромисс, по которому имя папы провозглашалось бы в литургии, однако действительное установление унии было бы отложено. Но император под влиянием Исидора отклонил это предложение. Почти наверняка переговоры с императором вел Лука Нотарас, обладавший большим тактом, однако благодарности за это он ни от кого не получил: для Геннадия и других непримиримых противников унии он был изменником, Исидор же и латиняне сомневались в его искренности. И не без оснований, поскольку он, очевидно, был сторонником учения об Экономии, которое весьма ценили православные богословы и которая позволяла закрыть глаза на расхождения во имя высших интересов христианского сообщества; кроме того, он, по-видимому, делал намеки на то, что весь вопрос можно будет пересмотреть после того, как минует кризис.

Геннадий был глубоко подавлен происходящим. Еще до прибытия Исидора он обратился к народу со страстной речью, призывая не предавать веру отцов в надежде на призрачную материальную помощь. Однако вид кардинальских солдат заставил жителей города колебаться. Тогда Геннадий удалился в свою келью в монастыре Пантократора, прибыв к монастырским воротам гневное обращение, в котором еще раз предупреждал народ о

преступном безумии отречься от истинной религии. И хотя Лука Нотарас написал ему, что его оппозиция напрасна, влияние Геннадия стало снова расти; в городе были отмечены выступления против латинян. Поскольку проходили недели, а новых войск с Запада все не было, враги унии восстановили свое влияние.

Кардинал Исидор, будучи сам греком, держал себя настолько сдержанно и тактично, что близкий к императору Франдзис предположил: а не имело бы смысл сделать его патриархом вместо отсутствовавшего Григория Маммаса? Но Константин был убежден, что Исидор никогда на это не согласится. В то же время архиепископ Леонард с присущим латинянам пренебрежением к грекам открыто выражал неудовлетворенность положением дел. Он потребовал от императора арестовать лидеров оппозиции и назначить над ними суд. Это было неразумное предложение, осуществление которого лишь породило бы мучеников за веру. Константин довольствовался тем, что 15 ноября собрал во дворце членов Синаксиса и выслушал их возражения. По его просьбе они составили и подписали документ, излагающий причины их отказа принять Флорентийскую унию. В документе были снова повторены их богословские возражения против формулы о Святом Духе. Однако его авторы заявляли, что будут приветствовать созыв нового собора в Константинополе, на котором приняли бы участие правомочные представители всех восточных церквей; единственным же препятствием к этому является злая воля латинян. Они также писали, что будут с радостью приветствовать возвращение патриарха Григория, если он заверит их, что разделяет их богословские взгляды.

Неизвестно, присутствовал ли Геннадий на этой встрече с императором. Так или иначе, его имя не значится среди пятнадцати лиц, подписавших документ, среди которых было пять епископов, три высокопоставленных духовных сановника патриархии и семь настоятелей и монахов. Их позиция была не лишена смысла в случае, если бы уния не вела к расколу между константинопольской и всеми остальными православными церквями. Но для политических деятелей союз с Западом, который мог означать материальную поддержку, был важнее единства с восточными церквями, которые не могли оказать никакой помощи.

Несколько дней спустя пушки крепости Румелихисар потопили венецианское торговое судно, о котором писалось выше. По городу прокатилась новая волна паники; необходимость получить западную помощь представлялась теперь более настоятельной, чем когда-либо прежде. Партия унионистов вновь завоевывала сторонников. Геннадий,

опасавшийся, по собственному признанию, того, что желание получить поддержку распространится среди византийцев, подобно лесному пожару, снова выпустил пространное воззвание, в котором подчеркивал, что западная помощь неизбежно приведет к унии. Он также повторял, что, по крайней мере, сам он никогда не запятнает свою веру в надежде на помощь, ценность которой весьма сомнительна. Его слова не остались без отклика.

12 декабря 1452 г. в кафедральном соборе св. Софии была отслужена торжественная литургия в присутствии императора и всего двора. В молитвах были упомянуты имена папы и отсутствующего патриарха и официально провозглашены положения Флорентийской унии. Кардинал Исидор, стремясь показать, что наконец-то симпатии широких слоев его греческих соотечественников завоеваны, сообщал, что церковь была переполнена и отсутствовали только Геннадий и его восемь монахов. Однако другие сторонники его партии рисуют иную картину: среди греков не наблюдалось энтузиазма, и отныне лишь немногие из них посещали собор, где разрешалось служить только тем священникам, которые признали унию. Архиепископу Леонарду даже император казался не особенно ревностным сторонником унии и пассивным в ее проведении, а Луку Нотараса он вообще считал ее открытым противником. Хотя часто цитируемая фраза Нотараса о том, что он предпочел бы султанский тюрбан кардинальской шапке, даже если он и произнес ее на самом деле, несомненно, была скорее вызвана раздражением против прямолинейности таких непримиримых латинян, как Леонард, которые не хотели понять его усилий в достижении примирения.

После того как уния была провозглашена, открытой оппозиции уже не существовало, а Геннадий хранил молчание в своей келье. Большинство жителей отнеслись к этому свершившемуся факту с угрюмой пассивностью; однако молились они только в тех церквях, где служили священники, не запятнавшие себя открытым признанием унии. Даже многие сторонники унии надеялись, что если город устоит, то ее положения можно будет изменить. Если бы сразу же вслед за провозглашением унии в город прибыли с Запада суда с солдатами, то ее практические преимущества могли бы завоевать ей всеобщую поддержку. Греки, держа в памяти учение об Экономии, могли бы тогда утешиться тем, что, поступившись своей преданностью вере, они в качестве компенсации смогут сохранить христианскую империю. Однако, уплатив цену, которая требовалась за помощь Запада, они просчитались ^[130].

Глава V.

Приготовление к осаде

Все последние месяцы 1452 года султан напряженно обдумывал свои планы. Ни один человек, даже среди его везиров, не знал в точности его намерений. Был ли он удовлетворен тем, что крепость Румелихисар обеспечила ему контроль над Босфором и дает возможность настолько прочно блокировать Константинополь, что со временем городу все равно придется сдаться? Он имел разработанный план строительства нового роскошного дворца в Адрианополе, на одном из островов Марицы, — означало ли это, что в настоящее время султан не мечтает о переводе своего правительства в древнюю византийскую столицу?

На это по крайней мере надеялся его везир Халиль, который независимо от того, получал он регулярно подарки от греков, как это многие подозревали, или нет, не одобрял саму идею военных действий против Константинополя. Осада потребовала бы чрезвычайно больших расходов, а в случае ее неудачи оттоманскому престижу был бы нанесен огромный урон. Кроме того, Константинополь в своем теперешнем положении политически не представляет никакой угрозы, зато полезен с точки зрения торговли. У Халиля были сторонники среди везиров, служивших еще Мураду. Но он имел и сильную оппозицию во главе с военными, такими, как Заганос-паша и Турахан-паша, за которыми стоял евнух Шехабэддин; а это были как раз те лица, к мнению которых прислушивался султан^[131].

Сам Мехмед провел в эту зиму много бессонных ночей, обдумывая предстоящую кампанию. По слухам, его можно было встретить бродящим по ночам на улицах Адрианополя в одежде простого солдата, и каждый, кто узнавал его и приветствовал, немедленно предавался смерти. Однажды ночью, примерно во вторую смену караула, он неожиданно приказал привести к нему Халиля. Старый везир предстал перед ним дрожащим от страха услышать о своем смещении. Чтобы умиловить своего господина, он принес с собой блюдо, торопливо наполненное золотыми монетами. «Что это значит, учитель?» — спросил его султан. Халиль в ответ пролепетал, что по обычаю везиры, которых султан неожиданно призывает к себе, должны принести с собой подарки. Мехмед резко отбросил блюдо. Он не нуждается в таких подношениях. «Есть только одна

вещь, которую я хочу, — воскликнул он. — Дайте мне Константинополь!» И объявил, что принял наконец решение. В самое ближайшее время он двинется на город. Подавленный и растерянный, Халиль обещал ему полную поддержку^[132].

Через несколько дней, в конце января, султан собрал всех своих везиров и произнес длинную речь, в которой напомнил им о заслугах предков. Но Турецкая империя, заявил он, никогда не будет в безопасности до тех пор, пока Константинополь не перейдет в руки турок. Византийцы, может быть, действительно слабы; тем не менее хорошо известно, как умело они плетут интриги с врагами турок; к тому же, будучи слабыми, они могут отдать город в руки союзников, которые будут отнюдь не столь слабы. Константинополь не так уж неприступен. Прежние осады не удавались из-за внешних причин. Теперь настал подходящий момент. Город раздирают религиозные распри. Итальянцы ненадежны как союзники, и многие из них готовы на предательство^[133]. Кроме того, турки наконец добились господствующего положения на море. Что же касается его самого, то если ему не удастся править империей, владеющей Константинополем, он скорее предпочтет не править вообще.

Присутствующие были поражены. Даже те члены правительства, которые не одобряли намерений султана, не осмелились высказать свои опасения. Везиры единодушно поддержали его решение и проголосовали за войну^[134].

Как только вопрос о войне был решен, султан приказал командующему войсками европейских провинций Дайи Караджа-бею снарядить армию и атаковать византийские города на фракийском побережье. Города на Черном море — Месемврия, Анхиалос и Визос — сдались немедленно и, таким образом, избежали разграбления. Однако некоторые города на побережье Мраморного моря, такие, как Селимврия и Перинфос, попробовали защищаться. Они были взяты штурмом и опустошены, а их укрепления снесены^[135]. На Пелопоннесе еще с октября предыдущего года Турахан-бей и его сыновья стояли со своими войсками на Коринфском перешейке, готовые к набегам в глубь полуострова, с целью отвлечь силы братьев императора, не дав им, таким образом, прийти к нему на помощь^[136].

В своей речи перед везирами султан подчеркнул, что теперь ему принадлежит господствующее положение на море. Предыдущие попытки овладеть Константинополем предпринимались только с суши. Византийцы всегда имели возможность получать подкрепления и припасы морским

путем; кроме того, до недавнего времени турки были вынуждены нанимать христианские суда для перевозки своих войск между Европой и Азией. Мехмед решил раз и навсегда покончить с этим. В течение марта 1453 г. в Галлиполи стали стягиваться все виды имевшихся у турок судов. Здесь были и старые корабли, многие из которых отремонтировали и заново просмолили, но гораздо больше было новых, срочно построенных в течение последних нескольких месяцев на верфях различных городов побережья Эгейского моря.

Среди них имелись триремы, на которых в противоположность древним триремам все гребцы сидели на одном уровне. В каждом ряду, расположенном под небольшим углом к борту, помещались три гребца, державшие по веслу, при этом все весла были закреплены на одной общей уключине. Эти низко сидящие в воде суда имели по две мачты, на которых при попутном ветре поднимались паруса. Были также биремы — корабли несколько меньших размеров и с одной мачтой; гребцы на них сидели по двое на весло у каждого борта. Кроме того, имелись *фусты* — лодки удлиненной формы, легче и быстрее, чем биремы, на них гребцы сидели по одному в носовой части судна и по двое в кормовой. Были еще галеры — слово, часто употреблявшееся для обозначения вообще любого большого корабля, будь то трирема, или бирема, или даже просто парусник без гребцов, но которое как технический термин обозначало вытянутое судно с высокими бортами и с одним рядом длинных весел. Имелись также *парандарии* — тяжелые баржи с парусом, используемые как транспортные средства^[137].

Относительно размеров флотилии султана существует несколько версий. Цифры, называемые византийскими историками, сильно преувеличены. По свидетельству итальянских моряков, находившихся в то время в Константинополе, в ней, по всей видимости, насчитывалось 6 трирем, 10 бирем, около 15 гребных галер, примерно 75 фуст и 20 парандарий, а также множество шлюпок и парусных лодок, используемых преимущественно как средства связи. Во главе этого флота был поставлен правитель Галлиполи Сулейман Балтоглу, болгарин по рождению, перешедший на сторону турок. Гребцами и матросами были большей частью пленные, осужденные преступники и невольники, но имелось и множество добровольцев, привлеченных высокой платой. Султан лично проявлял интерес к назначению флотских командиров, придавая флоту даже большее значение в предстоящей кампании, чем армии^[138].

В конце марта султанская армада прошла через Дарданеллы в

Мраморное море, вызвав ужас христиан — как греков, так и итальянцев. Только теперь они осознали всю силу султана на море^[139].

В то время как турецкий флот курсировал по Мраморному морю, во Фракии формировалась сухопутная армия. Султан сам следил за ее снаряжением, так же как и флота. В течение истекшей зимы оружейники во всех концах его владений трудились не покладая рук над изготовлением щитов, шлемов, лат, метательных копий, сабель и стрел, инженеры работали над созданием камнеметных и стенобитных орудий. Мобилизация была проведена хотя и быстро, но тщательно. Войска формировались во всех провинциях; в армию были призваны все солдаты, считавшиеся в запасе и работавшие на своих полученных за службу наделах. Создавались полки из ополчения. На местах были оставлены только гарнизоны для охраны границ и поддержания порядка в провинциях, а также войско под командованием Турахана в Греции. Была собрана армия ужасающих размеров. Греки утверждали, что в султанском лагере насчитывалось от 300 тыс. до 400 тыс. солдат, и даже более трезвые венецианцы говорили примерно о 150 тыс. По всей вероятности, если судить по турецким источникам, регулярная армия султана насчитывала около 80 тыс., не считая ополчения, башибузуков, которых, по-видимому, было около 20 тыс., и нескольких тысяч солдат войск тыла. Отборными частями армии были янычарские полки. После реорганизации, проведенной около двадцати лет назад султаном Мурадом II, их насчитывалось 12 тыс. В войске янычар служило небольшое количество технических специалистов и чиновников, а также султанских псарей и сокольничих, которых Мехмед сам включил в их ряды. Янычарское войско к тому времени состояло исключительно из христиан, которых с раннего детства приучили быть примерными мусульманами, считать полк своей единственной семьей, а султана — командиром и отцом. Лишь немногие из янычар могли сохранить воспоминания о своих родных и при случае сделать что-либо для них; однако все они были фанатически преданы исламу и чрезвычайно высоко дисциплинированы. В прошлом янычары не очень симпатизировали Мехмеду, но войну против неверных они с воодушевлением приветствовали^[140].

Турецкая армия, сама по себе имевшая весьма внушительный вид, вызывала еще больший страх новейшей боевой техникой, которой она была оснащена. Решимость Мехмеда начать штурм Константинополя весной 1453 г. была в значительной степени связана с недавними успехами его мастеров пушечного литья. Пушка была известна Западной Европе уже

более ста лет, с тех пор, как немецкий монах Шварц изобрел огнестрельное оружие. Важность использования пушек во время осады была очень быстро оценена; однако опыт немцев во время осады Чивидале в Северной Италии в 1321 г. и англичан, осаждавших в 1347 г. Кале, был не особенно успешным: пушки оказались недостаточно мощными, чтобы причинить вред толстым каменным стенам. В течение следующих ста лет новый вид оружия применялся главным образом для того, чтобы рассеять неприятельское войско в поле или для разрушения сравнительно слабых укреплений. В 1377 г. венецианцы попытались использовать пушки во время военных действий на море против генуэзцев^[141]. Но суда того времени не могли выдержать тяжелого веса орудий, а ядра, которыми тогда стреляли с кораблей, весьма редко были достаточно крупными, чтобы потопить вражеское судно, хотя и могли причинить ему серьезные разрушения. Султан Мехмед, которому интерес к наукам привил его придворный врач, итальянский еврей Джакопо из Гаеты, прекрасно понимал, как важно иметь артиллерию. Еще в самом начале царствования он приказал своим литейщикам попробовать отлить пушку калибром покрупнее^[142].

Летом 1452 г. в Константинополе появился венгерский инженер по имени Урбан, предложивший императору свои услуги в качестве оружейного мастера. Константин, однако, не мог заплатить тех денег, на которые венгр рассчитывал; кроме того, у него не было необходимого для такой работы сырья. Тогда Урбан отправился из Константинополя к султану, который немедленно принял его и подробно расспросил. Когда венгр заявил, что может сделать пушку, способную разрушить стены самого Вавилона, султан предложил ему жалованье, вчетверо превышающее то, на которое тот рассчитывал, и снабдил всем необходимым для начала работы.

За три месяца Урбан отлил громадную пушку, которую султан водрузил на стены крепости Румелихисар. Именно эта пушка потопила венецианский корабль, попытавшийся прорвать блокаду. Затем Мехмед приказал ему сделать пушку, вдвое превышающую размеры первой. Ее отливали в Адрианополе, где она и была закончена в январе. Длина ствола этой пушки равнялась, по оценке, 40 пядям, т.е. 26 футам и 8 дюймам^[143]. Толщина стенок ее бронзового ствола составляла 1 пядь, или 8 дюймов, а окружность его — 4 пяди у основания, где засыпали порох, и 11 — у жерла, куда вставлялись ядра^[144], которые, по сведениям, весили 1200 фунтов^[145].

Как только пушка была готова, приставленная к ней команда из 700

человек водрузила ее на повозку, в которую были впряжены 15 пар быков. С трудом пушку доставили в окрестности султанского дворца, где ее должны были испытать. Жителей Адрианополя специально предупредили, чтобы они не пугались, если услышат страшный грохот. И действительно, когда фитиль загорелся и раздался первый выстрел, гром его разнесся на сотню стадий вокруг. Ядро пролетело около мили и вошло в землю на глубину около 6 футов. Мехмед был в восторге; он тут же отправил 200 человек выравнивать ведущую к Константинополю дорогу и укреплять на ней мосты. В марте пушка отправилась в путь; ее тащили 60 быков, а 200 человек шли рядом, чтобы поддерживать повозку с орудием в равновесии. Тем временем под руководством Урбана продолжали отливать новые орудия, однако ни одно из них не было таким гигантским и знаменитым, как это чудовище^[146].

В течение марта громадная армия султана отдельными соединениями начала двигаться через Фракию к Босфору. Обеспечить такое воинство всем необходимым было не так-то просто, но все было тщательно запланировано. В армии царили отличная дисциплина и весьма высокий моральный дух. Каждый мусульманский воин свято верил, что сам пророк отвел специальное место в раю для первого, кто ворвется в древнюю христианскую столицу. В одном старом предании говорилось: «Они завоюют Константинию. Слава ожидает того предводителя и его воинов, которые этого достигнут». По другому преданию, специально приспособленному духовенством к данному случаю, пророк спросил своих учеников: «Слышали ли вы о городе, одна сторона которого суша, а две другие—море? Судный час не пробьет, пока семьдесят тысяч сынов Исаака не завладеют им». В энтузиазме самого султана сомневаться не приходилось. Он неоднократно повторял о своей непреклонной решимости быть тем предводителем, который добьется высшего торжества ислама^[147]. Сам он покинул Адрианополь 23 марта и 5 апреля вместе с последними частями своей армии прибыл под стены Константинополя^[148].

Атмосфера в осажденном городе была совершенно иной. Громадный турецкий флот, курсирующий по Мраморному морю, грозные пушки, и среди них построенный Урбаном монстр, направленные на сухопутные стены города, не оставляли для жителей сомнений в том, что их ожидает. Как раз в это время отмечались одно или два небольших землетрясения и прошли проливные дожди — и все это было воспринято как дурной знак; люди вспоминали предсказания о конце империи и пришествии антихриста^[149]. Однако, несмотря на эти мрачные предчувствия, у жителей

Константинополя не было недостатка в мужестве. Даже те, кто рассуждал о том, не будет ли для греков меньшим злом оказаться в конце концов в составе Турецкой империи, нежели пребывать в нынешнем состоянии разобщенности, нищеты и бессилия, со всей душой приняли участие в приготовлениях к обороне. В течение всей предшествовавшей осаде зимы можно было видеть, как мужчины и женщины, поощряемые императором, трудились над починкой стен и расчисткой рвов. Все имевшееся в городе оружие было собрано в одном месте, чтобы в решающий момент его можно было распределить по наиболее опасным участкам. Был учрежден специальный фонд для непредвиденных расходов, в который вложили средства не только государство, но также церкви, монастыри и частные граждане.

В городе все еще имелись значительные богатства, и, по мнению некоторых итальянцев, кое-кто из греков мог бы пожертвовать в этот фонд и больше. На самом же деле не хватало не столько денег, сколько людей, вооружения и продовольствия. А за деньги приобрести все это было уже невозможно^[150].

Император сделал все, что было в его силах. Осенью 1452 г. в Италию были отправлены послы с просьбой о немедленной помощи. Осенью отклик на это был прохладным^[151]. Тогда было послано новое посольство, на этот раз в Венецию. Но в ответе венецианского сената от 16 ноября говорилось лишь, что сенат глубоко опечален полученными с Востока известиями и что если папа и другие государства будут что-то предпринимать, то Венеция охотно присоединится к ним. В тот момент венецианцы еще не знали о судьбе галеры капитана Риццо, постигшей ее неделей раньше. Но даже это известие, а также тревожные сообщения от венецианской колонии в Константинополе, не смогли побудить их предпринять конкретные действия^[152]. Посланец, направленный в это же время в Геную, получил обещание прислать один корабль; кроме того, генуэзское правительство предложило обратиться за более существенной помощью к королю Франции и Флорентийской республике. Обещания короля Альфонса Арагонского были еще более туманны; однако он дал византийским послам разрешение на закупку в Сицилии пшеницы и других продовольственных товаров для отправки в Константинополь. Послы к Альфонсу еще были заняты своей задачей, когда началась осада, и они так и не увидели больше своей родины. Папа Николай V хотел бы помочь, однако он не был склонен связывать себя слишком большими обязательствами до тех пор, пока не станет очевидно, что уния церквей

действительно осуществлена; кроме того, без содействия венецианцев его возможности были весьма ограничены. Его внимание в гораздо большей степени занимали беспорядки, вспыхнувшие в Риме в январе 1453 г., и, пока порядок в городе не был восстановлен, он и думать не мог о каких-либо внешних акциях^[153].

Письма, которыми обменивались Рим и Венеция, нельзя читать без чувства горечи. Венецианцы не могли забыть, что папа все еще не вернул им деньги за галеры, нанятые в 1444 г.; папа же, в свою очередь, вообще не был уверен в доброй воле венецианцев. Только 19 февраля 1453 г. венецианский сенат, получив новые тревожные известия с Востока, вынес решение немедленно послать в Константинополь два транспортных корабля с 400 солдатами на борту каждого и переоснастить 15 галер для последующей отправки вслед за кораблями. Пятью днями позже сенат принял также декрет о специальных налогах на купцов, связанных с левантской торговлей, для того чтобы покрыть расходы на отправляемую флотилию.

В тот же день папе, императору Западной Римской империи и королям Венгрии и Арагона были направлены письма о том, что, если немедленно не будет послана помощь, Константинополь обречен на гибель. Тем не менее 2 марта сенат все еще был занят обсуждением вопроса о снаряжении флотилии. Во главе ее было решено поставить Альвизо Лонго, с тем, однако, чтобы верховное командование осуществлял адмирал Джакомо Лоредано. Через неделю сенат принял еще одну резолюцию об особой срочности всего мероприятия. Но проходили дни за днями, а ничего практически не делалось. В начале апреля из Рима пришло наконец сообщение о том, что папа намерен послать на Восток пять галер. В ответном послании 10 апреля Венеция поздравляла кардиналов с принятием этого решения, а также напоминала, что папа до сих пор еще не рассчитался с долгами республике. В нем указывалось также, что, согласно последним сообщениям из Константинополя, продовольствие там в данный момент нужнее, чем люди, и содержалось довольно запоздалое напоминание о том, что корабли должны прибыть в Дарданеллы не позднее 31 марта, поскольку преобладающие там после этого времени северные ветры значительно затруднят прохождение пролива. Выход в море венецианской флотилии был окончательно назначен на 17 апреля, однако и после этого нашлись причины для дальнейших задержек. Когда же наконец корабли покинули Венецию, Константинополь уже в течение двух недель находился в осаде^[154].

Папа Николай V был искренне огорчен и озабочен этими многократными отсрочками. Сам он уже отправил в конце марта в Константинополь на трех генуэзских кораблях закупленное им продовольствие и оружие^[155].

Ни одно другое правительство не обратило на отчаянные призывы византийского императора никакого внимания. Надеясь поощрить генуэзских торговцев снабдить город продовольствием, Константин объявил об отмене всяких пошлин на импорт, но реакции на это не последовало. Генуэзские власти продолжали держаться двусмысленного нейтралитета. Имелась некоторая надежда на то, что великий христианский воин, регент Венгрии Янош Хуньяди, воспользуется тем, что турки оставили почти без войск свою границу на Дунае. Однако силы Венгрии были подорваны поражениями, нанесенными Мурадом в конце его царствования; к тому же сам Хуньяди находился в этот момент в сложном положении: король Владислав V 14 февраля достиг совершеннолетия и тяготился его опекой. Из православных государей также никто не смог прийти на помощь^[156]. Русский великий князь находился слишком далеко и был занят своими собственными проблемами; обращения к нему оставались без ответа^[157]. Кроме того, Россия была глубоко возмущена провозглашенной церковной унией. Молдавские господа Петр III и Александр II постоянно ссорились друг с другом. Валахский господарь Владислав II был вассалом султана и, конечно же, не мог выступить против него без помощи Венгрии^[158]. Сербский деспот Георгий находился в еще большей вассальной зависимости от Мехмеда и даже вынужден был послать в его армию отряд своих солдат, которые храбро сражались на стороне турецкого сюзерена, несмотря на то, что симпатизировали единоверцам в Константинополе^[159]. Скандербег в Албании все еще был бельмом на глазу султана, однако он не ладил с венецианцами, и, кроме того, турки постоянно подстрекали против него других, соперничавших с ним вождей. Что же касается правителей небольших эгейских государств и рыцарей-иоаннитов на Родосе, то все они могли принять участие в защите Константинополя только в составе какой-либо большой коалиции. Деспотов Мореи связывали войска Турахан-бея. Грузинский царь и трапезундский император были едва в состоянии защитить свои собственные границы. Анатолийские эмиры, как враждебно они ни были настроены к султану, слишком еще недавно почувствовали на себе его силу, чтобы выступить теперь против него снова^[160].

Однако, хотя правительства и уклонились от прямого участия,

нашлись все же люди, готовые сражаться за христианство и Константинополь. Венецианская колония в Константинополе предложила императору свою полную поддержку. На собрании венецианцев, на котором присутствовали Константин и его совет, а также кардинал Исидор, венецианский балли Джироламо Минотто принял обязательство в полной мере участвовать в обороне города и проследить, чтобы ни один венецианский корабль не покинул гавань самовольно. Он также дал заверения в том, что Венеция пришлет флотилию судов, и направил туда специальное послание с настоятельным требованием оказать немедленную помощь. Два капитана венецианских торговых судов — Габриэле Тревизано и Альвизо Диедо, чьи корабли, возвращаясь из плавания по Черному морю, стояли на якоре в заливе Золотой Рог, дали обещание остаться, чтобы участвовать в борьбе. В общей сложности шесть кораблей из Венеции и три с Крита, бывшего тогда венецианской колонией, с согласия их капитанов были задержаны в гавани и превращены в боевые суда «во Имя Бога и чести всего христианства», как гордо заявил императору Тревизано. Среди венецианцев, добровольно решивших защищать великий город, два с половиной века назад разграбленный их предками, многие принадлежали к самым знаменитым в республике фамилиям — Корнаро, Мочениго, Контарини и Вениеро. Все они впоследствии будут занесены в почетный список, составленный их соотечественником, корабельным врачом Николо Барбаро, чей бесхитростный дневник содержит, пожалуй, наиболее добросовестное описание осады Константинополя^[161].

Эти венецианцы предложили свои услуги, поскольку оказались в Константинополе, когда уже началась война, и были слишком честны и горды, чтобы спастись бегством. Однако и среди генуэзцев нашлись такие, кто устыдился трусливой политики их правительства и по доброй воле прибыл из Италии сражаться за христианство. Среди них были Маурицио Катанео, братья Джеронимо и Леонардо ди Лангаско, три брата Боккиарди — Паоло, Антонио и Троило, прибывшие во главе небольшого отряда солдат, снаряженного ими на собственные средства. 29 января 1453 г. город радостно приветствовал прибытие знаменитого кондотьера Джованни Джустиниани Лонго, еще довольно молодого человека, принадлежавшего к одной из наиболее выдающихся семей Генуи, родственника могущественного дома Дория. Он привез с собой 700 хорошо вооруженных солдат, 400 из которых были завербованы им в Генуе, а 300 — на островах Хиос и Родос. Император встретил Джустиниани с большой радостью и пообещал в случае победы над турками отдать ему во

владение остров Лемнос. Джустиниани, известный как особенно искусный защитник укрепленных городов, был немедленно назначен командующим обороной сухопутных стен. Не теряя времени на то, чтобы освоиться с назначением, он внимательно осмотрел все стены и наметил места, где их необходимо было укрепить. Благодаря своим выдающимся способностям Джустиниани удалось даже заставить венецианцев и генуэзцев сотрудничать друг с другом. По его просьбе Тревизано восстановил и вычистил наполненный водой ров, проходивший от Золотого Рога вдоль влахернских стен до их подъема в гору. К защитникам присоединились также многие генуэзцы из Перы, убежденные в том, как впоследствии писал их подеста, что падение Константинополя будет означать конец и для их колонии^[162].

Небольшое число солдат прибыло и из более отдаленных стран. Имевшаяся в городе колония каталонцев выставила отряд во главе с консулом Пере Хулиа; к нему присоединилось также некоторое количество каталонских моряков^[163]. Из Кастилии прибыл храбрый дворянин дон Франсиско из Толедо, который претендовал на то, что происходит от императорского дома Комнинов, и потому звал императора своим кузеном^[164]. В отряде Джустиниани был инженер по имени Иоганнес Грант, о котором обычно пишут как о немце, но который, похоже, был шотландским искателем приключений, попавшим в Левант через Германию^[165]. Претендент на оттоманский престол Орхан, с детства живший в Константинополе, предложил императору услуги — свои и своих приближенных^[166].

Однако не все находившиеся в городе итальянцы проявили мужество Минотто и Джустиниани. В ночь на 26 февраля семь кораблей под командованием Пьетро Даванцо — шесть с Крита и один из Венеции — выскользнули из Золотого Рога, имея на борту 700 итальянцев. Их бегство серьезно ослабило оборону. Но более уже ни один человек — ни грек, ни итальянец — не последовал их примеру^[167].

К началу осады в Золотом Роге оставалось 26 кораблей, приспособленных к боевым действиям (не считая небольших судов и торговых кораблей, принадлежавших генуэзцам из Перы и стоявших на якоре у своего берега); в их число входили 5 кораблей из Венеции, 5 — из Генуи, 3 — с Крита, 1 — из Анконы, 1 — из Каталонии и 1 — из Прованса, остальные 10 принадлежали императору. Почти все они были безвесельными, высокобортными парусниками, зависящими от ветра. По сравнению с турецкой армадой это был небольшой флот^[168].

Разница же в численности сухопутных войск была еще большей. В конце марта, когда турецкая армия продвигалась по Фракии, Константин вызвал своего секретаря Франдзиса и приказал ему переписать всех мужчин в городе, включая монахов, способных держать оружие. Когда Франдзис исполнил это поручение, выяснилось, что в его списках значатся всего 4983 грека и несколько менее 2 тыс. иностранцев^[169]. Константин, подавленный такими числами, приказал Франдзису держать их в тайне. Однако и итальянские свидетели самостоятельно пришли примерно к такому же заключению^[170]. Против султанской армии примерно в 80 тыс. солдат, не считая орд ополченцев, великий город, окруженный стенами протяженностью 14 миль, должны были защищать менее 7 тыс. человек.

Глава VI.

Осада началась

Православная церковь считает Пасху самым большим праздником, когда каждый христианин радуется воскресению Спасителя. Но в светлое воскресенье 1453 г. в сердцах жителей Константинополя было мало радости. Этот день пришелся на 1 апреля. После зимних штормов на Босфор вернулась весна. В садах, разбросанных по городу, зацвели фруктовые деревья. Прилетевшие соловьи запели в зеленых зарослях, и аисты вили на верхушках крыш свои гнезда. В небе тянулись караваны перелетных птиц, направлявшихся на свои летние гнездовья на далеком севере. Однако в это же самое время Фракия содрогалась от грохота двигавшейся по ней громадной армии — людей, лошадей, быков, тащивших скрипучие повозки.

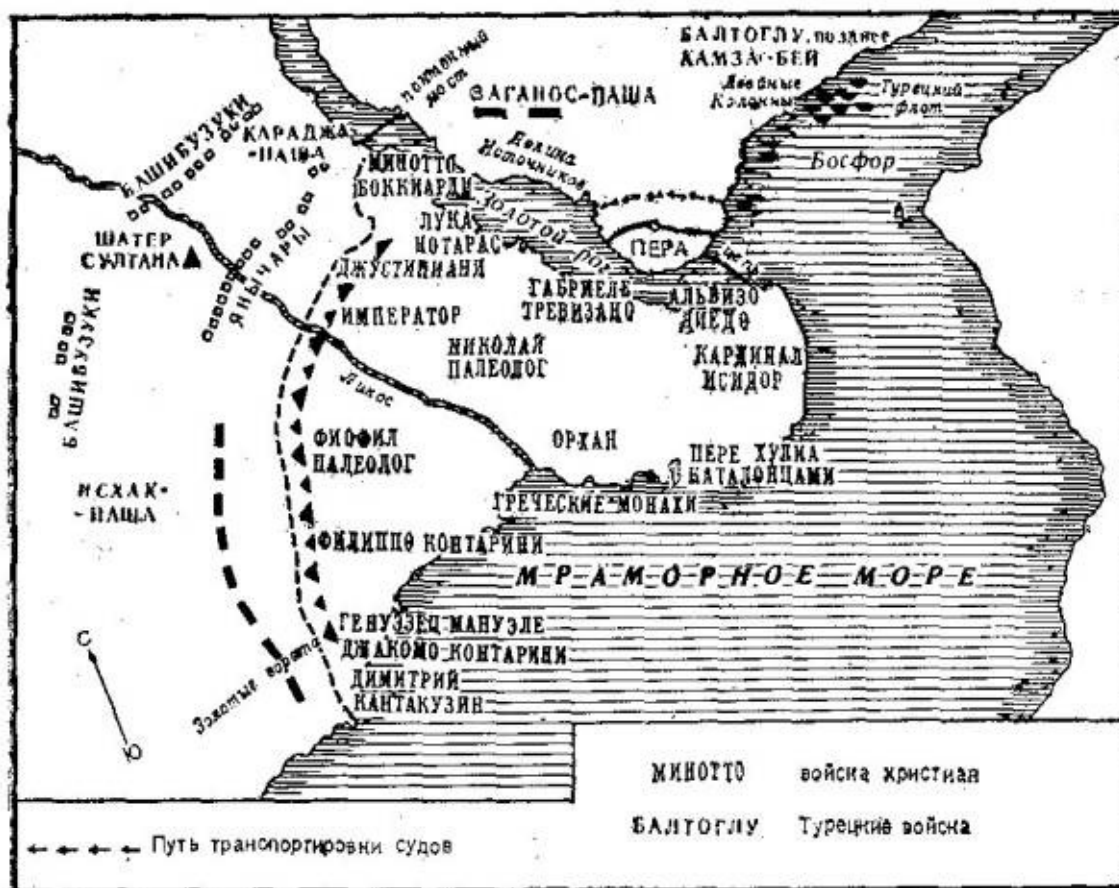
В течение многих дней жители города молились о том, чтобы они могли исполнить все обряды Страстной недели в мире. По крайней мере это их желание осуществилось: первые вражеские солдаты показались под стенами города только в понедельник 2 апреля. Небольшой отряд защитников предпринял против них вылазку, убив несколько человек и многих ранив. Однако при приближении все новых и новых турецких войск смельчаки поспешно вернулись в город, а император приказал разрушить мосты через рвы и закрыть городские ворота^[171]. В тот же день он также распорядился протянуть через вход в Золотой Рог заградительную цепь. Один конец громадной цепи был прикреплен к башне Евгения под Акрополем, другой — к одной из башен морских стен Перы; на воде цепь поддерживали деревянные плоты. Установка заграждения была поручена генуэзскому инженеру Бартоломео Солиго^[172].

В четверг 5 апреля под стенами Константинополя собралась вся турецкая армия под командованием самого султана, который временно расположился на расстоянии полутора миль от города. На следующий день он продвинул свои войска на их основные позиции, поближе к стенам. Осажденные, в свою очередь, также заняли отведенные для каждого позиции^[173].

Карта «Расположение войск».

Расположение войск

Константинополь расположен на полуострове почти треугольной формы со слегка изогнутыми боковыми сторонами. Сухопутные стены простирались от квартала Влахерны на берегу Золотого Рога до района Студион на Мраморном море в виде немного выгнутой линии; длина их составляла около четырех миль. Длина стен по берегу Золотого Рога была примерно три с половиной мили; вогнутой, извилистой линией они тянулись от Влахернов до мыса Акрополя, известного сейчас под названием мыс Сералья и вдающегося в Босфор несколько к северу. От мыса Акрополя до Студиона длина стен равнялась примерно пяти с половиной милям; они шли здесь вдоль тупой оконечности полуострова, выходящей на Босфор, а затем слегка вогнутой линией вдоль берега Мраморного моря. Морские стены, прикрывавшие город со стороны Золотого Рога и Мраморного моря, были одинарными. На Мраморном море они почти вплотную подступали к воде и имели 11 ворот, выходящих прямо в море; здесь имелись две небольшие укрепленные гавани для легких судов, которые не могли обогнуть мыс и войти в Золотой Рог из-за часто дующих

северных ветров. По берегу Золотого Рога между стенами и водой с течением веков образовалась береговая полоса, которая была застроена теперь складскими помещениями. На указанном отрезке стен имелось 16 ворот. Перед этими стенами у западного их окончания Иоанн Кантакузин прорыл для защиты уязвимого района Влахерны ров через илистую прибрежную полосу. Стены были в довольно хорошем состоянии, и, кроме того, предполагалось, что они вряд ли могли подвергнуться серьезному нападению. И хотя в 1204 г. франки и венецианцы ворвались в город именно со стороны Золотого Рога, подобная угроза была реальной только тогда, когда залив полностью находился в руках нападающих. Там же, где полуостров округлой дугой вдаётся в море, течение настолько быстрое, что десантные корабли не могли подойти вплотную к основанию стен; помимо этого, дополнительную защиту для стен, тянувшихся вдоль берега Мраморного моря, представляли мели и рифы.

Главный удар скорее всего следовало ожидать со стороны сухопутных стен. На их северной оконечности заметно выступал за общую линию квартал Влахерны. Вначале это был один из пригородов; в VII в. его обнесли одинарной стеной и включили, таким образом, в черту города. В IX и XII столетиях стена обновлялась и была усилена фортификационными сооружениями императорского дворца, который прямо рядом со стеной построил Мануил I.

На южном конце влахернской стены, обращенном к Золотому Рогу, ее усиливал прорытый Иоанном Кантакузином ров, который, по-видимому, огибал угол стены, спускавшейся к самому заливу, и проходил вплоть до подножия крутого холма, на который стена поднималась. Затем стена под прямым углом поворачивала к основной линии городских укреплений. В этой стене имелось двое ворот — Калигарийские и Влахернские, а также небольшая потайная дверца под названием Керкопорта, обычно закрытая, расположенная в том месте, где влахернская стена соединялась под углом со старой стеной Феодосия. Стена Феодосия, сооруженная в правление императора Феодосия II префектом Анфимием, шла от этого места непрерывной линией до берега Мраморного моря. Эта стена была тройной. Снаружи ее был глубокий ров шириной примерно 60 футов, отдельные участки которого при необходимости могли быть наполнены водой. По внутренней стороне этого рва проходил невысокий зубчатый бруствер; между ним и стеной шел проход шириной от 40 до 50 футов. Этот проход, называемый Периволос, тянулся по всей длине стен. Затем возвышалась стена, обычно описываемая как наружная, высотой около 25 футов, с квадратными башнями, расположенными на расстоянии примерно от 50 до

100 ярдов одна от другой. За стеной имелся еще один внутренний проход, называемый Паратихион, шириной от 40 до 60 футов. Далее поднималась внутренняя стена высотой около 40 футов, с башнями квадратной или восьмиугольной формы высотой примерно 60 футов; они были расположены так, чтобы прикрывать промежутки между башнями внешней стены. В стенах Феодосия было несколько ворот, часть которых использовалась населением, другие же предназначались лишь для военных целей. Недалеко от берега Мраморного моря имелась небольшая дверца. Затем, если двигаться на север, шли Золотые ворота, или Первые военные ворота, через которые по традиции торжественно въезжал император по прибытии в город.

Затем шли Вторые военные ворота и за ними Пигийские ворота, называемые сейчас Силиврийскими, предназначенные для невоенных целей. Недалеко от них были расположены Третьи военные ворота. Далее рельеф местности повышался до Регийских ворот и расположенных еще выше Четвертых военных ворот. На самой верхней точке гребня находились ворота св. Романа, называемые сейчас Топкапу. Затем следовал резкий спуск, примерно на 100 футов, к руслу небольшой речки Ликос, которая втекала в город по трубе, проложенной под стенами в 200 ярдах южнее Пярых военных ворот. Эти ворота, расположенные, таким образом, в долине реки, были известны византийцам как ворота Святого Дня Господня (Кириаки), по названию расположенной поблизости церкви; однако в народе их, по-видимому, называли военными воротами св. Романа, и авторы, описывающие осаду, постоянно путают их с гражданскими воротами того же названия. С этого места начинался новый подъем стен на другой гребень, на вершине которого находились Харисийские ворота, называемые теперь Адрианопольскими. Участок стен над рекой Ликос, известный как Месотихион, всегда считался наиболее уязвимым местом городских укреплений. Харисийские ворота иногда называли также Полиандрионом, а отрезок стен, шедший по вершине гребня до Ксилокерконских ворот, расположенных перед самым стыком стен Феодосия с влахернской стеной, известен как Мириандрион^[174].

Когда в 1422 г. султан Мурад напал на город, византийцы сконцентрировали свою оборону на наружной стене, через которую турки так и не смогли пробиться. Джустиниани и император решили, что и на этот раз ввиду немногочисленности находившихся в их распоряжении войск такая тактика будет наилучшей. Расположить достаточно людей также и по внутренней стене оказалось невозможным, но только с ее башен можно было стрелять тяжелыми ядрами и метать камни. Разрушения,

произведенные в наружной стене в 1422 г., были в последующие годы в основном устранены, и Джустиниани позаботился о том, чтобы стены были восстановлены полностью. Архиепископ Леонард, который воображал себя военным специалистом, заявлял впоследствии, что все военные руководители обороны ошибались с самого начала и что защищать нужно было внутренние стены. Однако именно эти стены, добавляет он со своим обычным злорадством по отношению к грекам, были в плохом состоянии, поскольку выделенные на их починку средства расхитили два грека, которых он называет Ягаром и монахом Неофитом. Это была чудовищная клевета. Ягар, которого в действительности звали Мануил Палеолог Иагрос, был родственником императора и уважаемым государственным деятелем; его имя неоднократно упоминается в настенных надписях в тех местах, где стены были тщательно восстановлены. Что же касается известного монаха Неофита, друга императора, то, будучи противником унии, он в то время проводил свои дни в покое и молитве в монастыре харсианитов, не принимая никакого участия в общественной жизни, и с трудом можно себе представить, чтобы он мог заключить контракт на строительные работы. Однако архиепископ Леонард был убежден, что нет такой гнусности, на которую были бы не способны попы-схизматики^[175].

5 апреля защитники города заняли позиции, указанные им императором. Сам он вместе со своими лучшими войсками из греков выбрал себе место в Месотихионе, где стены пересекали реку Ликос. Джустиниани расположился справа и выше от него, в районе Харисийских ворот и Мириандриона. Однако, когда стало ясно, что султан намерен нанести главный удар в районе Месотихиона, Джустиниани со своими генуэзцами присоединился к императору, передав защиту Мириандриона братьям Боккиарди с их отрядом. Часть константинопольских венецианцев во главе со своим бальи Минотто заняла оборону в районе императорского дворца во Влахернах, причем в первую очередь они должны были вычистить и вновь заполнить водой ров перед стенами. Их престарелому соотечественнику Теодоро Каристо был поручен участок стены между Калигарийскими воротами и стенами Феодосия. Братья Лангаско и архиепископ Леонард находились со своими людьми за рвом, спускавшимся к Золотому Рогу. Слева от императора стояли отряды генуэзцев во главе с Каттанео, а далее греки под командованием родственника императора Феофила Палеолога, которому была поручена оборона Пигийских ворот. Венецианец Филиппе Контарини должен был защищать участок стен от Пигийских до Золотых ворот, за оборону которых отвечал генуэзец по имени Мануэле. Участок слева от него до

самого моря занимал отряд Димитрия Кантакузина.

Стены вдоль берега моря охранялись значительно меньшим числом людей. Джакомо Контарини должен был защищать район Студиона. Следующий участок стен, где вряд ли можно было ожидать нападения, охранялся греческими монахами, которые должны были нести сторожевую службу и в случае опасности вызывать помощь из резерва. Рядом с ними, в районе гавани Элевтерия, стоял принц Орхан со своими турками. В восточной части побережья Мраморного моря в районе ипподрома и Старого императорского дворца расположились каталонцы под командованием Пере Хулиа. Кардинал Исидор с двумястами солдат занял позиции у мыса Акрополя. Берег залива Золотой Рог должны были защищать венецианские и генуэзские моряки под командованием Габриэле Тревизано, в то время как его соотечественник Альвизо Диедо был назначен командующим всеми находившимися в заливе судами. В самом городе было оставлено в резерве два отряда: один, под командованием мегадуки Луки Нотараса, имевший на вооружении подвижную артиллерию, занимал район Петры, недалеко от сухопутных стен; другой, во главе с Никифором Палеологом, находился на центральном гребне возле церкви св. Апостолов. Из состава флота было выделено десять кораблей для обороны заградительной цепи; пять из них были генуэзскими, три — критскими, один — анконским и один — греческим. Командование над ними было поручено одному генуэзцу; вполне возможно, что это был установивший заграждение Солиго. Весьма важно было иметь среди экипажа этих судов кого-то, кто был бы в хороших отношениях с жившими в Пере генуэзцами, так как другой конец цепи, перегораживавшей Золотой Рог, был закреплен на их стенах. В целом император, очевидно, старался расположить свои греческие, венецианские и генуэзские войска попеременно, с тем чтобы они чувствовали свою зависимость друг от друга и не затевали распри на национальной почве^[176].

Оборонявшиеся были достаточно хорошо вооружены метательными копьями и стрелами; у них также были пищали и камнеметные орудия. В городе имелось и несколько пушек, но они себя мало оправдали: во-первых, для них недоставало селитры, и, кроме того, оказалось, что, когда они стреляли с внутренних стен и башен (а это было необходимо для того, чтобы ядра долетали до войск противника), отдача их была настолько сильной, что ломала сами укрепления. В то же время оборонявшиеся были, по-видимому, лучше защищены доспехами, чем большинство турецких солдат^[177].

К утру 6 апреля все защитники были на своих местах; со стен они могли наблюдать за тем, как турецкая армия занимает свои позиции. Султан заранее направил значительную часть войск под командованием Заганос-паши на северное побережье Золотого Рога, где они заняли обращенные к Босфору высоты, изолировав, таким образом, Перу и следя за всеми действиями, которые могли бы предпринять генуэзцы. Через заболоченный участок почвы в конце залива была проложена дорога, так что Заганос мог легко взаимодействовать с основными силами. Напротив константинопольских стен от Золотого Рога вверх по гребню до Харисийских ворот стояли регулярные войска из европейской части империи под командованием Караджа-паши, имевшего в своем распоряжении тяжелую артиллерию. Орудия были направлены на одинарную стену Влахернов и особенно на ее наиболее уязвимый участок на стыке со стенами Феодосия. От южного берега Ликоса до Мраморного моря расположились регулярные войска из Анатолии во главе с Исхак-пашой. Султан, очевидно, не очень-то доверял ему и поэтому в помощники Исхаку назначил Махмуд-пашу — полугрека-полуславянина, происходившего из старой императорской фамилии Ангелов, который, перебежав к туркам, стал ближайшим другом и советчиком султана. Сам Мехмед принял на себя командование войсками, расположенными в долине Ликоса, напротив Месотихиона. Он разбил свой красный с золотом шатер в четверти мили от городских стен. Перед ней находились его янычары и другие отборные войска, а также самые мощные орудия, в том числе великий шедевр Урбана. Сразу за главными линиями отдельными группами стояли башибузуки, готовые двинуться в любом требуемом направлении. Перед своими позициями по всей длине стен турки выкопали траншею, над ней соорудили земляной вал с невысоким частоколом, в котором были сделаны на близком расстоянии друг от друга проходы^[178].

Флот под командованием Балтоглу имел приказ блокировать побережье, чтобы город не мог получить какой-либо помощи со стороны моря. Вдоль берега Мраморного моря постоянно патрулировали турецкие корабли, так что ни одно, даже мелкое судно не могло приблизиться к небольшим прибрежным гаваням. Однако главная задача Балтоглу состояла в том, чтобы прорваться через заграждение, препятствующее доступу в Золотой Рог. Сам он расположился на Босфоре недалеко от причала, известного под названием Двойные Колонны, где теперь находится дворец Долмабахче. Там через десять дней после начала осады к нему присоединилось несколько крупных судов с тяжелой артиллерией на борту,

прибывших из портов Северной Анатолии^[179].

Когда император увидел турецкие войска, собравшиеся перед стенами, он предложил Тревизано, чтобы его матросы — почти тысяча человек — прошли, одетые в свою форму, парадным строем по всему периметру стен, чтобы у султана не оставалось сомнений в том, что среди его противников находятся и венецианцы. Те охотно исполнили эту просьбу^[180]. Султан, со своей стороны, в соответствии с законами ислама направил в город парламентаров под белым флагом с последним посланием. В нем говорилось, что согласно закону мусульман султан сохранит жителям города жизнь и имущество, если они сдадутся ему добровольно; в противном случае пощады не будет. Но константинопольцы, которые уже мало верили его обещаниям, не проявили желания предать своего императора^[181].

Как только эта формальность была выполнена и орудия заняли боевые позиции, турки начали жестокую бомбардировку городских стен. Когда стали сгущаться сумерки этого первого дня военных действий — 6 апреля, часть городской стены в районе Харисийских ворот была уже серьезно повреждена. Непрерывный обстрел в течение следующего дня превратил ее в руины; однако, воспользовавшись ночной темнотой, защитники города сумели ее восстановить. Тогда Мехмед решил дождаться момента, когда он сможет сосредоточить против уязвимых участков стены значительно большее количество орудий; пока же солдатам было приказано засыпать большой ров, с тем, чтобы они могли немедленно штурмовать брешь, которую артиллерии удалось пробить в укреплениях. Султан также распорядился рыть подкопы под стены там, где почва окажется для этого подходящей. В то же время Балтоглу было приказано проверить крепость заграждения через залив. По-видимому, уже 9 апреля турецкие корабли повели свою первую атаку в сторону залива. Однако успеха они не имели, и Балтоглу решил подождать подхода черноморской эскадры^[182].

Во время этого вынужденного ожидания султан решил, взяв часть отборных войск и несколько орудий, захватить два небольших форта, расположенные за городскими стенами, гарнизон которых сохранял верность императору. Один из них находился в Ферапии, на холме, возвышающемся над Босфором, другой — в деревне Студиос, вблизи побережья Мраморного моря. Замок Ферапия сопротивлялся два дня, пока его стены не оказались разрушенными в результате бомбардировки, а большая часть гарнизона перебита. Оставшиеся в живых 40 человек сдались на милость победителя, и все были посажены на кол. Меньший по

величине форт в Студиосе разрушили за несколько часов. 36 уцелевших защитников были захвачены на развалинах форта и также посажены на кол. Казни совершались таким образом, чтобы их можно было видеть с городских стен и осажденные поняли бы, какая участь ожидает тех, кто сопротивляется султану. Балтоглу в это время был послан захватить Принцевы острова в Мраморном море. Только самый большой из этих островов — Принкипос — попытался оказать сопротивление. На самой высокой точке острова, рядом с его главным монастырем, находилась мощная башня, построенная монахами для защиты от пиратов, вероятно, в то время, когда территорию империи опустошали отряды Каталонской компании. Немногочисленный гарнизон башни из 30 человек сдаться отказался. Балтоглу захватил с собой несколько пушек, однако их ядра были бессильны повредить толстые каменные стены башни. Тогда турки, собрав большую массу хвороста, подложили его вплотную к башне и, когда подул благоприятный ветер, подожгли, добавив в огонь серы и дегтя. Вскоре пламя охватило башню. Часть защитников погибла внутри нее; те же, кому удалось вырваться из огня, были схвачены и казнены. Затем Балтоглу согнал мирных жителей острова и продал всех в неволю — в наказание за то, что они допустили сопротивление султану на своей земле^[183].

11 апреля султан снова был в своем шатре против стен Константинополя, в месте, где по его повелению уже была сосредоточена вся тяжелая артиллерия. На следующий день началась бомбардировка, которая непрерывно и монотонно продолжалась более шести недель подряд. Пушки были довольно громоздки и их было очень трудно удерживать в нужном положении на платформах из камней, покрытых досками: они постоянно скатывались в грязь, образовавшуюся в результате апрельских дождей. Наиболее тяжелые орудия, в том числе урбановский монстр, требовали столько возни, что из них удавалось выстрелить не более семи раз в день. Зато каждый такой выстрел производил огромные разрушения. Пушечные ядра, вырываясь из жерл в облаках черного дыма, с оглушительным грохотом перелетали через ров, ударялись в стену и разлетались на тысячи осколков, так что каменная кладка не могла против них устоять. Осажденные пытались ослабить удары ядер, вывешивая на стены большие куски кожи и тюки шерсти, однако это не приносило большой пользы. Менее чем за неделю наружная стена над руслом Дикоса была во многих местах полностью разрушена, а ров перед ней почти засыпан, так что восстанавливать ее было делом весьма трудным. Тем не менее Джустиниани со своими людьми сумел соорудить в разрушенных

местах заграждения. Жители города, мужчины и женщины, каждый вечер с наступлением темноты приносили туда доски, бочки и мешки с землей. Заграждения делались главным образом из дерева, а бочки, наполненные землей, клались сверху, образуя амбразуры. Подобные сооружения были шаткими и ненадежными, однако они давали обороняющимся хоть какую-то защиту^[184].

С заградительной цепью на заливе дела у осажденных обстояли лучше. 12 апреля, как только прибыли черноморские подкрепления, Балтоглу направил к цепи свои самые крупные корабли. Когда они приблизились к охранявшим цепь судам, стоявшим на якоре, на тех с турецких кораблей посыпались тучи стрел и пушечные ядра. Подойдя уже совсем вплотную, турецкие моряки стали бросать на корабли христиан пылающие головни, в то время как другие пытались перерезать якорные канаты, а третьи — взять корабли на abordаж с помощью крюков и лестниц. Однако большого успеха они не добились. Ядра их пушек летали недостаточно высоко, чтобы повредить высокие христианские галеры. Мегадука Лука Нотарас был послан со своим резервом на подмогу обороняющимся. Все действия последних были хорошо организованы. Передавая из рук в руки ведра с водой, христианские матросы потушили огонь. Их стрелы и копья, посылаемые с более высоких палуб и мачт, были значительно эффективнее турецких, а метательные снаряды наносили туркам значительный ущерб. Воодушевленный успехом и руководимый более искусными капитанами, чем у турок, христианский флот перешел в контратаку, стремясь окружить подошедшие наиболее близко к цепи корабли противника. Спасая корабли, Балтоглу прекратил атаку и ушел на свою стоянку к Двойным Колоннам^[185].

Это поражение султан воспринял как оскорбление. Со свойственной ему быстротой реакции он сразу осознал, что, до тех пор пока его пушки не смогут стрелять по более высоким целям, от них мало толку в сражениях против высоких кораблей христиан.

Его литейные мастера получили срочный приказ улучшить конструкцию пушек. Несмотря на то, что рассчитать необходимую траекторию полета ядра было делом нелегким, оружейники уже через несколько дней добились улучшений, удовлетворивших султана. Орудие с более высокой траекторией полета было установлено прямо над Галатским мысом и оттуда начало обстрел кораблей, стоявших на якоре вдоль цепи. Первый выстрел оказался неудачным, однако второе ядро попало прямо в середину галеры и потопило ее, причем погибло много матросов. Кораблям

христиан пришлось уйти за цепь внутрь залива, где их могли прикрыть стены Перы.

Мехмед, однако, возлагал свои основные надежды на сухопутную армию; он считал, что разрушения, причиненные сухопутным стенам, дадут ему возможность овладеть городом и без прорыва через цепь. 18 апреля, через два часа после захода солнца, он приказал начать атаку Месотихиона. При свете факелов, под бой барабанов и звон цимбал отряды тяжелых пехотинцев, метателей копий и лучников, а также пеших янычар бросились, издавая воинственные крики, через засыпанный ров к заграждениям. Они несли с собой факелы, чтобы поджечь деревянные доски заграждений, а на концах пик были укреплены крюки для сбрасывания находившихся наверху бочек с землей. Некоторые тащили приставные лестницы к тем участкам стены, которые еще оставались целы. Сражение было беспорядочным. На узком участке, где была предпринята атака, турецкое численное превосходство никак не сказалось, поскольку христианские солдаты имели лучшие, чем у турок, доспехи, и это позволяло им сражаться более решительно. Стоявший во главе обороняющихся Джустиниани блестяще доказал свои способности полководца. И греки и итальянцы были воодушевлены его энергией и храбростью и безоговорочно ему подчинялись. Самого императора при этом сражении не было. Опасаясь, что атака будет предпринята на всем протяжении стен, он срочно отправился объезжать позиции с целью удостовериться, что каждый был в готовности на своем посту.

Бой продолжался четыре часа; затем у турок прозвучал сигнал отбоя, вернувший их на прежние позиции. Венецианец Барбаро, описавший этот бой в своем дневнике, подсчитал, что нападающие потеряли около двухсот человек, христиане же ни одного^[186].

Неудача первого штурма стен, последовавшая сразу же после такой же неудачной атаки на цепь, вселила в осажденных новую уверенность в своих силах. Несмотря на непрерывно продолжавшуюся бомбардировку, они с удвоенным энтузиазмом принялись за восстановление разрушенных стен. Если бы только вовремя подоспела помощь извне, город еще можно было спасти.

Два дня спустя их надеждам был дан новый импульс.

Глава VII.

Потеря Золотого Рога

В первые две недели апреля непрерывно дул сильный северный ветер. Три генуэзские галеры, нанятые папой и наполненные им оружием и припасами, вынуждены были из-за шторма отсиживаться у острова Хиос. Однако 15 апреля ветер неожиданно переменился на южный, и корабли немедленно взяли курс на Дарданеллы. На подходе к проливу к ним присоединилось большое грузовое судно императора с зерном, которое его люди закупили в Сицилии; судном командовал опытный моряк по имени Флатанелас. Дарданеллы никто не охранял, так как весь турецкий флот был в тот момент сосредоточен у Константинополя, и корабли довольно быстро вошли в Мраморное море. В пятницу утром 20 апреля дозорные на обращенных к морю стенах увидели, как те приближаются к городу. Вскоре их заметили и турецкие наблюдатели и поспешили донести об этом султану. Мехмед немедленно вскочил в седло и поскакал кратчайшим путем к Балтоглу с приказом захватить корабли, а если это не удастся, то потопить их, но главное, ни в коем случае не пропустить корабли в город. Если адмирал не сумеет выполнить приказ, то пусть лучше не возвращается живым.

Балтоглу немедленно объявил на своих кораблях боевую тревогу. Он решил на этот раз не полагаться на суда, оснащенные только парусами, так как они не могли двигаться против сильного южного ветра; всем же остальным кораблям было приказано выйти с ним. Султан приказал также посадить на большие транспортные суда часть своих отборных войск. На некоторые из них установили пушки, другие усилили щитами и ставнями. Через два-три часа громадная флотилия под всплеск тысяч весел отошла от берега, чтобы наброситься на свои беззащитные жертвы. Турки, уверенные в победе, плыли под бой барабанов и звуки труб. Все жители Константинополя, не занятые на боевых постах, столпились на склонах Акрополя или на верхнем ярусе громадного полуразрушенного ипподрома. Они с волнением следили не отрывая глаз за приближавшимися христианскими кораблями, в то время как султан и его окружение наблюдали за событиями с берегов Босфора непосредственно за стенами Перы.

Когда вскоре после полудня турки приблизились к христианским

судам, те уже обогнули юго-восточный выступ города. Балтоглу с передовой триремы прокричал им, чтобы они спустили паруса. Однако те продолжали свой путь. Тогда передовые суда турок пошли на сближение. При этом турки оказались в зоне течения Босфора, противоположного направлению ветра, а в таких условиях триремам и биремам было трудно маневрировать. Кроме того, христианские корабли обладали преимуществами в виде более высоких бортов и лучшего вооружения. С палубы, высоко расположенных кормы и носа, а также с ютов на мачтах матросы могли пускать стрелы и копья, кидать камни в турецкие корабли, значительно ниже сидящие в воде; турки же ничего не могли поделать, кроме попыток пойти на абордаж или поджечь корабли противника. Почти целый час христианские корабли плыли, плотно окруженные турецкими судами, успешно отбрасывая их в стороны. Но внезапно, когда они огибали мыс Акрополя, ветер стих, и их паруса бессильно повисли. В этом месте течение Босфора, наталкиваясь на мыс, разветвляется; основная его часть продолжает идти в южном направлении, другая же поворачивает на север, к берегу Перы; сила этого обратного течения бывает особенно ощутима в момент после того, как стихает южный ветер. Христианские корабли попали как раз в это течение.

И после того как они почти достигли городских стен, их начало медленно относить к тому самому месту, откуда султан следил за битвой.

Теперь Балтоглу, казалось, легче мог взять свою добычу. Он уже осознал, что нельзя подходить близко к кораблям христиан, орудийный огонь которых наносит слишком большой урон. Поэтому он приказал своим более крупным судам окружить неприятеля, держась на некотором расстоянии, осыпая его ядрами и копьями с зажженной паклей и стремясь снова приблизиться к нему, когда он ослабеет. Однако усилия его оказались напрасными. Легкие пушки турецких судов не могли стрелять под большим углом^[187], а все пожары на кораблях христиан быстро тушились их хорошо обученными экипажами.

Тогда турецкий адмирал приказал взять корабли на абордаж. Сам он выбрал для себя грузовой корабль — наиболее крупное, но хуже других вооруженное судно. Он ткнулся носом своей триремы в его корму, в то время как другие турецкие суда бросились к византийскому кораблю со всех сторон, пытаясь пришвартоваться к нему с помощью багров или зацепиться металлическими кошками за его якорные цепи. Из генуэзских кораблей один был окружен пятью триремами, другой — тридцатью фустами, третий — четырьмя десятками парандарий, битком набитых солдатами. Со стороны невозможно было понять, что происходит в

начавшейся сумятице. Дисциплина на христианских кораблях была превосходной. Генуэзцы имели отличные доспехи, они запаслись вместительными бочками с водой и легко тушили пожары. У них было также достаточно боевых топоров, которыми они рубили головы и руки тех, кто пытался взобраться на борт. Византийское же грузовое судно, хотя и было менее подготовлено для боевых действий, зато имело бочки с горючей жидкостью, известной под названием «греческий огонь» — оружие, которое спасало Константинополь в многочисленных морских сражениях за последние 800 лет. Его действие было опустошающим. Турки к тому же мешали друг другу своими веслами, поскольку зачастую весла одного корабля цеплялись за весла другого; кроме того, множество весел было повреждено летящими сверху ядрами и камнями. Однако, как только один турецкий корабль выходил из строя, его место тотчас же занимал другой.

Наиболее ожесточенное сражение разыгралось вокруг императорского корабля, который Балтоглу ни в коем случае не хотел упустить. Солдаты волна за волной пытались взобраться на борт судна, но все их атаки были отбиты Флатанеласом и его командой. Однако на корабле уже стали иссякать боеприпасы. Капитаны генуэзских судов, несмотря на собственные трудности, заметили отчаянное положение византийцев. Искусно маневрируя, они сумели подойти к нему вплотную, и вскоре все четыре корабля пришвартовались друг к другу. Для тех, кто стоял на берегу, они казались большой четырехбашенной крепостью, возвышающейся посреди беспорядочно суетившихся турецких судов.

Весь день жители города с возрастающим волнением следили за этой битвой со стен и башен. Султан тоже наблюдал за нею, стоя на берегу, и то подбадривал своих людей, то осыпал их бранью, то отдавал приказанья Балтоглу, который делал вид, что не слышит их, поскольку его властелин хотя и высоко ценил роль флота, но ничего не смыслил в морском деле. Увлечшись, Мехмед направил своего коня прямо в море, пока не замочил одежду, словно сам хотел принять участие в битве.

Приближался вечер, и казалось, что христианские корабли уже долго не продержатся. Хотя они нанесли туркам большой урон, у тех вновь появились свежие суда, готовые к новым атакам. И тут, когда солнце уже начало садиться, с севера вдруг снова подул порывистый ветер. Большие паруса христианских кораблей вновь напряглись, и они, таким образом, смогли пробиться сквозь турецкий флот к спасительной цепи. В сгущающейся тьме Балтоглу уже не мог отличить свои суда от судов противника. И в то время как султан все еще выкрикивал ему команды и

проклятия, он приказал всем отходить на стоянку у Двойных Колонн. Уже когда наступили сумерки, цепь опустили, и три венецианские галеры под командованием Тревизано вышли в море под громкие звуки труб, чтобы турки подумали, что на них собирается напасть весь флот христиан, и сами перешли бы к обороне. Под их эскортом победившие корабли вошли в Золотой Рог, где они были уже в безопасности, и направились к городским причалам.

Это была замечательная, вселявшая надежды победа. Ликующие константинопольцы утверждали, что в сражении погибло десять или двенадцать тысяч турок, а христиане не потеряли ни одного, хотя через несколько дней два или три моряка умерли от ран. По более трезвым оценкам, турецкие потери составили в этот день около ста убитых и более трехсот раненых; у христиан 23 человека было убито и почти половина всех участвовавших в сражении моряков получила ранения. Тем не менее с прибывшими кораблями город получил долгожданное подкрепление, существенное количество боеприпасов^[188] и продовольствия. Их прибытие также показало превосходство христиан в искусстве мореплавания^[189].

Султан был взбешен. Хотя его потери и не были особенно велики, морская неудача нанесла престижу турок серьезный урон. Уже вскоре после сражения султан получил послание одного из высших духовных лиц, находившихся в лагере, шейха Ак Шамсуддина, в котором говорилось, что люди винят султана в неумении принимать верные решения и в недостатке авторитета. Шейх настоятельно советовал наказать виновных во избежание подобных же несчастий и с сухопутными войсками^[190]. На следующий день Мехмед вызвал Балтоглу и, назвав того при всех предателем, трусом и болваном, приказал обезглавить его. Несчастный адмирал, серьезно раненный в глаз камнем, пущенным с одного из его собственных судов, был спасен от смерти только благодаря тому, что его офицеры засвидетельствовали его личную храбрость и стойкость. Он был лишен постов командующего флотом и правителя Галлиполи, которые были переданы одному из приближенных султана, Хамза-бею, а все его имущество роздано янычарам. После этого Балтоглу подвергли палочным ударам и отпустили — доживать остаток дней в нищете и безвестности^[191].

Еще со времени первой неудачной попытки прорваться через цепь Мехмед раздумывал над тем, как овладеть Золотым Рогом. Теперь горечь поражения заставила его приступить к немедленным действиям. Бомбардировка стен, не прекращавшаяся даже в день морского сражения 20 апреля, 21 апреля значительно усилилась. В этот день большая башня в

долине Ликоса, называемая Вактатиниевой, огнем артиллерии была превращена в развалины, а большая часть расположенной перед ней внешней стены совершенно уничтожена. Если бы турки тут же перешли в решительное наступление, остановить их, по мнению защитников, было бы невозможно. Но султана в этот день не было у стен, и приказа атаковать не последовало. С наступлением же темноты брешь была заделана бревнами, камнями и мешками с землей^[192].

Мехмед же провел этот день у Двойных Колонн. Его изобретательный ум нашел наконец решение проблемы, хотя не исключено, что идею транспортировки кораблей по суше ему подсказал какой-нибудь находящийся у него на службе итальянец: незадолго перед этим венецианцы в одну из своих военных кампаний в Ломбардии успешно переправили на поставленных на колеса платформах целую флотилию с реки По в озеро Гарда. Но там дело происходило на равнине. Переброска же судов из Босфора в Золотой Рог через гряду, которая на всем протяжении не опускалась ниже 200 футов над уровнем моря, была задачей потруднее. Зато у султана не имелось недостатка ни в людях, ни в средствах. Еще в самом начале осады его инженеры начали строить дорогу, которая, вероятно, проходила от нынешнего района Топхане круто вверх по долине, ведущей к теперешней площади Таксим, затем поворачивала несколько влево и спускалась недалеко от места, где находится сейчас британское консульство, к низине у самого Золотого Рога, называемой византийцами Долиной Источников, а сейчас известной как район Касым-паша. Если бы моряки на Золотом Роге или жители Перы и заметили сооружение новой дороги, они, несомненно, решили бы, что султану просто понадобилось улучшить доступ к его морской базе у Двойных Колонн. К месту строительства свозили бревна и доски для сооружения специальных повозок, для которых тут же отливали колеса, готовили деревянные полозья наподобие трамвайных рельсов, и собирали упряжки быков. Одновременно в Долине Источников были установлены пушки.

21 апреля, когда тысячи рабочих и ремесленников срочно заканчивали последние приготовления, султан приказал своей артиллерии, находившейся позади Перы, непрерывно обстреливать заградительную цепь, чтобы отвлечь стоявшие возле нее корабли и клубами порохового дыма закрыть вид на Босфор, не дав тем самым возможности заметить, чем занимались турки. Якобы по ошибке, а на самом деле преднамеренно некоторые ядра падали на стены самой Перы, для того, чтобы ее жители держались подальше от них и не проявляли излишнего любопытства.

В воскресенье 22 апреля, с первыми лучами солнца, необычная

процессия кораблей тронулась в путь. Перед этим повозки спустили в воду, подвели под суда, которые и закрепили на них; затем на блоках вытащили повозки на сушу и в каждую впрягли упряжку быков; кроме того, при каждой повозке находилась специальная команда для помощи на подъемах и в наиболее трудных участках пути. Гребцы кораблей сидели на своих местах, работая веслами в воздухе, а офицеры ходили по палубе взад и вперед, отдавая команды. Паруса были подняты, как если бы суда находились в море. Будто в каком-то фантастическом празднестве реяли флаги, били барабаны, звучали флейты и трубы, когда корабли один за другим ползли в гору. Впереди двигалась маленькая фуста. Как только она благополучно прошла первый крутой склон, за ней тотчас же одна за другой двинулось около 70 трирем, бирем, фуст и парандарий^[193].

Еще задолго до полудня моряки христианских кораблей в Золотом Роге и дозорные на стенах, выходящих к заливу, увидели, к своему ужасу, эту невероятную процессию кораблей, спускавшихся по склону холма к заливу напротив них, у Долины Источников. Город буквально оцепенел; но, уже прежде чем последний турецкий корабль скользнул в воды залива, балы венецианцев, посоветовавшись с императором и Джустиниани, созвал капитанов венецианских судов на тайное совещание, единственным посторонним на котором был Джустиниани. Мнения собравшихся были различны. Одно из предложений состояло в том, чтобы решительно атаковать турецкие суда, появившиеся в заливе, уговорив участвовать в атаке генуэзцев из Перы, до сих пор не принимавших никакого участия в войне; с помощью их кораблей разбить турок в открытом бою было бы нетрудно. Однако было непохоже, чтобы Пера согласилась отказаться от своего нейтралитета; в любом случае переговоры с нею потребовали бы слишком много драгоценного времени. Другие предлагали сперва высадить на противоположный берег войска, уничтожить турецкие пушки в Долине Источников и затем попытаться поджечь их корабли. Но в городе было слишком мало бойцов, чтобы пойти на такую рискованную операцию.

В конце концов Джакомо Коко, капитан пришедшей из Трапезунда галеры, предложил, не теряя времени, этой же ночью попытаться поджечь корабли и высказал готовность лично возглавить экспедицию. Его предложение было принято, причем совет решил, что необходимо действовать втайне от находившихся в городе генуэзцев, и венецианцы согласились приготовить необходимые для операции корабли.

План Коко заключался в том, чтобы выслать вперед два крупных грузовых судна, борта которых были бы защищены от пушечных ядер тюками хлопка и шерсти, в сопровождении двух больших галер в качестве

прикрытия. Затем две небольшие фусты, скрытые между крупными судами, должны были на веслах незаметно прокрасться в середину между турецкими кораблями, перерезать их якорные канаты и облить горючей жидкостью. К разочарованию Коко, эту операцию решено было отложить до ночи 24 апреля, с тем чтобы венецианцы успели подготовить суда. К сожалению, сохранить намеченную операцию в тайне так и не удалось, некоторые из генуэзцев, узнав о ней, были взбешены тем, что их отстранили от участия, и считали, что венецианцы хотят присвоить себе всю славу. Чтобы их успокоить, было решено подключить к операции один генуэзский корабль. Однако ни одно из судов генуэзцев не было подготовлено для подобной экспедиции, и по их настоянию была принята еще одна отсрочка — до 28 апреля. Такое решение оказалось роковым. Турки за это время увеличили число пушек в Долине Источников; кроме того, затянувшиеся приготовления было уже невозможно скрыть. Весть о них дошла до Перы, где среди генуэзцев у султана имелись платные агенты.

В субботу 28 апреля, за два часа до рассвета, два больших грузовых корабля, венецианский и генуэзский, защищенные тюками, в сопровождении двух венецианских галер с 40 гребцами на борту каждой, осторожно вышли из-под прикрытия крепостных стен Перы. Командовали ими сам Тревизано и его помощник Заккария Гриони. За ними следовали три легкие фусты с 72 гребцами на каждой; на первой из них плыл венецианец Коко. Их сопровождало множество мелких судов с горючими материалами. Как только отряд тронулся в путь, моряки вдруг заметили яркий свет, вспыхнувший на одной из башен Перы; они с беспокойством подумали, не сигнал ли это туркам. Но когда суда подплыли ближе к турецкому флоту, все, казалось, было тихо. Грузовые корабли и галеры медленно двигались по гладкой воде, и Коко становился все нетерпеливее, зная, что его фуста в состоянии обогнать другие суда. Одержимый жаждой славы, он вывел ее вперед колонны и направился прямо на турок. В этот момент раздался страшный грохот: это с берега открыла огонь турецкая артиллерия. Турки, конечно же, были предупреждены. Одно из первых ядер попало в судно Коко; несколько минут спустя оно раскололось пополам и затонуло. Некоторым из матросов удалось вплавь добраться до берега, однако большинство, включая и Коко, утонуло.

Остальные фусты вместе с сопровождающими их лодками попытались укрыться под защиту галер. Однако к тому моменту, как они подплыли к ним, турецкие артиллеристы уже вели непрерывный прицельный огонь, ориентируясь по пламени пожаров и вспышкам выстрелов собственных

пушек. Оба шедших впереди грузовых корабля получили несколько попаданий. Тюки спасли их от серьезных повреждений, однако матросы, занятые тушением пожаров, вызванных обстрелом, ничем не могли помочь мелким судам, многие из которых затонули. Главный огонь турки направили на галеру Тревизано. Два ядра, выпущенные из орудий со склона холма, причинили ей такие сильные повреждения, что галера стала наполняться водой. Тревизано и его экипаж вынуждены были пересест в лодки и покинуть корабль. После такого успеха турок их корабли, как только забрезжил рассвет, пошли в атаку. Однако христиане сумели выстоять, и после полуторачасового боя противники вернулись на свои стоянки.

Днем 40 христианских моряков, доплывших до турецкого берега, были казнены на виду у осажденных. В отместку 260 пленных, находившихся в городе, вывели на стены и обезглавили на глазах у турок.

Это сражение еще раз показало превосходство христиан над турками в качестве кораблей и искусстве мореплавания. Тем не менее они понесли большие потери. Затонули галера и фуста, погибло около 90 лучших матросов. Турки же потеряли только один корабль. Город охватило глубокое уныние. Стало ясно, что вытеснить турок из Золотого Рога уже не удастся. Правда, они пока что не овладели им полностью: там все еще находился христианский флот. Однако часть города, выходящая на залив, отныне уже не была в безопасности, а тянувшаяся вдоль него стена — свободной от угрозы нападения. Для тех греков, которые помнили, что именно через эти стены в 1204 г. в город ворвались крестоносцы, перспективы казались особенно тревожными. И император и Джустиниани были в отчаянии от того, что и на эти стены придется теперь выделить людей для обороны.

Переправив половину своего флота в Золотой Рог и отразив попытку христиан вытеснить его оттуда, Мехмед одержал крупную победу. Хотя он, очевидно, по-прежнему считал, что городом можно овладеть, лишь пробившись через сухопутные стены, он мог теперь постоянно угрожать и стенам, выходящим в сторону залива, держа одновременно достаточно кораблей с внешней стороны цепи и тем самым блокировав город. Более того, если бы явившийся на помощь христианам флот все-таки прорвал блокаду, он и в заливе был бы под постоянной угрозой турок. Эта новая ситуация давала султану также возможность усилить контроль над Перой. Роль генуэзцев во всей этой истории была постыдной и двусмысленной. Правительство Генуи предоставило местным властям свободу действий, в то же время, по всей вероятности, рекомендуя им придерживаться политики нейтралитета. Официально те так и поступали. Симпатии

большинства жителей колонии принадлежали их единоверцам — христианам по другую сторону залива, а некоторые из них даже присоединились к Джустиниани. Генуэзские купцы из Перы продолжали торговать с Константинополем, посылая туда все, что они могли им выделить. Другие в то же время вели торговлю также и с турками; однако многие из них при этом выполняли роль шпионов, сообщая Джустиниани сведения, собранные ими в турецком лагере. Власти Перы уже и так поставили под угрозу свой нейтралитет, позволив закрепить на своих стенах цепь через залив; и хотя корабли колонии не принимали участия в боевых действиях, моряки из Перы, очевидно, кое-чем помогали судам, стоявшим вдоль заграждения. Однако трудно было ожидать от генуэзца любви к греку и тем более к венецианцу. В то время как немногие отважные воины, такие, как Джустиниани и братья Боккиарди, смогли решительно броситься на борьбу за Константинополь, в самой Пера, где обыкновенные люди не ощущали непосредственной опасности, такой героизм казался некоторым сумасбродством.

В свою очередь, греки и венецианцы ощущали к ним такую же неприязнь. Несмотря на то, что они искренне восхищались Джустиниани, были готовы выполнять его приказания и отдавали должное другим доблестным генуэзцам, сама Пера представлялась им гнездом предателей христианства. Несомненно также, что султан имел там своих шпионов, доказательством чего была история последнего сражения. Кроме того, все в Константинополе считали, что кое-кто в Пера обязательно должен был знать о приготовлениях султана к переброске кораблей по дороге, проходящей в непосредственной близости от стен Перы. И хотя самой операции, безусловно, нельзя было помешать, можно было хотя бы послать предупреждение на другой берег залива. Архиепископ Леонард, будучи сам генуэзцем, писал о поведении своих соотечественников с некоторым смущением^[194].

Однако если христиане в Константинополе были недовольны жителями Перы, то те же чувства испытывал по отношению к ним и султан. Он не был готов к захвату колонии, будучи занят осадой самого Константинополя: для этого потребовалось бы значительно больше людей и осадных машин, чем он в данный момент мог выделить; кроме того, любые его действия, направленные против колонии, могли повлечь за собой появление в Леванте генуэзского флота, и тогда он потерял бы господствующее положение на море. Теперь же, когда турецкие корабли стояли в Золотом Роге, Пера была блокирована. Ее купцы уже не могли свободно переправлять свои товары через залив в Константинополь,

сообщая заодно и свежие сведения о том, что происходит в турецком лагере. Отныне Пера мало чем могла помочь делу христиан, не отказавшись от своего нейтралитета, и султан, очевидно, был рад услышать от своих агентов в колонии о том, что власти Перы не склонны идти на столь большой риск^[195].

Кроме того, султан имел теперь возможность улучшить свои коммуникации с армией Заганоса, стоявшей на холмах позади Перы, и с морским командованием на Босфоре. Единственная существовавшая до этого дорога далеко обходила заболоченный берег в конце Золотого Рога, хотя ее и можно было немного сократить благодаря броду, весьма, впрочем, неудобному. Теперь же под прикрытием его кораблей, проникших в залив, султан смог приступить к постройке моста через Золотой Рог в непосредственной близости от городских стен. Мост был понтонным; его соорудили из сотни винных бочек, крепко связанных попарно так, что между ними создавался достаточно широкий проход. На бочках сделали настил из бревен, покрыв его досками. По этому настилу могли пройти колонны по пять человек в ряд; мост также был способен выдержать и тяжелые повозки. К понтонам крепились плавучие платформы, каждая из которых выдерживала вес пушки. Теперь войска можно было под защитой пушек быстро перебрасывать с берега Перы под стены города, а жерла самих пушек направить в сторону Влахернов под требуемым углом^[196].

Христиане по-прежнему держали бо́льшую часть своих кораблей у цепи, чтобы помешать обеим частям турецкого флота соединиться, а также для того, чтобы встретить суда, которые еще могли бы прийти на помощь. Еще в течение нескольких дней турки не решались на них напасть; однако сам факт их присутствия в заливе неопровержимо свидетельствовал о том, что обороняющиеся потеряли контроль над Золотым Рогом.

Глава VIII.

Надежды исчезают

Султан не воспользовался своей победой для того, чтобы сразу начать штурм города. Пока что он придерживался тактики запугивания и изматывания осажденных. Бомбардировка сухопутных стен не прекращалась ни на минуту. Каждую ночь горожане должны были заделывать, насколько это было возможно, образовавшиеся брешы. Пушки, стоящие теперь на плотках, обстреливали Влахернский квартал. Время от времени турецкие корабли покидали свою стоянку и пересекали Золотой Рог, словно намереваясь атаковать стены, выходящие на залив. Греческие и венецианские корабли должны были постоянно находиться настороже для их перехвата. В течение недели почти не было ни одного непосредственного столкновения и людских потерь.

Однако перед городом возникли новые проблемы: стал ощущаться недостаток продовольствия. Солдаты, которые должны были находиться на своих постах на стенах, постоянно отпрашивались в город, чтобы раздобыть пищу для своих жен и детей. В первых числах мая эта нехватка стала столь ощутимой, что император вновь провел сбор средств среди церквей и частных лиц; с помощью собранных денег он закупил все продовольствие, какое только было можно, и учредил комитет, призванный следить за тем, чтобы оно распределялось поровну. Это дало свои результаты. Хотя рационы и были скудными, каждая семья получала свою долю, и серьезных жалоб больше не поступало. Расположенные в городе сады и огороды в это время года почти еще ничего не приносили, а рыбацкие суда не могли безопасно выходить на лов не только в море, но и в Золотой Рог. поголовье скота, овец и свиней, которое в черте города никогда не было многочисленным, сейчас быстро уменьшалось, так же как и запасы зерна. Было ясно, что, если не будет прислано продовольствие, сейчас даже более необходимое, чем солдаты, голод принудит войска и население к капитуляции^[197].

По этому поводу император созвал у себя верхушку венецианской общины и своих сановников и предложил послать в Дарданеллы легкое судно, чтобы выяснить, что с флотом, который, по словам Минотто, должна была выслать Венеция. Еще 26 января Минотто направил в Венецию просьбу об этом, однако до сих пор никакого ответа получено не было. В

Константинополе ничего не было известно о бесконечных проволочках в Венеции, о том, что, хотя письмо Минотто было получено сенатом уже 19 февраля, прошло ровно два месяца, прежде чем этот флот, которым командовал генерал-капитан Лоредано, отправился в путь. Император верил в Лоредано, который, как он слышал, был храбрым военачальником. Однако он не знал об инструкциях, данных 13 апреля адмиралу Альвизо Лонго: как можно быстрее привести свой флот к острову Тенедос, сделав лишь однодневную остановку в Модоне для пополнения запасов. На Тенедосе ему предписывалось оставаться до 20 мая, собирая сведения о составе и передвижениях турецкого флота. К этому времени к нему и должен присоединиться генерал-капитан со своими галерами и критскими кораблями. Затем уже весь флот направится к Дарданеллам, чтобы прорваться к осажденному городу. Не знали в Константинополе и о том; что Лоредано приказали отплыть из Венеции только 7 мая. Он должен был идти на Корфу, где к нему присоединится галера губернатора, с которой он прибудет в Негропонт (остров Эвбея). Там его будут ждать две критские галеры, и все вместе они направятся на Тенедос. Если Лонго к этому времени уже уйдет в Константинополь, он оставит на Тенедосе один корабль, для того чтобы информировать Лоредано о положении дел и сопровождать флотилию до Проливов. Однако Лоредано должен избегать любых действий, которые могли бы как-то спровоцировать турок, до тех пор, пока не прибудет в Константинополь, где он переходит в распоряжение императора, — разумеется, подробно поведав ему о тех больших жертвах, которые несет Венеция, идя на оказание помощи. Если к этому времени Константин заключит с турками мир, генерал-капитан должен направиться в Морею и заставить, вплоть до применения силы, деспота Фому вернуть Венеции несколько деревень, которые он незаконно захватил.

8 мая сенат дал Лоредано дополнительные инструкции. Если за время плавания он получит сведения о том, что император еще не заключил мира, ему следует проследить за тем, чтобы Негропонт был должным образом подготовлен на случай обороны. Кроме того, с ним выедет посол Бартоломео Марчелло, который должен отправиться прямо ко двору султана, чтобы заверить его в мирных намерениях республики; миссия же генерал-капитана и его судов состоит лишь в том, чтобы экспортировать возвращающиеся из Леванта венецианские торговые корабли и охранять законные интересы Венеции. Султана следует побудить заключить с императором мир, а императора — принять любые разумные условия. Однако, если Мехмед намерен продолжать затеянное дело, посол не должен настаивать и обязан обо всем уведомить сенат.

Инструкции сената были хорошо продуманы и, возможно, не лишены смысла, если бы не фактор времени. К тому же до сих пор никто в Венеции не представлял себе ни степени твердости характера султана, ни превосходства вооружения его армии. То, что над Константинополем нависла угроза, понимали все, но считалось, что великий город с его мощными стенами сможет как-нибудь продержаться достаточно долго^[198].

Папа, хотя и был обеспокоен, проявлял еще бóльшую медлительность. Лишь 5 июля, т.е. через неделю после того, как все было кончено, его представитель в Венеции, архиепископ Рагузский, попросил сенат одолжить папе пять галер, которые его святейшество намерен был послать на помощь осажденному городу. Папа был готов заплатить за это 14 тыс. дукатов — сумму, в которую включалось и четырехмесячное жалованье экипажам этих судов. Архиепископу сказали, что этих денег недостаточно. Он вернулся в Рим с требованием венецианцев заплатить и за часть вооружения галер, которые тем временем будут подготовлены к отплытию^[199].

Не зная обо всех этих задержках и твердо надеясь в самом скором времени встретиться со своим флотом, венецианская бригантина из флотилии Золотого Рога с двенадцатью добровольцами на борту, переодетыми в турецкое платье, вечером 3 мая направилась на буксире к цепи. В полночь цепь опустили, и судно вышло в Босфор. Подняв турецкий флаг, никем не задерживаемая бригантина с попутным северным ветром пересекла Мраморное море и вышла в Эгейское^[200].

Между тем в самом городе напряжение осады стало все больше сказываться на нервах его защитников. Неприязнь между венецианцами и генуэзцами в ряде случаев выливалась в открытые ссоры. Венецианцы винили генуэзцев в катастрофе 28 апреля; генуэзцы же возражали, утверждая, что всему виной опрометчивость Коко, и, в свою очередь, обвиняли венецианцев в том, что, как только возникает опасность, они отводят корабли подальше в безопасное место. Венецианцы отвечали, что, наоборот, со многих своих галер они сняли рули и паруса и оставили их на берегу, а вот генуэзцы почему-то так не делают. Генуэзцы на это заявляли, что не намерены ослаблять мощь своих кораблей, тем более что у многих из них в Пере остаются жены и дети, о которых они должны заботиться. Когда затем венецианцы стали укорять генуэзцев за то, что они поддерживают контакты с султанским лагерем, те отвечали, что все переговоры, которые они там вели, проходили с ведома императора, чьи интересы полностью совпадают с их собственными. Эти взаимные

обвинения получили такую широкую огласку, что император в отчаянии позвал лидеров обеих сторон и умолял их воздерживаться от распрей. «Достаточно того, что война у наших дверей! — воскликнул Константин. — Так, ради бога, не начинайте ее между собой». Его слова возымели действие, и внешне сотрудничество было восстановлено, но взаимная неприязнь осталась^[201].

Вполне возможно, что в эти дни император действительно пробовал вступить с султаном в переговоры о мире, и, похоже, генуэзцы из Перы по его поручению зондировали почву на этот счет. Однако требование султана оставалось все тем же: город должен капитулировать безоговорочно, и только в этом случае он лично гарантирует его жителям сохранение жизни и имущества, а император при желании может отправиться в Морею. Эти условия были неприемлемы. Никто в городе, независимо от его политических взглядов, не соглашался на позор капитуляции, не говоря уже о том, что никто всерьез не верил в милосердие султана. Однако некоторые из советников императора считали, что он должен покинуть осажденный город. Вне стен Константинополя у него будет больше возможностей собрать военные силы против турок, нежели внутри их. Его братья и многие сочувствующие на Балканах, не исключая, возможно, и самого славного Скандербега, несомненно, сойдутся под его знамена; кроме того, он сможет побудить и Западную Европу исполнить свой долг.

Однако Константин спокойно, но решительно отказался их слушать. Он опасался, что, если покинет город, среди его защитников начнется разлад; если уж Константинополю суждено погибнуть, то он погибнет вместе с ним^[202]. Генуэзцы Перы имели все основания стремиться к установлению мира. 5 мая турецкие пушки начали через их головы обстрел христианских кораблей, стоявших вдоль цепи. И хотя артиллеристы целились главным образом в венецианцев, крупное ядро весом 200 фунтов угодило в торговый корабль генуэзцев с грузом дорогого шелка и потопило его. Судно принадлежало генуэзскому купцу, живущему в Пере, и стояло на якоре прямо под стенами колонии. Муниципалитет Перы немедленно направил султану жалобу, подчеркнув при этом, как важен для него ее нейтралитет. Приближенные султана обошлись с посланцами генуэзцев не слишком вежливо. Откуда пушкарям знать, заявили они, что этот корабль не имел враждебных намерений, не был «пиратом», пришедшим на помощь их врагам? Тем не менее, если пострадавший сумеет доказать султану свою непричастность, тот, после того как возьмет Константинополь, рассмотрит его дело и полностью возместит потери^[203].

6 мая пушку Урбана, бездействовавшую в первые дни месяца, починили, и бомбардировка сухопутных стен возобновилась с новой силой, в то время как турецкий флот явно готовился к новому сражению. Защитники города имели все основания ожидать на следующий день штурма и постарались к нему подготовиться. Однако, когда 7 мая, через четыре часа после захода солнца, приступ начался, оказалось, что он направлен только на участок стен Месотихиона. Несметное число турок, вооруженных, как и прежде, приставными лестницами и крюками за поясом, устремилось к стенам через засыпанный ров. Ожесточенное сражение продолжалось около трех часов, однако турки так и не смогли прорваться через бреши в стенах и наскоро сколоченные заграждения. Чудеса храбрости рассказывали о греческом солдате по имени Рангавис, который будто бы надвое разрубил личного знаменосца султана Эмир-бея, но сам был вскоре окружен и убит^[204].

Хотя в ту ночь турецкий флот и не произвел нападения, положение в Золотом Роге выглядело столь опасным, что на следующий день венецианцы принялись разгружать свои корабли и все военное снаряжение их переносить в императорский арсенал. 9 мая они решили все корабли, за исключением непосредственно охраняющих цепь, отвести в небольшую гавань Неорион, или Просфорианос, расположенную возле заграждения, с внутренней его стороны, под Акрополем, а экипажи кораблей перебросить на помощь защитникам Влахернского квартала, стена которого была сильно разрушена огнем пушек на плотях. Часть матросов вначале была не согласна с таким решением, и его осуществление затянулось до 13 мая. Главной задачей моряков стала теперь починка стен, защищающих этот квартал^[205].

Однако они чуть не опоздали. Накануне вечером турки снова пошли на штурм — на этот раз на небольшом подъеме влахернской стены, недалеко от ее стыка со стенами Феодосия. Атака началась около полуночи. Она была успешно отражена и вскоре прекратилась; стены на этом участке были еще в достаточно хорошем состоянии^[206].

14 мая султан, уверенный, что после отвода венецианских кораблей его флот в Золотом Роге находится вне опасности, перебросил батареи с холмов над Долиной Источников по новому мосту к влахернской стене для обстрела той ее части, где стена начинает взбираться на холм. Однако, убедившись через день-другой, что больших повреждений добиться не удастся, он вновь их переместил, присоединив к своей главной батарее в долине Ликоса. Султан пришел к выводу, что именно в этом месте у

нападающих есть наибольшие шансы. Отныне с увеличением количества орудий обстрел стен здесь шел непрерывно, в то время как на других участках он велся лишь периодически^[207].

16 и 17 мая основные военно-морские силы турок, покинув базу у Двойных колонн, провели демонстрацию против заграждения. Цепь, однако, была все еще хорошо охраняема; оба раза турецкие корабли вернулись обратно, не выпустив в противника ни одной стрелы или ядра. Подобный же маневр имел место и 21 мая. Перед заграждением появился весь турецкий флот под оглушительный бой барабанов и звуки труб. Это выглядело столь устрашающе, что в Константинополе зазвонили колокола в знак всеобщей тревоги. Однако, снова пройдя туда и обратно вдоль цепи, турецкие корабли спокойно вернулись на стоянку. Это был последний раз, когда турки угрожали непосредственно заграждению; что, возможно, объяснялось недостаточно высоким моральным духом матросов, из которых лишь немногие были турками по рождению; во всяком случае, ни султан, ни его адмирал не хотели больше идти на риск унижения от очередного поражения^[208].

Между тем операции сухопутных войск были дополнены попытками провести подкопы под стены города. Операции подобного рода султан пробовал осуществить еще в первые дни осады, но тогда у него не было достаточно опытных для этого людей. Теперь же Заганос-паша отыскал среди своих воинов несколько рудокопов-сербов из серебряных копей в Ново Бродо в Сербии. Им было приказано провести подкоп под стены где-то в районе Харисийских ворот, где почва казалась подходящей для этого. Чтобы остаться незамеченными, они начали рыть издалека. Однако провести подкоп подо рвом и стенами оказалось делом слишком трудным, и эта штольня была в конце концов брошена. Вместо этого подкоп стали вести под одинарную влахернскую стену в районе Калигарийских ворот. 16 мая эти работы были обнаружены осажденными. Мегадука Лука Нотарас, обязанный заниматься подобного рода чрезвычайными обстоятельствами, обратился за помощью к мастеру Иоганнесу Гранту. По его просьбе Грант прорыл контрподкоп; его люди сумели проникнуть в тоннель, сделанный турками, и поджечь деревянные опоры, поддерживающие свод. Кровля тоннеля рухнула, похоронив под собой многих турецких землекопов. Эта неудача в течение нескольких дней удерживала турецких саперов от дальнейших попыток, однако уже 21 мая они снова начали вести подкопы в различных местах, но главным образом в районе Калигарийских ворот. Греческие солдаты Нотараса под руководством Гранта рыли контрподкопы.

В некоторых местах им удавалось выкурить дымом солдат неприятеля из их ходов, в других они затапливали эти ходы водой из цистерн, хранившейся с целью заполнения рва^[209].

Султан тем временем пустил в ход еще одно средство. Утром 18 мая защитники города с ужасом увидели против стен Месотихиона громадную деревянную башню на колесах. Турки соорудили ее в течение одной ночи. Башня состояла из деревянного каркаса, обтянутого воловьими и верблюжьими шкурами. Внутри ее имелась лестница, ведущая на площадку, расположенную на высоте наружной стены города. На площадке были сложены приставные лестницы, чтобы пустить их в ход, как только башня будет вплотную придвинута к стене. Однако главное назначение башни состояло в защите солдат, которые будут засыпать ров. Опыт первых атак показал, что ров является серьезным препятствием и через него необходимо сделать надежные переходы. Весь день 18 мая турки были заняты сооружением прохода через ров, в то время как их башня стояла над ними на краю рва напротив башни городских стен, разрушенной турецкой артиллерией и обрушившейся в ров. К наступлению темноты поставленная перед солдатами задача оказалась, несмотря на отчаянное противодействие обороняющихся, почти выполненной: часть рва была заполнена обломками башни, камнями, землей и хворостом, а свою башню турки передвинули на сооруженный переход с целью испытать его прочность. Однако ночью кто-то из защитников подполз к этой башне, заложил под нее бочонок с порохом и поджег фитиль. Раздался оглушительный взрыв, деревянная башня загорелась и рухнула, похоронив под своими обломками находившихся на ней людей. К утру осажденные снова наполовину расчистили ров и восстановили примыкающую часть стены и заграждения. Другие построенные турками башни также не принесли успеха; часть их была разрушена осажденными, а остальные турки отправили в тыл^[210].

Подобные успехи поддерживали моральный дух христиан. 23 мая им пришлось в последний раз испытать радость победы.

В этот день, как и в предыдущие, турки вели подкоп под влахернскую стену. На этот раз грекам удалось окружить и захватить в плен несколько землекопов во главе с их командиром. Под пытками последний назвал все места, где турки вели подкопы. Благодаря этому Грант смог в течение этого и последующего дней один за другим уничтожить все подкопы. Вход в последний из разрушенных подкопов был искусно замаскирован одной из деревянных башен султана, и, если бы не сведения, полученные от пленного, осажденные ни за что бы не смогли его обнаружить. С того дня

турки прекратили попытки рыть подкопы^[211].

Возможно, к этому времени они почувствовали, что напряжение, в котором постоянно находился осажденный город, начинает работать на них. Следует отметить, что, хотя число убитых христиан к тому времени было совсем незначительным, среди осажденных имелось очень много раненых и все без исключения чувствовали усталость и голод. Боеприпасов, и особенно пороха, постепенно становилось все меньше, а с продовольствием дело обстояло еще хуже. И как раз 23 мая, в день победы над строителями подкопов, надеждам, которые еще питали христиане, был нанесен сокрушительный удар. К вечеру этого дня они увидели, как со стороны Мраморного моря к городу быстро приближается судно, преследуемое турецкими кораблями. Ему удалось уйти от погони; под покровом темноты цепь открыли, пропустив судно внутрь залива. Сначала все думали, что это передовой корабль приближающегося спасительного флота. Однако то была та самая бригантина, которая двадцать дней назад отправилась на поиски флота венецианцев. Она обошла все острова Эгейского моря, но так и не нашла ни одного венецианского корабля; более того, их никто там даже не видел.

Когда стало очевидным, что искать дальше бесполезно, капитан спросил команду, что делать. Один матрос сказал, что глупо возвращаться в город, который, может быть, уже сейчас захвачен турками; однако остальные заставили его замолчать. Их долг вернуться, заявили они, и сообщить обо всем императору, и они его выполняют даже ценой собственной жизни. Когда моряки предстали перед императором со своей тяжелой вестью, он, поблагодарив их, заплакал. Было ясно, что ни одно христианское государство не собирается поддержать Константинополь в борьбе за христианство. Отныне, сказал император, городу остается только уповать на Христа и Богородицу, а также его основателя — святого Константина^[212].

Однако даже эта вера должна была подвергнуться испытанию. Появились признаки того, что само небо отвернулось от города. Именно в эти дни все снова вспомнили предсказания гибели империи. Первым христианским императором был Константин, сын Елены; таковым же будет и последний. Вспоминали также предсказание о том, что Константинополь никогда не падет в момент, когда прибывает луна. Это очень ободряло защитников при отражении нападения в прошедшую неделю. Но 24 мая должно было быть полнолуние, а затем при убывающей луне город подвергнется серьезной опасности. В ночь полнолуния произошло лунное

затмение, и в течение трех часов царила полная темнота. Вероятно, как раз на следующий день весь город узнал о безысходных вестях, которые привезла бригантина. Затмение же настолько понизило дух осажденных, что решено было последние мольбы обратиться к Богоматери. Самую почитаемую ее икону водрузили на носилки, которые подняли наиболее благочестивые горожане и торжественно понесли по улицам города. Все, кто мог покинуть свои боевые посты на стенах, присоединились к процессии.

Однако во время этого медленного и торжественного шествия икона вдруг упала с носилок. Бросившимся ее поднимать она показалась такой тяжелой, как будто была сделана из свинца; лишь с большими усилиями икону водрузили на место. Когда же процессия возобновилась, над городом разразилась гроза с градом, который было почти невозможно выдержать; затем хлынул такой ливень, что все улицы оказались затопленными и потоки воды чуть ли не уносили с собой детей. Процессию пришлось прекратить. На следующий же день, как будто всех этих зловещих знаков было еще мало, весь город окутал густой туман — явление, совершенно невиданное для этих мест в мае. Словно Богоматерь укутала себя облаками, чтобы не заметили, как она покидает город. Ночью же, когда туман рассеялся, вокруг купола храма св. Софии заметили какое-то странное сияние. Его видели не только в городе, но и в турецком лагере. Турки также пришли в волнение. Однако самого султана успокоили его мудрецы, которые истолковали это сияние как знамение того, что скоро свет истинной веры воссияет над этим священным зданием. У греков же и их итальянских союзников такого утешительного толкования не было.

С городских стен помимо этого видели огни, мерцающие далеко за турецким лагерем, где простирались поля и никаких огней не должно было быть. Некоторые дозорные оптимистично уверяли, что это костры военного лагеря Яноша Хуньяди, войска которого идут на выручку осажденным христианам. Однако никакой армии не появилось. Что это были за странные огни, так и осталось неизвестным^[213].

Тогда министры императора снова явились к нему, чтобы еще раз попробовать уговорить его спастись, пока это еще возможно, и попытаться организовать защиту христианства из какого-нибудь более безопасного места, где он сможет найти поддержку. Император был в таком состоянии, что во время аудиенции упал в обморок. Придя в себя, он снова заявил, что не может покинуть свой народ и умрет вместе с ним^[214].

Май приближался к концу; в садах и зарослях распустились розы.

Луна, однако, убывала, и мужчины и женщины Византия, древнего города, символом коего был полумесяц, готовились встретить час испытаний, который, как они теперь уже твердо знали, надвигался на них.

Глава IX.

Последние дни Византия

В то время как христиан все больше охватывала безнадежность, в турецком лагере тоже росли пессимистические настроения и общая усталость. Осада продолжалась уже семь недель, а громадная турецкая армия, несмотря на свою замечательную военную технику, добила совсем немногого. Конечно, осажденные, возможно, и устали и испытывали нехватку людей и припасов, а стены города были серьезно повреждены, однако до сих пор через них не проник ни один турецкий солдат. Все еще существовала опасность, что наконец придет помощь с Запада. Агенты Мехмеда сообщали ему о том, что венецианский флот получил приказ об отплытии, и ходили слухи, что он уже прибыл на Хиос^[215]. Следовало также постоянно опасаться того, что венгры перейдут Дунай. Еще в первые дни осады в турецкий лагерь прибыло посольство от Яноша Хуньяди с заявлением о том, что, поскольку Хуньяди не является больше регентом Венгрии, договор о трехлетнем перемирии с султаном теперь недействителен^[216].

Моральный дух войск султана стал ухудшаться. Его моряки потерпели позорные неудачи. Солдаты до сих пор не одержали ни одной победы. Чем больше город сопротивлялся султану, тем более падал его собственный престиж.

При дворе султана старый везир Халиль и его друзья по-прежнему неодобрительно относились ко всей этой затее. Мехмед не послушал их совета и начал войну. Не похоже ли, что они были правы? По всей вероятности, отчасти для того, чтобы доказать им свою правоту, и отчасти для успокоения своей совести благочестивого мусульманина, который должен идти на битву только в том случае, если неверные упорно отказываются сдаться, султан в последний раз предложил мир, но только на его условиях. В лагере султана был молодой вельможа по имени Исмаил, сын перешедшего в мусульманство грека, которого он сделал вассальным князем Синопа. Именно его султан направил в город в качестве своего посланца. У Исмаила были друзья среди греков, и он сделал все возможное, чтобы убедить их в том, что еще не поздно спастись.

В результате его усилий греки назначили своего парламентаря, который отправился в турецкий лагерь вместе с Исмаилом. Имя этого

человека до нас не дошло; известно лишь, что он не был ни высокого звания, ни знатного происхождения. Непредсказуемое отношение султана к послам было печально известным, и, без сомнения, ни одно знатное лицо нельзя было послать со столь рискованной миссией. Однако Мехмед принял парламентаря достаточно любезно и отправил с ним послание, в котором заявил, что осада будет снята, если император обязуется выплачивать ему ежегодную дань в размере 100 тыс. золотых византинов либо, если это окажется предпочтительнее, жители покинут город, взяв с собой все движимое имущество, причем никому не будет причинено вреда. Когда эти условия были оглашены на императорском совете, кое-кто высказал мнение, что обещание выплатить дань дало бы возможность константинопольцам выиграть время. Но большинство отлично понимало, что такую огромную дань собрать никогда не удастся; если же она не будет немедленно выплачена, то султан попросту не снимет осаду; и, конечно, никто из них не хотел отдать султану Константинополь без дальнейшей борьбы. Возможно, если верить турецким источникам, ответ императора содержал предложение отдать султану все, чем он владеет, кроме города, который, по существу, и был единственным, чем он еще владел. На это султан ответил, что единственный выбор, который остается грекам, это либо сдать город, либо умереть от сабли, либо перейти в ислам^[217].

Указанные бесплодные переговоры, по-видимому, имели место в пятницу 25 мая. В субботу Мехмед созвал своих непосредственных приближенных на совет. Поднявшийся первым Халиль-паша, уповая на свою репутацию человека, долго и достойно служившего на общественном поприще, потребовал прекращения осады. Он никогда не одобрял этой кампании, и ее ход показал, что он был прав. Турки ничего не достигли; наоборот, они потерпели целый ряд унижительных неудач. В любой момент западные государи могут прийти на выручку городу. Венеция, например, уже выслала значительный флот. Генуя, несмотря на свое очевидное нежелание, принуждена будет сделать то же самое. Пусть султан предложит условия, которые будут приемлемы для императора, и снимет осаду, пока еще не случилось худшего. Почтенный везир внушал уважение. Многие из присутствовавших, припоминая, насколько беспомощно выглядели турецкие корабли в сражениях против христиан, наверное, содрогнулись при мысли о громадных итальянских флотилиях, устремившихся на них. В конце концов султан — это всего лишь юноша двадцати одного года. Не подвергает ли он опасности свое громадное наследство с пылким безрассудством молодости?

Затем взял слово Заганос-паша. Он не любил Халиля и знал, что

султан разделяет его чувства. Видя выражение гневного отчаяния от речи Халиля на лице своего господина, он заявил, что не верит в опасения великого везира. Европейские державы слишком глубоко разобщены, чтобы предпринять какие-либо совместные действия против турок; и даже если венецианский флот действительно приближается, чему он не верит, кораблей и людей у него будет несравненно меньше, чем у турок. Он говорил также о знамениях, предвещающих падение христианской империи; вспомнил Александра Македонского — юношу, который со значительно меньшей армией завоевал полмира. Атаки на город необходимо усилить, даже и не помышляя об отступлении.

Многие из молодых военачальников встали на сторону Заганос-паши; особенно рьяно требовал более активных действий командир башибузуков. Настроение Мехмеда поднялось: это было именно то, что он хотел услышать. Он приказал Заганосу выйти к войскам и спросить их, чего они хотят, и тот вскоре вернулся с требовавшимся ответом. Все солдаты, заявил он, настаивают на немедленном штурме. Тогда султан объявил, что, как только будут закончены все приготовления, начнется штурм.

С этого момента Халиль должен был осознать, что дни его сочтены. Он всегда был добрым другом христиан и в то же время терпимым к ортодоксальным мусульманам старой школы в отличие от выскочек-ренегатов из христианских вероотступников, таких, как Заганос и Махмуд. Трудно сказать, действительно ли он получал подарки от греков. Однако сейчас его враги прямо намекали на это, и султан был рад им поверить ^[218].

Весть о решении султана скоро достигла города благодаря находившимся в турецком лагере христианам, которые пускали через стены стрелы с обернутыми вокруг древка сообщениями о заседании совета ^[219].

В течение пятницы и субботы бомбардировка сухопутных стен стала гораздо интенсивнее, чем прежде. Однако причиненные разрушения все еще удавалось быстро заделывать; к вечеру субботнего дня заграждения в местах разрушений оставались такими же крепкими, как и раньше. Но ночью при свете зажженных турками костров со стены было видно, как они свозят различные материалы, чтобы завалить ров чем-то твердым, а также выдвигают вперед пушки на специально построенные платформы. В воскресенье бомбардировке было подвергнуто главным образом заграждение в районе Месотихиона. Прямыми попаданиями ядер большого орудия часть заграждения была разрушена. Руководивший восстановительными работами Джустиниани был легко ранен осколком и вынужден уйти в город на перевязку. Однако через несколько часов, еще до

наступления темноты, он вернулся на свой пост^[220].

В тот же день 27 мая султан объехал все войска, возвестив им, что в самом скором времени он объявит решающий штурм. За ним следовали глашатаи, повсюду провозглашавшие, что по обычаю ислама город будет отдан борцам за веру на полное разграбление в течение трех дней. Султан также поклялся бессмертным Аллахом и его пророком, четырьмя тысячами пророков, душой своего отца и жизнью детей, что вся добыча, захваченная в городе, будет справедливо распределена между воинами. Эти слова были встречены громкими криками радости. Стоявшие на городских стенах слышали, как ликующие толпы мусульман беспрестанно выкрикивали: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его»^[221].

В эту ночь, как и в предыдущую, огни и факелы освещали толпы турок, которые все несли различные материалы для заполнения рва, а также складывали возле него горы оружия и боеприпасов. Этой ночью они работали с особым воодушевлением, с песнями и возгласами, под звуки флейт и барабанов, лютней и дудок. Огни были настолько яркими, что у осажденных на какой-то момент мелькнула надежда, не загорелся ли турецкий лагерь, и они поспешили на стены посмотреть на большой пожар. Когда же они поняли действительную причину этих огней, им оставалось только пасть на колени и молиться^[222].

В полночь, однако, работа неожиданно прекратилась и все огни погасли. Султан объявил понедельник днем отдыха и покаяния, с тем чтобы воины могли подготовиться к решительному штурму, назначенному на вторник. Сам он провел этот день, объезжая войска и отдавая последние приказания. Прежде всего он проехал со своей громадной свитой по мосту через Золотой Рог к Двойным Колоннам, где встретился с адмиралом Хамза-беем. Ему было приказано на завтра прорваться со своими кораблями через заграждение и развернуться вдоль стен, выходящих на берег Мраморного моря. Матросам надлежит раздать приставные лестницы, и они должны будут по возможности высадиться или с самих кораблей, или с лодок и взобраться на стены, а если это окажется невозможным, то по крайней мере беспрерывно создавать видимость атаки, с тем чтобы ни один из защитников не осмелился покинуть свое место на стенах. Когда Мехмед ехал обратно, намереваясь дать такие же указания кораблям, находившимся в Золотом Роге, он остановился против главных ворот Перы и вызвал к себе высших должностных лиц колонии. Им было строго приказано проследить, чтобы на следующий день ни один из жителей Перы не оказывал Константинополю никакой поддержки; если же

они не выполняют этого, он их немедленно же накажет. Затем султан вернулся в свой шатер. Пополудни он не спеша объехал всю линию сухопутных стен, беседуя с командирами и обращаясь со словами воодушевления к солдатам, расположившимся на биваках^[223]. Убедившись, что все обстоит как надо, он позвал на совещание в свой шатер везиров и военачальников.

Его выступление на этом совещании дошло до нас в изложении историка Критовула, который, как все образованные византийцы, хорошо знал Фукидида и по его примеру вкладывал в уста своих героев речи, которые, как он считал, могли и должны были быть произнесены. И хотя эти слова фактически принадлежат историку, они ярко передают нам смысл того, что султан должен был действительно сказать. Он напомнил собравшимся об огромных богатствах, все еще имевшихся в городе, и о добыче, которая вскоре будет их. Он напомнил им также, что в течение многих веков священным долгом правоверных был захват столицы христиан и что древние предания предвещают им победу. Город никак нельзя считать неприступным. Враг довольно малочислен и истощен; у него не хватает оружия и припасов. Защитники города разобщены между собой; итальянцы наверняка не захотят умирать за чужую землю. Завтра, заявил султан, он будет посылать свои войска на штурм волна за волной до тех пор, пока защитники не дрогнут от усталости и отчаяния. Он требовал от своих военачальников подавать пример храбрости, поддерживать в их войсках дисциплину. После этого султан предложил им вернуться в свои шатры и отдыхать, чтобы быть готовыми, когда прозвучит сигнал к штурму.

Старшие военачальники остались, чтобы получить от султана последние указания. Адмирал Хамза свою задачу уже знал. Заганос-паша должен был выделить часть своих людей на корабли, предназначенные для атаки городской стены вдоль Золотого Рога, а остальную часть своих войск перебросить по мосту и атаковать Влахерны. Караджа-паша будет находиться справа от него, на участке вплоть до Харисийских ворот. Исхак и Махмуд во главе войск из Азии должны напасть на отрезок стен от ворот св. Романа до берега Мраморного моря, концентрируя свои усилия главным образом в районе Третьих военных ворот. Сам султан с Халилем и Саруджой возглавит основную атаку в долине Ликоса. Разъяснив свой план, султан удалился, чтобы поужинать и лечь спать^[224].

Весь день за стенами города царила странная тишина. Молчали даже большие пушки. В городе нашлись люди, объяснявшие это тем, что турки готовятся к уходу; однако этот их оптимизм был не более как тщетная

попытка подбодрить самих себя. Все уже знали, что час испытания действительно настал. За последние несколько дней нервное истощение осажденных неоднократно проявлялось в ссорах и взаимных обвинениях между греками, венецианцами и генуэзцами. Для венецианцев, так же как и для греков, нейтралитет Перы говорил о том, что никому из генуэзцев доверять нельзя. С другой стороны, и греков и генуэзцев задевало высокомерие венецианцев. Когда Минотто приказал греческим рабочим отнести к линии влахернской стены деревянные щиты и заслоны, изготовленные в мастерских венецианского квартала, те отказались это сделать, пока им не заплатят, причем не из жадности, как склонны были думать венецианцы, а потому, что им казалось неприятным получать подобные безапелляционные приказания от итальянца. Кроме того, им действительно нужны были деньги или свободное время, чтобы достать пропитание для своих голодающих семей. Из венецианцев лишь немногие имели семьи в городе, а женщины и дети генуэзцев вообще жили с удобствами и в безопасности в Пере.

Поэтому итальянцы никогда не понимали, какое напряжение вызывало у греков сознание того, что их жены и дети должны будут разделить их участь. Иногда возникали разногласия и по вопросам стратегии. Как только стало ясно, что наступает решающий штурм, Джустиниани потребовал от мегадуки Луки Нотараса перебросить его пушки в район Месотихиона, где каждое лишнее орудие было бы чрезвычайно полезным. Нотарас отказался, считая, и не без основания, что следовало ожидать нападения и со стороны залива, а стены там и так защищены далеко не достаточно. Вспыхнула острая ссора; император, и без того совершенно измотанный, был вынужден вмешаться. Очевидно, Джустиниани удалось отстоять свою точку зрения. Архиепископ Леонард с присущей ему ненавистью к православным утверждал, будто греки опасались, что лавры доблестных защитников города достанутся латинянам, и поэтому были угрюмы и подавлены. При этом он предпочел забыть, что в битве в долине Ликоса греков участвовало не меньше, чем итальянцев, так же как и о том, что, вопреки его утверждениям, когда началась битва, ни один грек не обнаружил недостатка рвения^[225].

В понедельник, когда стало известно, что роковой час приближается, и солдаты и горожане забыли свои распри. В то время как на стенах шла работа по заделке повреждений, по городу двинулась огромная процессия. В противоположность тишине турецкого лагеря в Константинополе звонили колокола церквей, звучали деревянные била, из храмов забирали иконы и священные реликвии и торжественно носили их по улицам и вдоль

стен, останавливаясь перед наиболее разрушенными и уязвимыми местами, чтобы освятить их. Участники процессии, сопровождавшей святыни, в которой объединились греки и итальянцы, православные и католики, пели гимны и повторяли хором «Кирие элейсон». Сам император вышел из дворца, чтобы присоединиться к шествию, а когда оно окончилось, пригласил к себе знатных людей и военачальников — греков и итальянцев. Его речь перед ними дошла до нас в записи двух присутствовавших — секретаря императора Франдзиса и архиепископа Митиленского. Каждый из них записал выступление по-своему, придав ему риторическую форму, которой оно, по всей вероятности, не обладало.

Однако обе записи достаточно совпадают, чтобы донести до нас основную суть этой речи. Константин сказал собравшимся, что решающий штурм должен начаться в самое ближайшее время. Своим подданным он напомнил, что каждый должен быть готов умереть за свою веру, родину, семью и государя; ныне же его народ должен приготовиться к смерти за все это, вместе взятое. Он говорил о славном прошлом и благородных традициях великого города, о вероломстве султана нечестивцев, который спровоцировал эту войну, чтобы уничтожить истинную веру и поставить на место Христа своего лжепророка. Он просил их не забывать, что они потомки героев древней Греции и Рима и должны быть достойными своих предков. Сам он, добавил император, готов умереть за свою веру, свой город и свой народ. Затем он обратился к итальянцам, поблагодарив их за те большие услуги, которые они оказали городу, и выразив уверенность, что они не подведут в грядущей битве. Он просил всех — и греков и итальянцев — не страшиться многочисленности врага и его варварских ухищрений, призванных с помощью шума и огня вызвать панику среди осажденных. Да будет высоким дух их, да будут они храбрыми и стойкими в бою. С Божьей помощью они победят.

Все присутствовавшие поднялись со своих мест и заверили императора, что готовы ради него пожертвовать жизнью и домом. Император медленно обошел весь зал, прося каждого простить его, если когда-либо он причинил ему обиду. Все последовали его примеру, обнимая друг друга, как делают те, кто готовится к смерти^[226].

День клонился к закату. Толпы людей стекались к собору св. Софии. За последние пять месяцев ни один строгий ревнитель православия не переступил ее порога, не желая слушать святую литургию, оскверненную латинянами и отступниками. Однако в этот вечер все прежние обиды исчезли. Почти все, кто был в городе, за исключением солдат, оставшихся на стенах, собрались на это богослужение-моление о заступничестве.

Священники, считавшие смертельным грехом унию с Римом, возносили у алтаря молитвы вместе со своими собратьями — унионистами. Кардинал стоял рядом с епископами, никогда ранее его не признававшими; весь народ пришел сюда для исповеди и святого причастия, не разбирая, кто служит — православный или католический священник. Вместе с греками здесь были итальянцы и каталонцы. Мозаики с их позолотой, изображавшие Христа и святых, византийских императоров и императриц, мерцали при свете тысячи лампад и свечей; под ними в последний раз торжественно двигались под величественные аккорды литургии фигуры священников в праздничных одеяниях. Это был момент, когда в Константинополе произошло действительно объединение восточной и западной христианских церквей^[227].

Министры и военачальники, после того как закончилось совещание у императора, проехали через весь город, чтобы присоединиться к молящимся в соборе. После исповеди и причащения каждый вернулся на свой пост, исполненный решимости победить или умереть. Когда Джустиниани и его греческие и итальянские соратники, пройдя через внутреннюю стену, заняли свои места на внешней стене и у заграждений, был отдан приказ закрыть за ними ворота внутренней стены, отрезав, таким образом, все пути к отступлению^[228].

Поздно вечером император на своем арабском скакуне тоже прибыл в великий храм, чтобы исповедаться перед Богом. Затем он вернулся по темным улицам в свой дворец во Влахернах, созвал домочадцев и, так же как перед тем у министров, попросил у всех прощения за огорчения, которые когда-либо причинил, и попрощался с ними. Была почти полночь, когда он снова вскочил на коня и проехал в сопровождении верного Франдзиса вдоль всех сухопутных стен, чтобы убедиться, что все в порядке и все ворота внутренней стены на запоре. На обратном пути во Влахерны император спешил к Калигарийским воротам и поднялся вместе с Франдзисом на башню, находившуюся на наиболее выступающей части влахернской стены; с нее они могли всматриваться в темноту в обоих направлениях: налево — в сторону Месотихиона и направо — вниз, к Золотому Рогу. Снизу до них доносился шум в стане врага, перетаскивавшего свои орудия через засыпанный ров; по словам часового, турки приступили к этому сразу после захода солнца. В отдалении им были видны мерцающие огни турецких кораблей, двигавшихся через Золотой Рог по направлению к городу. Франдзис оставался там со своим господином около часа. Затем Константин отпустил его, и они больше никогда не

встречались. Час сражения приближался^{[\[229\]](#)}.

Глава Х.

Падение Константинополя

В понедельник 28 мая стояла солнечная, ясная погода. Когда солнце начало склоняться к западу, оно светило прямо в глаза стоявшим на стенах защитникам города, почти ослепляя их. Именно в этот час турецкий лагерь пришел в движение. Тысячи людей двинулись по направлению к стенам: одни — чтобы закончить засыпку рва, другие — чтобы подкатить поближе пушки и стенобитные орудия. Вскоре после захода солнца небо покрылось тучами и начался проливной дождь; однако турки продолжали свое дело, и христиане ничем не могли им помешать. Примерно в половине второго ночи султан решил, что все приготовления закончены, и отдал приказ начать штурм^[230].

Осажденных оглушил внезапно раздавшийся страшный шум. Турецкие войска ринулись на приступ по всей линии стен, издавая воинственные клики, под грохот барабанов, звуки труб и флейт. Войска христиан замерли в молчании, но, когда дозорные на башнях подали сигнал тревоги, на всех церквах, расположенных поблизости от стен, ударили в колокола; церковь за церковью подхватывала этот тревожный набат, пока не зазвонили на всех колокольнях города. В трех милях от городских стен, в соборе св. Софии, собравшиеся на молитву поняли, что битва началась. Каждый мужчина, способный носить оружие, немедленно поспешил на свой пост; женщины, среди них монахини, бросились к стенам помогать таскать камни и бревна для укреплений и кувшины с водой для сражающихся. Старики и дети, покинув дома, сгруппировались в церквах, в надежде на защиту святых и ангелов. Некоторые собрались в своих приходских церквах, другие отправились в высокий собор св. Феодосии недалеко от залива; во вторник там должен был состояться престольный праздник, и все здание собора было украшено розами, собранными в садах и рощах. Уж святая-то, несомненно, не покинет в беде молящихся ей. Многие вернулись в кафедральный собор, памятуя старинное предсказание, что, даже если неверные проникнут в город и приблизятся к священному зданию, появится Ангел Божий и, поражая их огненным мечом, изгонит нечестивых из храма. Всю ночь до рассвета собравшиеся в церквах молились и ждали.

На стенах же было не до молитв. Султан тщательно обдумал план

действий. Несмотря на высокомерные слова, обращенные к армии, жизненный опыт научил его уважать противника. Поэтому он решил измотать его, прежде чем ввести в сражение свои лучшие войска. Сначала он двинул вперед нерегулярные войска — башибузуков. Их было много тысяч — искателей приключений из разных стран и различной национальности; часть из них были турками, но многие были выходцами из христианских стран — славяне, венгры, немцы, итальянцы и даже греки, готовые сражаться против своих единоверцев за жалованье, которое платил им султан, и за обещанную военную добычу. Большинство их имели при себе собственное оружие — кто ятаган, кто пращу, кто лук, у некоторых были даже аркебузы. Их снабдили также большим количеством приставных лестниц. Это были ненадежные войска, отлично осуществляющие первый бросок, но быстро теряющие мужество, если они не добивались немедленного успеха. Зная их слабости, Мехмед поставил позади башибузуков шеренгу военной полиции, вооруженной плетью и дубинками, которая должна была подгонять башибузуков, избивая тех, кто проявит признаки нерешительности. За военной полицией стояла янычарская гвардия султана. Если какой-нибудь трусивший башибузук и прорвался бы сквозь полицию, янычары должны были прикончить его своими ятаганами.

Атака башибузуков осуществлялась вдоль всей линии стен, но только на участке в долине Ликоса она была угрожающей; в других местах стены все еще были достаточно прочными и подверглись атаке главным образом для того, чтобы сковать силы оборонявшихся, не дав им возможности перебросить подкрепления на наиболее важный участок. Сражение здесь приняло жесточайший характер. Башибузуки дрались против солдат, значительно лучше вооруженных и обученных, чем они, а их многочисленность только мешала, постоянно создавая среди них сутолоку. Посылаемые в башибузуков камни могли одновременно убить или ранить нескольких. Хотя некоторые из них и пытались отступить, большинство все же держалось, снова и снова приставляя лестницы к стенам и заграждениям и взбираясь по ним, чтобы еще раз быть сброшенными, не достигнув верха. Солдатам Джустиниани — грекам и итальянцам — роздали все мушкеты и пищали, какие только были в городе, и сам император прибыл к месту сражения, чтобы подбодрить их. После почти двух часов непрерывного сражения Мехмед приказал башибузукам отступить: хотя их удалось сдержать и отбросить, они выполнили свою задачу, измотав силы противника.

Некоторые из христиан надеялись, что это, может быть, была просто

единичная ночная атака, предпринятая с целью испытания их сил; и все они по крайней мере рассчитывали на то, что им удастся передохнуть. Однако такой возможности они не получили. Едва только осажденные успели выровнять свои ряды и заменить бревна и бочки с землей в заграждениях, как началась вторая атака. Войска анатолийских турок Исхак-паши, отличавшиеся специальной формой и нагрудными доспехами, лавиной ринулись в долину с холма в районе ворот св. Романа и сгрудились возле заграждения. На близлежащих церквях снова ударили в набат. Однако их звон потонул в звуках канонады турецкой артиллерии, в том числе и большой пушки Урбана, которая возобновила бомбардировку стен. Через несколько минут анатолийцы пошли на приступ. В отличие от солдат нерегулярных частей все они были хорошо вооружены и дисциплинированы; кроме того, среди них были преданные мусульмане, домогавшиеся славы первыми ворваться в город христиан. Под дикую призывную музыку труб и грохот барабанов они бросились на заграждения, карабкаясь на плечи друг друга и стараясь зацепиться лестницами за барьер и взобраться по ним наверх. При тусклом свете факелов, в клубах дыма, то и дело заволакивавших луну, было трудно разобрать, что происходит. Анатолийцы, так же как перед этим башибузуки, находились в невыгодном положении оттого, что на таком узком участке их скопилось слишком много. Дисциплинированность и упорство анатолийцев только увеличивали их потери, когда осажденные кидали на них камни, сбрасывали лестницы или вступали в рукопашные схватки.

Примерно за час до рассвета, когда и эта вторая атака начала захлебываться, ядро из пушки Урбана попало прямо в заграждение, свалив его на протяжении многих ярдов. Поднялось громадное облако пыли, в воздух взвились комья земли и камни, черный пороховой дым ослепил осажденных. В образовавшийся пролом тут же ринулись сотни три анатолийцев с криками, что город их. Однако христиане во главе с императором окружили их плотным кольцом, перебив большую часть, а остальных отбросив обратно в ров. Такой отпор привел анатолийцев в замешательство. Атакующие были отозваны назад на свои позиции. С победными возгласами защитники снова принялись восстанавливать разрушенное заграждение.

На других участках действия турок были не более успешными. На южном участке сухопутных стен Исхак сумел создать напор, достаточный для того, чтобы защитники не могли перебросить кого-либо оттуда в район Ликоса; однако, даже введя в бой свои лучшие войска, он не смог добиться серьезных результатов. На Мраморном море Хамза-бей столкнулся с

трудностями при попытке подвести свои корабли вплотную к берегу. Несколько десантных групп, которые ему удалось высадить, были легко отброшены оборонявшими этот участок монахами и принцем Орханом с его людьми. Вдоль всей линии стен, выходящих к Золотому Рогу, турки ограничились лишь отвлекающими маневрами, не сделав ни одной настоящей попытки атаковать. Ожесточенное сражение разгорелось в районе Влахернов. На низменном участке залива вели атаку войска Заганоса, переброшенные по мосту, а выше по гребню — Караджа-паши. Но Минотто со своими венецианцами, стоя против Заганоса, сумел удержать свой участок стены, так же как и братья Боккиарди, сражавшиеся против Караджа-паши.

По словам очевидцев, султан был разгневан неудачей анатолийцев. Однако вполне возможно, что он предназначал их, как перед этим и нерегулярные части, более для истощения сил противника, нежели для того, чтобы они ворвались в город. Он обещал крупную награду первому, кто сумеет прорваться через заграждение, и предпочитал, чтобы эта привилегия досталась кому-нибудь из его любимого войска янычар. Теперь же настала время ввести в бой и их. Султан волновался, потому что, если бы и янычары его подвели, вряд ли было бы возможно вообще продолжать осаду. Он не мешкая отдал приказ, и, прежде чем христиане успели немного подкрепиться и закончить кое-как починку заграждения, на них обрушился град снарядов, стрел, копий, камней и пуль; вслед за этим показались янычары. Они приближались сдвоенной колонной, а не дикой толпой, как башибузуки и анатолийцы, в образцовом порядке, который не могли расстроить снаряды противника. Боевая музыка, под которую они двигались, была такой громкой, что ее звуки сквозь пушечный грохот были слышны по ту сторону Босфора.

Мехмед сам довел их до рва и остался стоять там, громко подбадривая янычар, в то время как они маршировали мимо него. Волна за волной эти свежие, великолепные, прекрасно вооруженные и защищенные доспехами войска бросались на заграждение, пытаясь разбить бочки с землей, сложенные поверх него, зацепиться за поддерживавшие его бревна, приставить, где это оказывалось возможным, свои лестницы; действуя без всякой паники, каждая волна прокладывала путь для следующей. Христиане были уже истощены. Они сражались, с перерывами всего в несколько минут, уже более четырех часов. Но они бились отчаянно, зная, что, если не устоят, это будет конец. Позади них в городе снова гудели колокола, а к небу громко возносились молитвы.

Вдоль заграждения уже дрались в рукопашную. Прошло около часа, а

янычары так и не смогли продвинуться. Христианам уже стало казаться, что их натиск ослабевает. Однако судьба была против них. В самом углу влахернской стены, недалеко от места ее соединения с двойной стеной Феодосия, находилась наполовину закрытая башней небольшая потайная дверца для вылазок — Керкопорта. Уже многие годы ее не открывали, но старики помнили о ее существовании. Перед началом осады эту дверь вновь открыли, чтобы выходить во вражеский фланг. Вовремя сражения Боккиарди и его люди умело использовали ее против войск Караджа-паши. Однако сейчас кто-то, возвращаясь после очередной вылазки, забыл закрыть за собой эту дверцу. Несколько турок, заметив, что дверца не заперта, проникли через нее в расположенный за дверцей небольшой двор и стали карабкаться по лестнице, ведущей на верхнюю часть стены. Христиане, которые находились в этот момент с внешней стороны ворот, увидев, что произошло, кинулись назад, чтобы снова закрыть проход и не дать возможности другим туркам последовать за прорвавшимся авангардом. В наступившем переполохе около 50 турок оказалось внутри стены, где их вполне можно было окружить и уничтожить, если бы в этот момент не случилось еще большего несчастья.

Перед самым заходом солнца пуля, выпущенная из пищали с близкого расстояния, попала в Джустиниани и пробила его латы на груди. Истекая кровью и, очевидно, испытывая сильную боль, он попросил своих людей вынести его из сражения. Один из них бросился к императору, который бился неподалеку, чтобы взять у него ключ от небольших ворот во внутренней стене. Константин поспешил к раненому, заклиная его не покидать своего поста. Однако нервы Джустиниани уже сдали; он настаивал на том, чтобы его унесли. Ворота открыли, и телохранители Джустиниани доставили его, пронеся по улицам до порта, на стоявший там генуэзский корабль. Его солдаты заметили отсутствие командира. Некоторые, возможно, подумали, что он отошел назад, чтобы защищать внутреннюю стену, но большинство решило, что битва проиграна. Кто-то в ужасе закричал, что турки прорвались через стену. И прежде чем ворота успели закрыть, генуэзцы стремительно бросились к ним. Император и его греки остались на поле боя одни.

Происшедшая паника не укрылась от глаз находившегося по ту сторону рва султана. С криком «Город наш!» он послал в бой новый отряд янычар во главе с великаном по имени Хасан. Хасан пробился на верх сломанного заграждения, завоевав обещанную награду. Около 30 янычар последовало за ним. Греки бросились в контратаку. Хасан был сбит с ног ударом камня и убит; вместе с ним погибло 17 его товарищей. Однако

остальные удерживали занятые позиции на верху заграждения; все новые и новые янычары присоединялись к ним. Греки упорно сопротивлялись. Однако численное превосходство противника заставило их отойти к внутренней стене. Перед ней находился еще один ров, который в нескольких местах оказался углубленным, так как там брали землю для укрепления заграждений. Многие греки, отступая, попали в эти ямы, из которых не так-то легко было выбраться, поскольку позади них высоко вздымалась внутренняя стена. Турки, уже вскарабкавшиеся на заграждения, стреляли по ним сверху, пока не перебили всех. Вскоре многие янычары достигли внутренней стены и беспрепятственно взобрались на нее. Вдруг кто-то поднял вверх глаза и увидел турецкий флаг, развевающийся на башне над Керкопортой. Раздался громкий вопль: «Город взят!»

В то время как император умолял Джустиниани остаться, ему уже было известно, что турки проникли через Керкопорту. Он немедленно бросился туда, но оказалось, что было слишком поздно. Паника охватила уже и часть находившихся там генуэзцев. В начавшемся смятении было невозможно вновь закрыть ворота. Турки валом повалили через них, и людей Боккиарди было слишком мало, чтобы остановить этот поток. Константин повернул своего коня и галопом помчался назад, в долину Ликоса, к брешам, пробитым в заграждении. Рядом с ним были храбрый испанский рыцарь дон Франсиско из Толедо, утверждавший, что он кузен императора, двоюродный брат Константина Феофил Палеолог и верный товарищ по оружию Иоанн Далматас. Они тщетно попытались собрать вокруг себя греков, которых уже слишком мало оставалось в живых. Тогда император с соратниками спешили и вчетвером в течение нескольких минут защищали ворота, через которые перед этим унесли Джустиниани.

Однако сопротивление защитников было уже сломлено. Ворота оказались забиты христианскими солдатами, пытавшимися спастись, в то время как наседавших на них янычар становилось все больше и больше. Феофил крикнул, что скорее умрет, чем отступит, и исчез в массах нахлынувших орд. Сам Константин, поняв теперь, что империя погибла, не имел никакого желания ее пережить. Он сбросил с себя знаки императорской власти и вместе с доном Франсиско и Иоанном Далматосом, все еще находившимися рядом с ним, кинулся вслед за Феофилом. Больше его никто не видел^[231].

Крики о том, что город взят, эхом прокатились по улицам. С Золотого Рога и его берегов и христиане и турки могли видеть турецкие флаги, развевавшиеся на высоких башнях Влахернов, там, где всего несколько

минут назад реяли флаги с императорским орлом и львом св. Марка. Какое-то время в отдельных местах еще шел бой. На стенах в районе Керкопорты еще продолжали сражаться братья Боккиарди со своими солдатами, но вскоре они поняли, что больше уже сделать ничего нельзя. Тогда они стали прорываться сквозь ряды противника к Золотому Рогу. Паоло был захвачен и убит, однако Антонио и Троило сумели добраться до генуэзского судна, которое, не замеченное турецкими кораблями, перевезло их в Перу, где они были уже в безопасности. На их фланге во Влахернском дворце Минотто со своими венецианцами попал в окружение; многие из них были перебиты, а сам бальи и другие знатные венецианцы захвачены в плен^[232].

Весть о прорыве через стены была с помощью сигнальных огней передана по всей турецкой армии. Турецкие корабли, находившиеся в Золотом Роге, поспешили высадить на берег десант, атаковавший городские стены со стороны залива. Турки не встретили здесь серьезного сопротивления, за исключением участка у Орейских ворот, неподалеку от того места, где расположен ныне дворец Айван. Команды двух критских судов забаррикадировались здесь в трех башнях и отказались сдаться. В остальных местах греки разбежались по домам в надежде защитить свои семьи, а венецианцы бросились к своим кораблям. Незадолго перед этим отряд турок прорвался через Платейские ворота в низине, над которой и сейчас еще господствует акведук Валента. Другой отряд проник через Орейские ворота. Как только какой-то отряд турок проникал в город, его тотчас же отправляли вдоль стен, чтобы открыть другие ворота для своих товарищей, ожидавших снаружи. В соседнем квартале Петрион местные рыбаки, видя, что уже все потеряно, сами открыли для турок ворота, после того как им обещали пощадить их дома^[233].

На участке сухопутных стен к югу от Ликоса христиане успешно отразили все атаки турок. Однако теперь турецкие отряды, один за другим прорываясь через проломы в заграждениях, разбегались в обе стороны, чтобы открыть оставшиеся ворота. Солдаты на стенах оказались в окружении. Многие пали при попытке выбраться из него, большинство же военачальников, включая Филиппо Контарини и Димитрия Кантакузина, были захвачены в плен^[234].

На кораблях Хамза-бея, находившихся в Мраморном море, тоже заметили сигналы и отправили к стенам десантные партии. В районе Студиона и Псамафии, видимо, никакого сопротивления им оказано не было; защитники здесь немедленно сдались в надежде сохранить свои дома и церкви от грабежа^[235]. Слева от них упорно сражался принц Орхан со

своими турками, твердо зная, какая участь ожидает их, если они попадут в руки султана^[236]; с таким же упорством возле Старого императорского дворца сражались каталонцы, пока все они не были либо захвачены в плен, либо убиты^[237]. Командующий обороной в районе Акрополя кардинал Исидор счел благоразумным покинуть свой пост. Изменив свою внешность, он попытался скрыться^[238].

Султан удерживал при себе несколько полков в качестве своего эскорта и военной полиции. Однако большинство его солдат уже жаждали приступить к грабежу. Особенное нетерпение проявляли матросы, опасавшиеся, как бы их не опередили солдаты. Надеясь, что цепь помешает христианским кораблям вырваться из залива и они еще успеют захватить их, когда освободятся, матросы побросали свои суда и бросились на берег. Их алчность спасла жизни множества христиан. В то время как многие греческие и итальянские матросы, включая самого Тревизано, были захвачены в плен, прежде чем они сумели покинуть стены, некоторым из матросов все же удалось беспрепятственно добраться до своих кораблей и присоединиться к немногочисленным оставленным на них экипажам; они тут же привели корабли в боевую готовность на случай сражения. Другие успели вскарабкаться на уже готовые отчалить суда или догнать их вплавь, как флорентиец Тетальди.

Увидев, что город пал, командующий флотом Альвизо Диедо на небольшой лодке добрался до Перы и спросил у генуэзских властей, что они советуют своим соотечественникам: продолжать сражаться на заливе или выйти в открытое море? При этом он пообещал, что и в том и в другом случае его венецианские корабли поступят точно так же. Подеста Перы советовал направить султану посланцев, чтобы осведомиться, позволит ли он всем кораблям свободно уйти или пойдет на риск войны с Генуей и Венецией. В такой момент подобный совет вряд ли имел практический смысл; подеста между тем закрыл ворота гавани Перы, и Диедо, при котором находился также и ведший дневник событий Барбаро, оказался не в состоянии вернуться на свои корабли. Однако моряки генуэзских кораблей, стоявших под стенами Перы, заявили, что собираются уйти и хотели бы, чтобы венецианцы их поддержали. По их настоянию Диедо разрешили отплыть в его лодке. Он направился прямо к все еще наглухо закрытой цепи. Двое из его моряков обрубили топорами ремни, которыми она была прикреплена к стенам Перы, и цепь стала на своих поплавках медленно отплывать в сторону. Дав знак находившимся в заливе кораблям следовать за ним, Диедо направил лодку в образовавшийся проход. Семь

генуэзских судов из Перы тут же последовали за ним; вскоре к ним присоединилось большинство венецианских боевых кораблей, четыре-пять императорских галер и один-два боевых корабля генуэзцев. Все они постарались по возможности подобрать на борт как можно больше спасающихся в водах залива людей. Уже миновав заграждение, вся флотилия еще примерно около часа ожидала у выхода в Босфор, не удастся ли вырваться еще каким-нибудь судам. Затем корабли воспользовались поднявшимся сильным северным ветром и поплыли в Мраморное море и дальше через Дарданеллы навстречу свободе^[239].

У Хамза-бея так много судов оказалось без матросов, устремившихся в город, чтобы не упустить добычу, что он был бессилен помешать уходу флота Диедо. С теми кораблями, на которых еще остались экипажи, он обогнул разорванную цепь и вошел в Золотой Рог. Там он закрыл выход оставшимся в заливе кораблям — четырем-пяти императорским галерам, двум-трем генуэзским галерам, а также всем безоружным торговым судам венецианцев. Большинство их было так переполнено беженцами, что они просто и не смогли бы выйти в море. Несколько небольших лодок все-таки сумели проскользнуть через залив в Перу. Но теперь при свете наступившего дня от турок уже не так легко было уйти. К полудню весь залив со всем, что в нем находилось, был в руках победителей^[240].

В городе еще оставался один небольшой очаг сопротивления. Критские матросы, засевшие в трех башнях недалеко от входа в залив Золотой Рог, все еще держались, и выбить их оттуда никак не удавалось. К полудню, видя, что они остались совершенно одни, моряки скрепя сердце сдались султанским офицерам под условием сохранения их жизни и имущества. Два их судна стояли вытасченными на берег у башен. Без всяких препятствий со стороны турок, чье восхищение они завоевали, моряки спустили их на воду и отплыли на родину^[241].

Султан Мехмед уже много часов знал, что великий город принадлежит ему. Когда его люди прорвались сквозь деревянное заграждение, едва светало; вскоре после этого, когда бледная луна еще стояла высоко в небе, он сам отправился осмотреть брешь, через которую они прошли^[242]. Однако свой триумфальный въезд в город он отложил до вечера, когда разгул резни и грабежа должен уже стихнуть и восстановится какой-то порядок. А пока что он вернулся в свой шатер, где принял делегации испуганных жителей Перы и лично подесту^[243].

Кроме того, он желал выяснить судьбу императора Константина, однако точно она так и осталась неизвестной. Впоследствии в итальянских

колониях в Леванте ходил рассказ о том, что два турецких солдата, утверждавшие, что они убили Константина, принесли султану голову, которую захваченные придворные императора опознали как принадлежавшую их господину; Мехмед повелел водрузить ее на колонну, стоявшую на Форуме Августа, затем забальзамировать ее и послать для обозрения ко дворам самых могущественных владык мусульманского мира. Свидетели, оставившие свои описания падения города, это событие изображают по-разному. По словам Барбаро, нашлись лица, утверждавшие, что видели тело императора среди груды убитых, в то время как другие уверяли, что оно так и не было найдено. Нечто похожее писал и флорентиец Тетальди: одни утверждали, по его словам, что императору в схватке снесли голову, а другие — что он погиб в воротах после того, как его свалили на землю. При этом он добавляет, что обе эти версии могли быть достоверными, поскольку император действительно погиб в толпе, а большинство вражеских трупов турки обезглавили.

Преданный друг императора Франдзис пытался выяснить эту историю подробнее; ему, однако, удалось лишь узнать, что, когда султан послал на поиски тела, отмыли множество трупов и голов с целью опознать императора. В конце концов было найдено тело в носках с вышитыми орлами; та же эмблема была выбита и на ножных латах. Решили, что это и есть император, и султан отдал его грекам для погребения. Франдзис сам этого не видел, и у него остались некоторые сомнения относительно того, что это действительно был его господин; не смог он также выяснить, где было погребено тело. В последующие столетия богомольцам показывали в квартале Вефа безымянную могилу как место погребения императора. Достоверность этого так никогда и не была доказана, и теперь могила заброшена, а место ее забыто ^[244].

Независимо от того, каковы были подробности гибели и погребения императора, султан Мехмед был удовлетворен тем, что император Константин мертв: отныне он был не только султаном, но и наследником и властителем древней Римской империи.

Глава XI.

Участь побежденных

Со времен халифа Омара и первых великих завоевателей под знаменем ислама мусульманская традиция предписывала должным образом обращаться с покоренными народами. Если город или область сдаются завоевателю добровольно, они не подлежат разграблению, хотя их и можно заставить выплачивать контрибуцию; христианское и еврейское население может сохранить свои культовые сооружения при условии соблюдения определенных правил, касающихся самих зданий. Даже если капитуляция носит вынужденный характер, поскольку обороняющиеся уже не в состоянии держаться дольше, данное правило остается в силе, хотя в этом случае победитель может настаивать на более жестких условиях — значительно более тяжелой контрибуции и наказании наиболее упорных противников. Но если город взят штурмом, его жители не имеют никаких прав. Армии завоевателей разрешается в этом случае в течение трех дней неограниченно грабить город, а бывшие храмы, так же как и все другие здания, становятся собственностью главы победителей, и он может поступить с ними так, как ему заблагорассудится.

Султан Мехмед обещал своим солдатам три дня полного разграбления города, на что они и имели право. Несметными толпами турки хлынули в город. Правда, после того как передовые части прорвались через стены, султан потребовал соблюдения некоторого порядка вступления в город. Войска одно за другим торжественным маршем с развевающимися знаменами проходили через ворота под звуки оркестров. Но как только они оказывались внутри города, все немедленно устремлялись на дикую охоту за добычей. Еще не веря вначале, что сопротивление уже прекратилось, они убивали подряд всех, кого встречали на улицах: мужчин, женщин, детей. Потоки крови стекали по крутым улицам Константинополя с холмов Петры в Золотой Рог. Однако вскоре жажда убийства была утолена, и солдаты занялись более выгодным делом — захватом людей и ценностей^[245].

Из тех, кто проник через бреши в заграждениях или Керкопорту, многие бросились грабить находившийся в стороне Влахернский императорский дворец. Они опрокинули его охрану из венецианцев и стали расхватывать все его сокровища, сжигая иконы и книги, едва сорвав с них переплеты и оклады, оправленные драгоценностями, выламывали из стен

куски мозаики и мрамора. Другие ринулись к небольшим, но великолепным церквям, расположенным поблизости от стен, — св. Георгия у Харисийских ворот, св. Иоанна в Петре, а также к изумительной по красоте церкви монастыря Христа Спасителя в Хоре, разграбив их хранилища с драгоценной утварью и одеждой и унося все, что только можно было содрать. В храме Хоры они оставили нетронутыми мозаики и фрески, но уничтожили икону Богоматери Одигитрии — самое священное ее изображение во всей Византии, выполненное, по преданию, самим святым Лукой. Ее перенесли сюда из церкви Богородицы близ дворца в самом начале осады, чтобы эта святыня, находясь как можно ближе к стенам, вдохновляла их защитников. Турки вытащили икону из оклада и раскололи на четыре части. Затем они разбежались: одни — к близлежащим домам, другие — к базарам и крупным зданиям в восточной оконечности города^[246].

Матросы с кораблей, находившихся в Золотом Роге, к этому времени уже проникли в город через Платейские ворота и опустошали расположенные вдоль стены склады с товарами. Тут внимание некоторых из них привлекла душераздирающая процессия рыдавших женщин, направлявшихся к церкви св. Феодосии молить ее о защите в ее престольный день. Захватчики тут же окружили женщин и распределили эту добычу между собой; затем они ворвались в саму церковь, украшенную в этот день розами, и захватили молившихся в ней^[247]. Другие поднялись вверх по холму и присоединились к солдатам, прибежавшим со стороны сухопутных стен и грабившим трехчастную церковь Пантократора с примыкавшими к ней монастырскими постройками, а также расположенную неподалеку церковь Пантеопта^[248]. Вошедшие через Орейские ворота разграбили прежде всего квартал рынка, а потом стали подниматься вверх в направлении ипподрома и Акрополя. Матросы же с кораблей флотилии Мраморного моря проникли между тем в Старый императорский дворец, но его помещения оказались заброшенными и наполовину разрушенными. Зато неподалеку находились такие все еще великолепные церкви, как Неа Базилика, которую Василий I построил почти пять веков назад. Все они были начисто разграблены. Затем матросы обеих флотилий и первые группы солдат, прорвавшихся через сухопутные стены, столкнулись друг с другом у портала величайшего храма всей Византии — собора св. Софии^[249].

Церковь все еще была заполнена народом. Святая литургия уже закончилась и шла заутреня. Когда снаружи послышался шум, громадные

бронзовые двери храма закрыли. Собравшиеся внутри молились о чуде, которое одно только и могло их спасти. Но их молитвы были напрасны. Прошло совсем немного времени, и двери под ударами снаружи рухнули. Молящиеся оказались в западне. Немногочисленные старики и калеки были убиты на месте; большинство же турки связали или приковали друг к другу группами, причем в качестве пут пошли в ход сорванные с женщин платки и шарфы. Многие красивые девушки и юноши, а также богато одетые вельможи были чуть ли не разорваны на части, когда захватившие их солдаты дрались между собой, считая своей добычей. Вскоре длинную процессию из небольших групп наспех собранных и крепко привязанных друг к другу мужчин и женщин погнали к солдатским бивуакам, где из-за них снова возобновились распри. Священники продолжали читать у алтаря молитвы до тех пор, пока также не были схвачены. Однако в последний момент — по крайней мере многие благочестивые люди в это верили — некоторые из них, захватив с собой священные сосуды, направились к южной стене, которая открылась и сомкнулась за ними; они останутся там за стеной до тех пор, пока это священное здание вновь не превратится в церковь ^[250].

Разграбление города продолжалось целый день. Турки врывались в мужские и женские монастыри и вязали их обитателей. Некоторые молодые монахи, предпочитая бесчестью мученическую смерть, бросались в колодцы; монахи же и пожилые монахини следовали древней традиции православной церкви, предписывавшей не оказывать сопротивления. Дома жителей также подверглись грабежу один за другим; каждая группа грабивших вывешивала у входа небольшой флажок в знак того, что в доме уже брать нечего. Обитателей домов забирали вместе с их имуществом. Каждого, кто падал от изнеможения, тут же убивали; так же поступали и с многими младенцами, за которых ничего нельзя было выручить; однако в большинстве случаев схваченных оставляли в живых. В городе в то время еще имелись крупные библиотеки, из них несколько светских, но большинство было при монастырях. Большая часть книг была сожжена, но среди турок нашлись и достаточно проникательные, чтобы сообразить, что книги тоже являются своего рода товаром, поэтому множество книг уцелело и впоследствии продавалось за гроши любому желающему. В церквах происходили сцены массового надругательства над святынями. Многие распятия, украшенные драгоценностями, выносили из храмов с лихо напыленными на них турецкими тюрбанами. Множеству церковных зданий были причинены непоправимые разрушения ^[251].

К вечеру в городе уже не осталось почти ничего, что еще можно было бы разграбить; поэтому никто не возражал, когда султан приказал прекратить грабеж. В оставшиеся два дня у солдат и так было достаточно хлопот: нужно было делить между собой добычу и подсчитывать захваченных пленных. По слухам, количество захваченных людей составляло около 50 тыс., из них только 500 солдат. Все остальные христианские воины погибли, за исключением тех немногих, которым удалось спастись на судах. Число убитых, включая мирных жителей, павших жертвами резни, по словам очевидцев, составило около четырех тысяч ^[252].

Сам султан вступил в город лишь к вечеру. С эскортом из отборных отрядов янычарской гвардии, сопровождаемый своими везирами, он медленно проехал по улицам Константинополя до собора св. Софии. Перед входом в храм он спешился и, преклонив колени, посыпал свой тюрбан горстью земли в знак смирения перед Аллахом. Он вошел в собор и какое-то время постоял в молчании. Затем Мехмед направился к алтарю; при этом он заметил, как какой-то солдат пытался выломать кусок мрамора, покрывавшего пол. Он гневно повернулся к нему и сказал, что разрешение грабить не означает, что можно разрушать здания: он их намерен оставить себе. В церкви все еще находилось несколько греков, в страхе жавшихся по углам, солдаты еще не успели связать их и увести. Он приказал отпустить этих людей домой с миром. В этот момент из потайных ходов за алтарем появились несколько священников и пали перед ним, моля о пощаде. Их он также отпустил и даже снабдил охраной. Но он твердо объявил свое намерение, чтобы церковь была немедленно превращена в мечеть. Один из его улемов взобрался на кафедру и провозгласил, что нет бога, кроме Аллаха. После чего султан сам взошел на амвон и воздал почести своему богу, даровавшему победу ^[253].

Покинув собор, султан пересек площадь и подъехал к Старому императорскому дворцу. Говорят, что, проходя по его полуразрушенным залам и галереям, он шептал стихи персидского поэта: «Во дворце Цезарей вьет свою паутину паук; в башнях Афрасиаба дозор несет сова» ^[254].

По мере того как султан ехал по улицам, в городе восстанавливался порядок. Армия уже насытилась грабежом, и военная полиция следила за тем, чтобы люди возвращались к своим бивакам. Обратно в лагерь он ехал по уже затихшим улицам.

На следующий день он приказал, чтобы ему предъявили всю награбленную добычу, и отделил себе долю, полагающуюся ему как

предводителю; он позаботился и о том, чтобы соответствующая часть добычи была выделена для тех войск, служебный долг которых не позволил им принять участие в грабеже. Кроме того, он оставил за собой всех пленников, принадлежавших к самым знатным византийским фамилиям, и высоких должностных лиц, которые уцелели во время резни. Он немедленно освободил большинство знатных дам, снабдив многих из них деньгами, достаточными для того, чтобы они могли выкупить свои семьи, но оставил для своего серала самых красивых из их юных сыновей и дочерей. Многим другим молодым людям были предложены свобода и офицерские должности в султанской армии при условии обращения в мусульманство. Лишь немногие из них оказались вероотступниками; большая часть предпочла терпеть все невзгоды, но остаться верными христианству. Среди греческих пленников султан обнаружил мегадуку Луку Нотараса и около девяти других министров императора. Он сам выкупил их у пленивших и принял их милостиво, освободив мегадуку и еще двух-трех министров. Однако многие другие сановники Константина, и в том числе Франдзис, не были опознаны и остались среди невольников ^[255].

Итальянским же пленникам не было оказано подобного снисхождения. Венецианский балыи Минотто был казнен вместе с одним из своих сыновей и семью другими знатными венецианцами. Среди последних находился Катарино Контарини, которого уже выкупили у солдат Заганос-паши, но затем снова схватили, потребовав теперь за его освобождение 7 тыс. золотых — сумму, которую никто из его друзей не был в состоянии заплатить. Был также казнен консул каталонцев Пере Хулиа вместе с пятью-шестью своими соотечественниками. Схваченный архиепископ Леонард не был опознан, и его вскоре выкупили купцы из Перы, которые поспешили в турецкий лагерь, чтобы спасти своих соотечественников.

Судьба кардинала Исидора сложилась еще удачнее. Он отдал свое церковное облачение нищему в обмен на лохмотья последнего. Нищий был схвачен и обезглавлен, и его голову выставили как принадлежавшую кардиналу, в то время как Исидор был за гроши продан узнавшему его купцу из Перы. Турецкий принц Орхан также пытался спастись, изменив свою внешность. Он принял облик греческого монаха в надежде, что отличное знание греческого языка оставит его вне подозрений. Однако после того как его также схватили, он был выдан другим пленником и тут же обезглавлен.

Генуэзская галера, на которую перенесли раненого Джустиниани, была одной из тех, которым удалось вырваться из Золотого Рога. Его доставили

на Хиос, где он и умер день-два спустя. Для своих товарищей Джустиниани остался героем; греки же и венецианцы, несмотря на то что они восхищались его энергией, храбростью и организаторскими способностями, проявленными во время осады, считали, что под конец он запятнал себя дезертирством. Ему следовало мужественно пересилить боль и умереть на посту, а не ставить своим уходом под угрозу всю оборону. Даже многим генуэзцам было стыдно за него. Архиепископ Леонард горько упрекал его за эту не вовремя проявленную слабость.

Судьба плененных греков оказалась весьма различной. После истечения трехдневного срока, официально отведенного для грабежа, султан издал фирман, по которому все греки, оставшиеся на свободе или уже выкупленные, могут вернуться в свои дома; их жизнь и имущество отныне объявляются неприкосновенными. Таких, однако, оказалось не так уж много, так же как совсем немногие из их домов были теперь пригодны для жилья. Говорили, что сам Мехмед послал по четыре сотни греческих детей в дар каждому из трех наиболее могущественных мусульманских правителей того времени — султану Египта, бею Туниса и эмиру Гренады^[256]. Многие греческие семьи остались навсегда разлученными. Матфей Камариотис, оплакивая Константинополь, пишет о том, какие отчаянные усилия предпринимали он и его друзья, чтобы отыскать своих родных. Сам он лишился сыновей и братьев. Впоследствии он узнал, что некоторые из них были убиты, другие пропали без вести; он также обнаружил, к своему стыду, что его племянник выжил ценой отступничества от веры^[257].

Милостивое отношение, которое Мехмед проявил к оставшимся в живых министрам императора, оказалось недолговечным. Он говорил о том, что сделает Луку Нотараса правителем побежденного города. Однако если такое намерение действительно было у султана, то очень скоро он передумал. Великодушие султана всегда портила его подозрительность. Советники Мехмеда убеждали его не доверять мегадуке, и султану вскоре подвернулся случай проверить его лояльность. Через пять дней после падения города Мехмед устроил пир. Когда он уже достаточно опьянел, кто-то шепнул ему, что у Нотараса есть сын четырнадцати лет необыкновенной красоты. Султан тут же послал своего евнуха в дом мегадуки с требованием отдать мальчика в его гарем. Нотарас, оба старших сына которого пали в бою, отказался подвергнуть мальчика такой позорной участи. Тогда посланная за ним полиция привела к султану самого Нотараса вместе с сыном и юным зятем, сыном великого доместика

Андроника Кантакузина. Когда Нотарас вновь ответил султану отказом, тот приказал немедленно обезглавить его и обоих юношей. Единственной просьбой Нотараса перед смертью было, чтобы юношей казнили раньше его, дабы вид его смерти не вызвал у них колебаний; после их казни он спокойно обнажил шею и подставил ее палачу. На следующий день были арестованы и отправлены на эшафот еще девять греческих знатных лиц. Позднее писали, что султан впоследствии сожалел об их смерти и даже наказал советников, возбуждивших его подозрения. Однако, вероятнее всего, его раскаяние было столь запоздалым намеренно, поскольку он принял решение уничтожить правящую верхушку павшей империи^[258].

Женщины из семей казненных снова попали в неволю и были присоединены к длинной процессии узников, сопровождавшей турецкий двор на его обратном пути в Адрианополь. Вдова Нотараса умерла в дороге в деревне Мессини. В ее жилах текла императорская кровь; после смерти вдовствующей императрицы она была первой дамой Византии, глубоко уважаемой даже противниками ее мужа за благородство и добрые дела^[259]. Одна из ее дочерей, Анна, к этому времени уже была в безопасности в Италии вместе с частью фамильных богатств^[260].

Франдзис, чья ненависть к мегадуке не смягчилась даже после их общего несчастья, дал в своих записках весьма пристрастное и неправдоподобное описание его смерти. Сам же он пережил почти такую же трагедию. Восемнадцать месяцев он был невольником в доме конюшего султана, прежде чем ему удалось выкупить себя и жену; однако двое его детей, девочка и мальчик, оба крестники императора Константина, были взяты в султанский гарем. Дочь Тамара умерла там еще ребенком; мальчик же был казнен султаном за то, что отказался уступить его постыдной страсти^[261].

21 июня султан и его двор покинули покоренный город, направившись в Адрианополь. Позади них оставался наполовину разрушенный, опустошенный и покинутый Константинополь; он весь почернел, как будто от огня, и в нем царила необычная тишина. Все вокруг, где побывали солдаты, было опустошено и разорено; церкви стояли оскверненными и разграбленными, дома — необитаемыми, лавки и склады — разбитыми и растасканными. Сам султан, проезжая по улицам, прослезился. «Какой город отдали мы на разрушение и разграбление», — прошептал он.

Он, однако, позаботился и о том, чтобы не оказался разрушенным весь город. Густонаселенные кварталы в центральной, возвышенной части его, торговые районы в восточной части на берегу Золотого Рога, Влахернский

дворец и расположенные поблизости от него дома знати, старинные дворцы и церкви в районе ипподрома и Акрополя — все это сильно пострадало. Однако, прочтя ужасающие описания турецкого погрома, сделанные убитыми горем современными христианскими авторами, мы, к своему удивлению, обнаруживаем, что в городе были районы, где церкви, по-видимому, остались нетронутыми; христиане продолжали ими пользоваться без всякого перерыва. Но ведь в городе, взятом приступом, его жителям не должно было быть оставлено ни одного места поклонения. Это противоречие легко объяснить, если вспомнить характер планировки Константинополя, где некоторые селения и кварталы были отделены друг от друга довольно обширными открытыми пространствами. Когда стало известно, что турки прорвались внутрь города, местные власти некоторых кварталов и районов тут же благоразумию сдались нападающим и открыли перед ними ворота. Возможно, что представители этих властей были затем отправлены под охраной с ключами от ворот своих кварталов в лагерь султана, и тот отнесся к ним как к добровольно сдавшимся, послав на место надежные полицейские силы; в результате их церкви, а может быть, и жилые дома оказались защищенными от грабежа. Так, в Петрионе, где рыбаки добровольно открыли свои ворота, и в расположенном рядом квартале Фанар церкви остались нетронутыми. Не пострадали церкви и в районах Псамафии и Студиона, расположенных на берегу Мраморного моря, где защитники успели быстро сдаться морякам флотилии Хамза-бея. Несомненно также, что именно жители этих районов смогли собрать деньги для выкупа своих сограждан из других, более несчастливых мест города. Если бы никому не удалось избежать разграбления, было бы просто невозможно найти денег, чтобы выкупить пленников^[262].

Еще более знаменателен тот факт, что большой собор св. Апостолов, второй по величине и почитанию храм города, избежал погрома и все его сокровища остались нетронутыми; собор был расположен неподалеку от главной улицы, шедшей от Харисийских ворот, и огромное число турок не могло пройти мимо, не заметив его. Скорее всего султан заранее решил, что эту церковь он сохранит для своих христианских подданных, забрав у них храм св. Софии, и поэтому направил к собору св. Апостолов охрану^[263].

В последующие времена турецкие султаны уже не были столь терпимы по отношению к христианам и отобрали у них одну за другой их церкви. Мехмед же Завоеватель, после того как завоевание свершилось, хотел показать, что считает греков такими же верными своими подданными, как и турок. Христианская империя прекратила свое

существование; он же, рассматривая себя как наследника ее императоров, не забывал о своих обязанностях в качестве такового ^[264].

Первой среди них была забота о благосостоянии православной церкви. Мехмед был хорошо осведомлен о ее трудностях последних лет и теперь получил возможность выяснить о них подробнее. Он узнал, что сторонник унии, патриарх Григорий Маммас, бежал из города еще в 1451 г., лишившись, таким образом, по мнению греков, престола. Необходимо было избрать нового патриарха; при этом было очевидным, что только один человек подходил для этого поста — почитаемый глава противников унии, ученый Георгий (Геннадий) Схоларий.

Когда Константинополь пал, Георгий Схоларий находился в своей келье в монастыре Пантократора. Большая трехчастная церковь монастыря немедленно привлекла к себе внимание вторгшихся орд. В то время как одни грабили монастырские помещения, другие бросились вязать монахов, чтобы продать их в неволю. Когда султан послал своих людей с приказом привести к нему Георгия, того найти не удалось. Позднее выяснилось, что он был продан одному богатому турку из Адрианополя, который был польщен и даже несколько смущен тем, что приобрел столь почтенного и образованного невольника, и обращался с ним в высшей степени учтиво. Об этом его приобретении доложили султану, и через несколько дней его посланцы прибыли в дом турка, чтобы доставить Георгия обратно в Константинополь.

Султан Мехмед уже выработал основные контуры своей политики по отношению к греческим подданным. Они должны были образовывать *миллет* — самоуправляемую общину внутри его империи под властью своего религиозного главы — патриарха, ответственного за их поведение перед султаном. После некоторых колебаний Георгий Схоларий согласился принять сан патриарха. Из епископов, которых удалось разыскать поблизости, был образован Священный синод, который по просьбе султана официально избрал Георгия под его монашеским именем Геннадия на патриарший престол. По-видимому, это произошло еще до того, как султан покинул Константинополь в конце июня, хотя точная дата избрания осталась неизвестной. Прошло еще несколько месяцев, прежде чем состоялась официальная интронизация Геннадия. Церемония, очевидно, имела место 6 января 1454 г. Вся процедура была скопирована с византийских времен. В роли императора султан дал новому патриарху аудиенцию и вручил ему символы его сана — облачение, посох и наперсный крест. Прежний крест исчез: видимо, либо его утащили во время грабежа, либо прежний патриарх Григорий Маммас при своем

бегстве в Рим прихватил его с собой; поэтому по приказу султана был изготовлен великолепный новый крест. Церемония включала специальное обращение султана. Оно гласило: «Будь патриархом, и да сопутствует тебе удача. Будь уверен в нашей дружбе, пользуйся всеми теми привилегиями, которые имели патриархи до тебя». Затем новый патриарх сел на великолепного скакуна, подаренного султаном, и отправился в собор св. Апостолов, который теперь, когда храм св. Софии был превращен в мечеть, стал патриаршим. Там по древнему обычаю он был рукоположен митрополитом Гераклеяским. После этого патриарх прошел с процессией по городу и вернулся в свою новую резиденцию на территории собора.

В дальнейшем султан и патриарх разработали совместно новый свод законов для греческого миллета. По словам Франдзиса, который, видимо, узнал о нем, еще будучи в неволе, Мехмед дал Геннадию письменный документ, обещавший ему личную неприкосновенность, освобождение от уплаты налогов, полную гарантию сохранения престола, полную свободу передвижения и право передачи этих привилегий своим преемникам на вечные времена; такие же привилегии были даны митрополитам и другим церковным сановникам, входящим в Священный синод. У нас нет оснований сомневаться в достоверности этой информации; впрочем, гарантия сохранения престола, разумеется, не отменяла права Священного синода сместить патриарха, объявив его избрание неканоничным, как это не раз имело место в Византии. Патриаршие хронисты следующего столетия утверждали, что в другом документе султан обещал Геннадию, что церковь будет законно взыскивать сборы за бракосочетания и похороны, что православные могут отмечать Пасху как праздник в течение трех дней и в эти дни им разрешается свобода передвижения и что отныне ни одна церковь не будет превращена в мечеть. Право церкви управлять христианской общиной, видимо, подразумевалось само собой, если судить по *бератам*, которые были выпущены турецкими властями в более поздние времена и утверждали избрание епископов с перечислением их обязанностей. Церковным судам было дано право слушать все дела православных, имеющие отношение к религии, включая брак и развод, завещание и опеку над малолетними. Всеми другими гражданскими делами православных занимались учрежденные патриархом светские суды. Только уголовные дела и дела, касающиеся также и мусульман, передавались в турецкие суды. Сама церковь не собирала налогов государству с греческих общин: это было обязанностью главы местной администрации. Однако от церкви могли потребовать применить угрозу отлучения или наложения каких-либо других религиозных санкций на христиан, которые не платили

налогов или каким-либо иным образом не подчинялись законам государства. Духовенство освобождалось от уплаты налогов, но могло делать от своего имени вклады, которые номинально считались добровольными. Из христиан только ее представителям разрешалось носить бороды; кроме того, христиане должны были ходить в особой одежде и не имели права носить оружие. Порядок набора мальчиков для янычарских полков был сохранен^[265].

В целом это были условия, которые мусульмане обычно предписывали завоеванным христианским общинам. Однако константинопольские греки получили одну особую уступку. Взывающие к жалости посланцы, поспешившие к султану с ключами от своих кварталов, когда он еще не вошел в завоеванный город, были вознаграждены за свою инициативу. Официально, по-видимому, только великий собор св. Софии был по приказу Султана-Завоевателя превращен в мечеть. Во всех других местах города, за исключением кварталов, попавших под особое покровительство — Петриона и Фанара, а также Студиона и Псамафии, христиане фактически лишились своих церквей, которые почти все были начисто разграблены и осквернены, а окружающие их кварталы опустошены. Было бы бесполезно пытаться восстанавливать и заново освящать их, даже если бы на это имелось разрешение. Но христианам было оставлено и так достаточно много храмов, значительно больше, чем могли ожидать многие оптимисты. Турецкие правоведы позднейших времен никак не могли понять, каким образом во взятом штурмом и разоренном городе мог сохраниться хоть какой-то храм.

Подобная ситуация устраивала Султана-Завоевателя, поскольку он решил отвести эти кварталы для проживания в Константинополе своих греческих подданных, которым требовались здания, где они могли бы молиться. Со временем, однако, его установления были забыты. Одна за другой старые церкви отбирались у христиан и превращались в мечети, пока к началу XVIII в. в их руках не осталось только три старых византийских храма: церковь, известная под именем св. Марии Монгольской, сохраненная специальным фирманом Султана-Завоевателя, выданным его любимому архитектору, греку Христодулосу, и две часовни, настолько крошечные, что их, должно быть, просто не заметили, — св. Димитрия Канаву и св. Георгия Кипарисского; все же остальные были вновь построенными зданиями очень скромного вида, чтобы не оскорблять взора победителей-мусульман^[266].

Начало этому процессу положил сам патриарх Геннадий. Церковь св.

Апостолов, отведенная ему Мехмедом, была в плачевном состоянии, и, для того чтобы привести ее в порядок, требовалось слишком много денег, даже если бы христианам вообще разрешили заново отделать такое большое здание. Район, в котором находился собор, был теперь населен турками, и им такое соседство было не по нутру. Однажды, вероятно летом 1454 г., на церковном дворе нашли труп турка. И хотя он без сомнений, был туда подброшен, это дало туркам повод открыто проявить свою враждебность. Геннадий благоразумно попросил разрешения перенести свою резиденцию. Собрав все хранившиеся в церкви сокровища и святыни, он перенес их в собор женского монастыря Паммакаристы в квартале Фанар. Монахинь переселили оттуда в здания, примыкающие к расположенной поблизости церкви св. Иоанна в Трулле, а Геннадий со своими приближенными перебрался в помещения монастыря. Паммакариста оставалась патриаршей церковью более ста лет. Султан-Завоеватель время от времени навещал здесь своего друга Геннадия, которого очень уважал.

Обычно султан не входил в саму церковь, опасаясь, как бы его чересчур ревнивые почитатели впоследствии не сочли это предлогом для того, чтобы отнять ее; они с Геннадием, как правило, беседовали в боковой часовне, чьи изумительные мозаики теперь возвращены миру. Они обсуждали проблемы политики и религии; по просьбе султана Геннадий написал для него короткий, составленный в мирном духе трактат, разъяснявший и защищавший положения, отличающими христианскую доктрину от ислама. Однако тактичность, проявленная султаном, не послужила добрым примером: в 1586 г. его потомок Мурад III отнял церковь у христиан и превратил ее в мечеть ^[267].

Между тем султан Мехмед стал подумывать о восстановлении Константинополя, запустение которого первоначально отталкивало его. Архитекторы султана продолжали работу над проектом большого дворца в Адрианополе, на острове в течении реки Марицы, задуманного как его главная резиденция. Однако вскоре он переменял свое решение. Ведь он был теперь наследником императоров и должен жить в их столице. В центральной, возвышенной части города, недалеко от того места, где сейчас расположен Университет, он соорудил для себя небольшой дворец и занялся планами строительства большого дворца на месте древнего Акрополя. Во всех его владениях турок поощряли переселяться в завоеванный город. Правительство оказывало им материальную помощь в строительстве домов и лавок. Грекам, оставшимся в городе, а также выкупленным пленникам, была гарантирована безопасность; они, видимо, тоже получали от государства какую-то помощь. Ряд аристократических

византийских семей, которые в предшествовавшие катастрофе годы предпочли переселиться в провинцию, позволили уговорить себя вернуться, после того как им намекнули, что они будут пользоваться привилегиями, соответствующими их званию.

Однако для многих из них единственной «привилегией» оказалась тюрьма и даже смерть, с тем чтобы они не стали благодаря своей знатности лидерами каких-либо враждебных сил. Когда последние очаги греческой свободы были погашены, большинство их обитателей были насильно переселены в Константинополь. Пять тысяч семей переселили сюда из Трапезунда и соседних с ним городов. Среди переселенцев были не только представители аристократии, но также лавочники и ремесленники, в том числе каменщики, принявшие участие в строительстве новых домов, рынков, дворцов и укреплений. Затем, по мере того как в город возвращалось спокойствие, а с ним и благосостояние, все большее число греков приезжало сюда уже по своей собственной воле, чтобы воспользоваться возможностями, которые этот великолепный возрожденный город снова открывал для купцов и ремесленников. Вслед за греками поспешили особенно поощряемые султаном армяне, соперники греков в их стремлении доминировать в коммерческой и финансовой жизни города, а вместе с ними и множество полных не меньших вожделений и амбиций евреев. Турки тоже продолжали наводнять город, чтобы насладиться прелестями столицы, которую они завоевали^[268].

Задолго до своей смерти в 1481 г. султан Мехмед мог с гордостью взирая на новый Константинополь — город, в котором каждый день появлялись новые здания, шумели базары, оживленно работали мастерские. С момента завоевания население Константинополя увеличилось в четыре раза, а в течение следующего столетия оно превысило полмиллиона^[269]. Уничтожив древнюю гибнущую столицу византийских императоров и на ее месте создав новую блестящую столицу, он хотел, чтобы его подданные любой веры и национальности жили в ней вместе в мире и благополучии.

Глава XII.

Европа и завоеватель

В субботу 9 июня 1453 г. в гавань Кандии на Крите вошли три корабля. На двух из них находились критские моряки, которые последними прекратили сопротивление в битве за Константинополь. Они привезли весть о том, что 11 дней назад город пал. Весь остров оцепенел от ужаса. «Никогда не было и никогда не будет более страшного события», — писал монах-летописец в монастыре Агарафос^[270].

Другие спасшиеся прибыли в венецианские колонии Халкис и Модон; губернаторы колоний немедленно направили в Венецию донесения о случившемся. Гонцы прибыли туда 29 июня. Срочно было созвано заседание сената, на котором секретарь прочитал потрясенным сенаторам письма обоих губернаторов. На следующее утро из Венеции в Рим отправился курьер с полученным известием. 4 июля он остановился в Болонье, где находилась резиденция кардинала Виссариона, которому он под большим секретом сообщил печальную новость. Четыре дня спустя его принял папа Николай V. Другой курьер был послан из Венеции в Неаполь, чтобы предупредить арагонского короля Альфонса^[271].

В скором времени весь Западный христианский мир узнал о том, что великий город оказался в руках неверных. Потрясение было тем сильнее, что никто на Западе этого всерьез не ожидал. Люди знали, что город в опасности, но, погруженные в свои местные заботы, они не понимали, насколько острой была эта опасность. Они слышали, что Константинополь прекрасно укреплен, что ему на помощь уже отправились отряды храбрецов и на Восток отплывает флотилия венецианцев. Однако никто не обратил внимания ни на то, как вопиюще мал был гарнизон Константинополя по сравнению с ордами неверных, ни на то, что у султана была артиллерия, против которой не могли выстоять ни одни древние стены. Даже венецианцы, имевшие достоверные источники информации и большой практический опыт, верили, как и папа, что защитники вполне смогут продержаться до прибытия подкреплений^[272].

В действительности же венецианские галеры, которые помог снарядить папа, добрались лишь до берегов Хиоса и стояли там в ожидании попутного ветра, когда генуэзские суда, сумевшие вырваться из Перы, приплыли туда, чтобы сообщить о том, что торопиться уже некуда.

Венецианский адмирал Лоредано немедленно повернул свой флот назад, пересек Эгейское море и остановился в Халкисе в ожидании дальнейших указаний из Венеции^[273].

Он получил их в середине июля. 4 июля была созвана на чрезвычайное заседание Коллегия — личный совет дожа. Накануне в Венецию прибыл Лодовико Диедо, капитан находившихся в Константинополе галер, и теперь он в качестве очевидца дал подробный отчет о случившемся несчастье. Правительство решило вести себя с осторожностью; в то же время губернаторам Крита, Халкиса и Лепанто были посланы указания срочно принять меры для укрепления обороны колоний и приготовить запасы на случай нападения турок. 5 июля правительство отправило письмо Лоредано с указанием выделить корабль для доставки все еще находившегося вместе с ним венецианского посла Бартоломео Марчелло ко двору султана. Через неделю сенат проголосовал за то, чтобы предоставить в распоряжение Марчелло 12 тыс. дукатов на подарки султану и его везирам. 17 июля Марчелло были посланы подробные инструкции. Он должен был заявить султану, что Венеция не намерена аннулировать договор, заключенный между республикой и султаном Мурадом II. Он должен был также потребовать выдачи венецианских галер, захваченных в Золотом Роге, подчеркнув, что ни одна из них не является военным судном. Если султан откажется возобновить договор на прежних условиях, посол обязан сообщить об этом в Венецию; в случае же, если султан будет настроен благожелательно, он должен настаивать на том, чтобы венецианским купцам разрешили вернуться в Константинополь и пользоваться там теми же привилегиями, что и во времена Византии; кроме того, он должен был добиться освобождения всех взятых турками в плен венецианцев.

Еще через несколько дней сенат разрешил сыну венецианского бальи Минотто отправиться в Константинополь с целью попытаться выкупить своего отца, мать и брата. Возможно, ему удалось освободить мать, все же остальные были убиты. Примерно в то же время в Венеции было объявлено постановление, согласно которому деньги и имущество греческих беженцев, спасшихся на венецианских кораблях, подлежали конфискации, с тем чтобы эти средства пошли на уплату долгов, все еще числившихся за греками. Венеция стремилась возместить потери любыми путями. Ее убытки в Константинополе исчислялись 200 тыс. дукатов, и еще 100 тыс. было потеряно ее критскими подданными^[274].

Паника в Генуе была еще сильнее. Генуэзцы, истощенные длительной войной против Альфонса Арагонского, а также французов и миланцев,

стремившихся низвести их до положения своих вассалов, были не в состоянии послать войска для защиты своих левантийских колоний. Их уныние еще более возросло после получения послания подесты Перы Анджело Ломеллино от 17 июня, в котором тот рассказал об участии города. Подеста описывал, как в момент падения Константинополя он открыл ворота Перы войскам Заганос-паши и как, для того чтобы умиловить султана, усиленно уговаривал сограждан не бежать на своих кораблях. После падения города он немедленно отправил к султану двух своих посланцев — Лючано Спинолу и Бальдасаре Маруфоро — с выражением сердечных поздравлений с победой и просьбой подтвердить для Перы привилегии, бывшие у нее при византийцах.

Мехмед принял их раздраженным. Он был разгневан тем, что из Перы уплыло так много кораблей, и упрекал жителей колонии за то, что они вели двойную игру. Второе посольство, направленное спустя день-другой во главе с Бабиано Паллавичини и Марко де Франчи, было более успешным. По приказу Мехмеда Заганос-паша вручил им султанский фирман. В нем обещалось, что Пера не будет разрушена. Жители могут сохранить свои дома и лавки, виноградники, мельницы, склады и корабли. Никто не тронет их жен и детей, их сыновей не будут брать в янычары. Они будут пользоваться своими церквями, но звонить в колокола отныне запрещается, так же как строить новые церкви. Ни один турок не будет жить среди них, за исключением султанских чиновников. Они могут свободно торговать во владениях султана, передвигаясь как по суше, так и по морю. Генуэзские подданные также могут иметь свободный доступ в Перу. Они освобождаются от уплаты специальных пошлин и налогов, однако каждый проживающий в колонии мужчина должен платить подушную подать. Генуэзцы могут сохранить свои торговые правила, но в остальном обязаны подчиняться изданным султаном законам. Они должны выбрать своего главу, или старшину, который будет наблюдать за торговлей и входить в контакт с турецкими властями.

Пера, таким образом, по своему статусу была сведена до положения христианского города, который добровольно сдался мусульманам. Предложенные условия могли быть и хуже. Во всяком случае, подеста не мог их не принять. 3 июня султан лично посетил Перу. Он повелел, чтобы было сдано все личное оружие граждан и, кроме того, разрушены сухопутные стены, включая и башню св. Креста. В Перу был назначен турецкий правитель. Ломеллино покинул пост подесты, однако сограждане попросили его остаться в качестве их старшины до момента его возвращения в Геную в сентябре следующего года^[275].

Потеря Перы и установление турецкого контроля над Проливами поставили под угрозу существование генуэзских колоний на северном берегу Черного моря, и в особенности город Кафа в Крыму. Через этот порт Генуя торговала с татарами и странами Центральной Азии. Если бы республика отказалась от него, многие генуэзские граждане, вложившие там свои капиталы, обратились бы за компенсацией в казначейство, которое уже не могло позволить себе такие платежи. К счастью для генуэзского правительства, могущественная финансовая компания «Консилио Св. Георгия» согласилась принять на себя управление этими отдаленными колониями. Директорат «Консилио» считал, что из них все еще можно извлечь немалые доходы. Оказалось, однако, что все меньше и меньше находилось моряков, готовых плыть через Проливы, и купцов, согласных платить пошлины, установленные в них султанскими властями. И в любом случае было невозможно оказать колониям необходимую военную помощь. В течение полустолетия целая генуэзская империя на Черном море исчезла под ударами турок и их союзников — татар^[276]. Другой важной генуэзской колонией в Леванте был остров Хиос. В течение многих лет им управляла Магона — компания, учрежденная ведущими генуэзскими купцами и землевладельцами, жившими на острове. После потери Перы и, кроме того, учитывая неизбежную утрату черноморских колоний, Хиос стал главным аванпостом генуэзской империи; однако его стратегическое значение сильно пошатнулось из-за упадка восточной торговли. И здесь генуэзское правительство тоже не могло себе позволить ни попытаться удержать, ни оставить остров. Магоне были даны указания договариваться с султаном самостоятельно^[277].

Более мелкие торговые города Запада, поддерживавшие деловые связи с Константинополем, имели больше возможностей приспособиться к новой ситуации. В отличие от Генуи и Венеции они были более заинтересованы в местной, чем в восточной, торговле. Анконская колония в Константинополе при разграблении города понесла убытки более чем на 20 тыс. дукатов, однако сами анконцы не пострадали — очевидно, потому, что Мехмед знал и ценил главу их Анджело Больдони. Анконцы смогли продолжать торговлю с турками даже несмотря на то, что их верховный владыка, папа, не одобрял этого^[278]. Флорентийцы, чьи убытки оценивались приблизительно в ту же сумму, вскоре установили с султаном вполне хорошие отношения. Он предпочитал их другим итальянцам; особое восхищение Мехмед питал к семье Медичи^[279]. Каталонцы, которые храбро сражались и жестоко пострадали при осаде Константинополя,

вскоре снова появились в городе, хотя их консулат там, по-видимому, уже не был восстановлен^[280]. Рагузаны чуть было не открыли в правление Константина своего консулата в городе на очень выгодных условиях, обещанных им императором. К счастью для них, произошла задержка по административным причинам, и, таким образом, они избежали осады. Но им пришлось ждать пять лет, прежде чем добиться заключения торгового договора с султаном, после чего они стали играть важную роль в левантской торговле^[281].

Для многих набожных христиан готовность торговых городов вести дела с неверными выглядела как измена христианству. Это относилось в первую очередь к Венеции, которая вела двойную игру, пытаясь, с одной стороны, организовать крестовый поход против турок, а с другой — оградить свои торговые интересы, посылая к султану дружеские посольства. Ее послу Марчелло удалось после целого года переговоров заключить с султаном перемирие, которое предусматривало возможность выкупа оставшихся венецианских пленников и кораблей; он находился в Константинополе еще два года, безуспешно пытаясь добиться восстановления торговых привилегий для своих соотечественников. В 1456 г. он был отозван и посажен в тюрьму на один год за то, что дал согласие на освобождение нескольких турок, содержавшихся в плену в Халкисе. Этим человеком пожертвовали в бесчестной попытке доказать христианскому миру, что Венецианская республика является истинным врагом неверных^[282].

Для Рима сложившаяся ситуация выглядела довольно ясной: все западные державы должны сообща предпринять мощный и решительный Крестовый поход. Папа Николай V, хотя и был уже человеком, уставшим от дел и не питавшим иллюзий, собрал все свои силы, чтобы возглавить этот поход. Еще с того момента, как из Константинополя пришло роковое известие, он рассылал свои послания, призывая к активным действиям. 30 сентября 1453 г. он разослал всем западным государям буллу с объявлением Крестового похода. Каждому государю предписывалось пролить кровь свою и своих подданных за святое дело, а также выделить на него десятую часть своих доходов^[283]. Оба кардинала-грека — Исидор и Виссарион — активно поддерживали его усилия. Виссарион сам написал венецианцам, одновременно обвиняя их и умоляя прекратить войны в Италии и сосредоточить все свои силы на борьбе с антихристом^[284]. Еще большую энергию проявил папский легат в Германии, сиенский гуманист Энеа Сильвио Пикколомини, который на протяжении всего 1454 г. разъезжал по

своей епархии и выступал на всех ландтагах страны, на которых красноречиво доказывал необходимость Крестового похода. По его настоянию было принято множество прекрасных резолюций, но ничего конкретного сделано не было^[285]. Император Фридрих III полностью сознавал турецкую опасность. Он знал также, что под угрозой находится и Венгрия, где королем был его юный кузен Владислав; если же падет Венгрия, в опасности окажется все западное христианство. Он уже написал папе, используя его легата в качестве секретаря, чтобы выразить весь ужас, испытанный им при известии о падении Константинополя; Энеа Сильвио сделал к этому посланию персональную приписку, в которой оплакивал, какой выразился, «вторую смерть Гомера и Платона»^[286].

Однако никакого Крестового похода так и не получилось. И хотя государи жадно ловили сообщения о гибели Константинополя, а писатели сочиняли горестные элегии, хотя французский композитор Гильом Дюфэ написал специальную погребальную песнь и ее распевали во всех французских землях, действовать не был готов никто. Фридрих был беден и бессилён, поскольку не обладал действительной властью над германскими князьями; ни с политической, ни с финансовой стороны он не мог участвовать в Крестовом походе. Король Франции Карл VII был занят восстановлением своей страны после долгой и разорительной войны с Англией. Турки были где-то далеко; у него же имелись дела поважнее в собственном доме. Англии, которая пострадала от Столетней войны даже больше Франции, турки казались еще более отдаленной проблемой. Король Генрих VI не мог сделать решительно ничего, поскольку он только что лишился рассудка и вся страна погружалась в хаос войн Алой и Белой розы. Арагонский король Альфонс, чьи итальянские владения, несомненно, оказались бы под угрозой при любом дальнейшем продвижении турок на запад, удовлетворился тем, что осуществил несколько незначительных оборонительных мероприятий. В то время он был уже стар; единственное, что он хотел, — это сохранить свою гегемонию в Италии. Больше ни один из королей не проявил своей заинтересованности, за исключением венгерского короля Владислава, который, конечно, имел все основания для беспокойства. Но у него были скверные отношения со своим командующим армией — бывшим регентом Яношем Хуньяди. А без него и без союзников он не мог отважиться на какое-либо предприятие^[287].

Папа возлагал надежды на самого богатого государя Европы — герцога Бургундского Филиппа Доброго, поскольку тот неоднократно говорил о своем желании отправиться в Крестовый поход. В феврале 1454

г. Филипп устроил в Льеже пир, на котором к столу герцога был подан живой фазан в ожерелье из драгоценных камней, в то время как человек огромного роста в одежде сарацина грозил гостям игрушечным слоном, а юный Оливье де ла Марш, переодетый девицей, изображал горести Матери-церкви. Вся компания торжественно поклялась пойти на священную войну. Однако эта премилая пантомима не имела никаких последствий. «Клятва фазана», как ее прозвали, так никогда и не была выполнена^[288].

Таким образом, хотя Западная Европа и была крайне огорчена, никакая папская булла не могла побудить ее к действию.

Николай V умер в начале 1455 г. Его преемник Каликст III не пользовался популярностью в Италии из-за своего каталонского происхождения и, кроме того, был человеком весьма преклонных лет. Тем не менее он снарядил и послал в Эгейское море флотилию, которой удалось захватить острова Наксос, Лемнос и Самофракию. Однако ни одно христианское государство не пожелало принять от него в дар эти острова, и вскоре они снова попали в руки турок^[289]. Энеа Сильвио, в 1458 г. сменивший Каликста на папском престоле под именем Пия II, был еще более энергичен. Полагаясь на данные ему обещания, он надеялся, что на Восток все-таки двинется великое христианское воинство. Он умер в 1464 г. на пути в Анкону, куда он направлялся, чтобы благословить Крестовый поход, который так и не был собран^[290].

Всякий раз, когда дело доходило до конкретных действий, Запад оставался пассивным. Энеа Сильвио, наверное, вполне искренне сокрушался. Было еще несколько влюбленных в историю романтиков, таких, например, как Оливье де ла Марш, для которых император, павший в бою за Константинополь, был единственным подлинным императором, истинным наследником Августа и Константина, в противоположность германскому выскочке^[291]. Однако они решительно ничего не могли сделать. Значительная доля вины за это равнодушие ложится на само папство. На протяжении более чем двух столетий папы обвиняли греков в том, что они злостные схизматики, а в последние годы громко жаловались на то, что согласие византийцев на соединение церквей было неискренним. Западные народы, для которых турки были весьма отдаленной угрозой, вполне могли недоумевать, почему их просят отдавать свои деньги и жизни ради спасения этих упрямцев. В их сознании появлялась также гневная тень Вергилия, которого на Западе ставили в один ряд с самыми почитаемыми христианами и мессианскими пророками. Он рассказал миру

об ужасах греческого нападения на Трои, и вот теперь разгром Константинополя явился возмездием за это.

Увлеченные классической литературой и фразеологией, писатели того времени, в том числе сам кардинал Исидор, были склонны называть турок тевкрами (т.е. троянцами). Так не являются ли они наследниками троянцев, а может, и самими троянцами? Несколько десятилетий спустя во Франции получило широкое распространение письмо, будто бы написанное Мехмедом II папе Николаю V; в этом письме султан якобы выражал удивление тем, что итальянцы проявляют к нему враждебность, в то время как они произошли от тех же троянцев, что и турки^[292]. Лаоник Халкокондилас (Халкокондил) горько сетовал на то, что в Риме очень многие считали, что греки наказаны за свои бесчинства в Трою^[293], и папа Пий II, чье имя Энея (Эней) должно было создавать ему особый авторитет, принужден был с болью повторять, что тевкры и турки — не одно и то же. Эта легенда была одной из причин, помешавших его усилиям организовать Крестовый поход^[294].

Восточное христианство не могло оставаться столь же безразличным. В конце лета 1453 г. султанский двор в Адрианополе наводнили посольства всех соседних христианских государств. В начале августа прибыли посланцы деспота Сербии Георгия Бранковича, щедро снабженные деньгами с целью не только одарить ими султана и его везиров, но и совершить более доброе дело — выкупить из неволи соотечественников. За ними последовали посольства братьев покойного императора, деспотов Морей Димитрия и Фомы, императора Трапезунда Иоанна Комнина, князя Мингрелии Имерета Дадиани, владельца островов Лесбоса и Тасоса Дорино Гаттилузи и его брата, владельца Эноса Паламеде, от хиосской Магоны и от великого магистра ордена рыцарей-иоаннитов. Султан встречал их довольно любезно. Он ограничился тем, что потребовал от каждого из князей признания его сюзеренитета и повысил величину дани. Сербский деспот должен был теперь ежегодно выплачивать ему 12 тыс. дукатов, деспоты Морей — 10 тыс., Магона — 6 тыс., владелец Лесбоса — 3 тыс., а трапезундский император — лишь 2 тыс. Послы должны были доставлять эти суммы султану раз в год. Только рыцари-иоанниты отказались признать вассальную зависимость от султана и платить ему дань. Они заявили, что никак не могут этого сделать без разрешения своего владыки — папы. Мехмед, не чувствовавший себя готовым в то время подчинить своей власти Родос, отпустил посланцев рыцарей с миром^[295].

Особенно повезло братьям Гаттилузи. Вскоре после падения

Константинополя султан послал свои войска против владения Паламеде на побережье Фракии — Эноса, и Паламеде немедленно же признал свою зависимость от султана. Примерно в то же время турецкий флот занял византийские острова Имврос и Лемнос. Все византийские официальные лица бежали, за исключением судьи Имвроса историка Критовула. Он подружился с турецким адмиралом Хамза-беем и в результате его ловких интриг султан передал Лемнос владельцу Лесбоса с условием выплачивать ежегодную дань в размере 2325 дукатов, а владельцу Эноса — Имврос с уплатой дани в 1200 дукатов в год^[296].

Восточный христианский мир снова вздохнул с облегчением. Хотя Константинополь и был потерян, создавалось впечатление, что малые государства султан намерен оставить в покое. Однако за свою свободу они должны были дорого платить, доставать же деньги было не так-то легко. Кроме того, при дворе султана произошли за это время зловещие перемены.

В августе 1453 г. везир Халиль Чандарлы был внезапно арестован и лишен всех занимаемых постов, а через несколько дней казнен. Мехмед так и не простил Халилю роли, которую тот сыграл в 1446 г. Однако тогда везир был лицом слишком влиятельным и широко почитаемым как личный друг султана Мурада, ведущим государственным деятелем султаната. До тех пор, пока султан не овладел Константинополем окончательно, он не мог себе позволить сместить его; было бы слишком опасно вызвать отчуждение старинных турецких фамилий, которые считали Халиля своим лидером. Но советы Халиля оказались плохими: он пытался предотвратить, а затем и снять осаду Константинополя. Опасался ли он на самом деле, что вся эта затея провалится либо вовлечет турок в большую войну против западных государств, или, как утверждали его враги, был щедро подкуплен греками, с которыми, как известно, он всегда был в дружеских отношениях, сейчас установить невозможно. Во всяком случае, для того чтобы сбросить его, требовалось обвинение в государственной измене.

Даже наиболее почитаемые государственные деятели на Востоке склонны к тому, чтобы получать подарки. Вполне могло быть, что Халиль, будучи искренне предан заботам о благополучии своих соотечественников, в то же время находился на содержании у греков. Однако он плохо рассчитал и был за это наказан. Вместе с ним пали и все другие везиры, оставшиеся со времен Мурада II, за исключением Исхак-паши, которого отправили обратно в Анатолию. Великим везиром стал Заганос-паша, и правительство оказалось составленным из его друзей. Почти все они были новообращенными в ислам, людьми агрессивными, не имевшими прочного положения и целиком зависевшими от султанских милостей; все они

жаждали, как только наступит подходящее время, подтолкнуть своего властелина на дальнейшие завоевания^[297].

Христианские государи в значительной степени были виноваты сами в том, что это время действительно наступило. Первыми пострадали сербы. В 1454 г. Георгий Бранкович вынужден был под угрозой применения силы отдать султану часть своей территории. Его положение было весьма деликатным. На его земли, точно так же как и турки, зарились находившиеся на его северных границах венгры. В результате Сербия стала театром военных действий между турками и венграми. Поражение, которое в 1456 г. нанес Янош Хуньяди султану, пытавшемуся захватить Белград, только усилило затруднения Георгия. Хуньяди умер наутро после одержанной победы, а несколько недель спустя Георгий был ранен во время потасовки, вспыхнувшей в венгерском лагере. Прожив кое-как еще несколько месяцев, он умер в канун Рождества в возрасте девяноста лет. Если многолетний дипломатический опыт Георгия и влияние пользовавшейся большим уважением мачехи султана, дочери Георгия Мары, помогали тому как-то выкручиваться, его наследник не обладал такой же мудростью. Георгий завещал деспотию своей вдове и младшему сыну Лазарю, но тот не соглашался делить наследство с матерью. Ее внезапная и подозрительная смерть несколько месяцев спустя заставила Мару бежать обратно ко двору султана. Старшие братья Мары, оба задолго до этого ослепленные по приказу Мурада II, также спаслись бегством: один бежал вместе с ней в Константинополь, другой — в Рим. У Мехмеда были в то время другие заботы, и Лазарь умер без его помощи в январе 1458 г., оставив спорное наследство. Но уже в 1459 г. турецкая армия вторглась в деспотию, приветствуемая многими сербами, уставшими от беспорядков. Через несколько недель в руках у турок была вся Сербия, за исключением Белграда, который до 1521 г. оставался в руках венгров. Соседнее королевство Босния, где королевой была дочь Лазаря Мария, турки завоевали четыре года спустя; король Стефан Томашевич был обезглавлен, а Мария попала в гарем какого-то турка^[298].

Между тем постепенно исчезали последние остатки греческой независимости. Первыми эта участь постигла земли, находившиеся во владении князей Гаттилузи, полугреков по происхождению. Оба они — Дорино и Паламеде — умерли в 1455 г. Сын и наследник первого был человеком слабым, а второго — испорченным. У султана нашлись поводы для аннексии их владений. К 1459 г. острова Имврос, Тенедос, Лемнос и город Энос были уже в руках турок, хотя в Имвросе был оставлен

правителем христиан в лице Критовула. Лесбос случайно продержался до 1462 г., когда Никколо Гаттилузи, младший сын Дорино, который уже успел задушить своего брата, был принужден отдать султану свои владения, после чего был задушен сам^[299].

Герцогство Афинское было уничтожено в 1456 г. Его герцогу, флорентийцу Франко, юная красота которого восхитила султана, позволили еще в течение четырех лет править Фивами. Затем Франко умертвили, его владения султан аннексировал, а сыновей взял в янычары^[300].

В Морее, где деспоты, братья Димитрий и Фома, прерывали свои распри только при приближении внешней опасности, сразу после получения известия о падении Константинополя началось восстание проживающих на полуострове албанцев. К восставшим примкнуло и много греков, которых тайно поддерживала Венеция. В отчаянии братья обратились за помощью к султану, и престарелый генерал Турахан-бей пересек со своей армией Коринфский перешеек и восстановил порядок. Покидая страну, он увещевал братьев прекратить ссоры и жить в мире. Однако они вскоре опять поссорились друг с другом, а также со своими вассалами и не послали султану причитающуюся с них дань. Весной 1458 г. султан лично привел войска на Коринфский перешеек. Коринф сопротивлялся ему до августа; несколько других крепостей оборонялись столь же храбро, хотя и напрасно. После того как пал Коринф и полуостров был разграблен, деспоты явились к своему сюзерену с просьбой о мире. Они были наказаны тем, что лишились половины деспотии, включая Коринф, Патрас, Арголиду и даже столицу Фомы Каритену; кроме того, они должны были уплатить большую контрибуцию. Возвращаясь на север, Мехмед специально задержался в Афинах, чтобы почтить город, о великом прошлом которого он хорошо знал.

Едва лишь султан покинул Морею, как деспоты снова рассорились. Димитрий считал, что единственная возможность спасти страну и самих себя — это подчиниться туркам; Фома же связывал свои надежды с вновь избранным папой Пием II, который на соборе в Мантуе, состоявшемся осенью 1458 г., обещал ему помощь. Прибывшая на следующее лето помощь состояла всего из трехсот наемников; двумстам из них заплатил Пий, а остальным — герцогиня Миланская Бьянка Мария. Наемники вскоре перессорились между собой и с Фомой и вернулись в Италию. Димитрий между тем опять обратился за помощью к туркам, снова, однако, забыв отослать султану полагающуюся дань. Мехмед, раздраженный постоянным хаосом в деспотии и одновременно обеспокоенный

вмешательством папы, решил уничтожить ее.

В начале мая 1460 г. султан появился в Коринфе во главе большой армии. После некоторого колебания Димитрий сдался ему вместе со своей столицей Мистрой. Фома какое-то время скрывался в Мессинии, а затем бежал морем на Корфу. Покинутые своими правителями, пелопоннесцы подчинились завоевателю; только несколько крепостей, движимые гордостью и безнадежным героизмом, мужественно сопротивлялись, но были одна за другой заняты турками. Все население их, независимо от того, была ли крепость взята приступом или принуждена к сдаче голодом, завоеватели вырезали. К осени весь полуостров был занят турецкими войсками, за исключением Сальменикона, гарнизон которого под командованием Грецаса Палеолога продержался до следующего лета, принадлежавших венецианцам портов Модон и Кротон, которые спаслись благодаря тому, что торжественно встретили султана с богатыми подарками и почестями, а также окруженного морем города Монемвасия; жители его, первоначально признававшие своим властителем Фому, после его бегства передали власть сперва одному каталонскому пирату, а затем папе, который в 1464 г. отдал город Венеции^[301].

После этого наступила очередь Трапезундской империи. Иоанн IV из династии Великих Комнинов, которого Франдзис в свое время упрекал за то, что тот радовался смерти Мурада II, и который в 1453 г. сохранил независимость, откупившись от султана большой данью, умер в 1458 г., оставив двух замужних дочерей и четырехлетнего сына Алексея. Длительное регентство было бы губительным для государства, и трапезундцы избрали императором младшего брата Иоанна — Давида. Давид решил, что султан в данное время слишком занят европейскими делами, чтобы думать о Восточной Анатолии. Он поддерживал контакты с Венецианской и Генуэзской республиками, а также с папством, и все они обещали ему поддержку. Особые надежды Давид возлагал на дружеские связи его семьи с самым могущественным из вождей местных туркменских племен — ханом орды «Белых баранов» (Ак-Коюнлу) Узун Хасаном. Это был выдающийся государь, возглавивший Восточную Анатолию в ее оппозиции против османов. Его союзниками были эмиры Синопа и Карамана, грузинский царь, приходившийся Давиду зятем, а также грузинские князья Мингрелии и Абхазии. Большинство предков у Хасана были христианами: его бабушкой по отцу была трапезундская принцесса, а матерью — знатная христианка из Северной Сирии. Сам он был женат на трапезундской принцессе, дочери императора Иоанна Феодоре, о которой венецианский путешественник писал: «Всем известно, что в то время не было на свете

женщины более красивой». Опираясь на дружбу Узун Хасана, император Трапезунда считал себя в безопасности.

Султан Мехмед не мог позволить себе игнорировать такой альянс, однако войну спровоцировал не он, а Давид. Он потребовал от Мехмеда освобождения от дани, которую платил брат. Это требование Давид направил через послов Узун Хасана, которые прибыли в Константинополь с еще более заносчивыми претензиями своего господина. Летом 1461 г. Мехмед подготовил свою армию и флот, дабы наказать подобную дерзость.

Пока турецкий флот во главе с адмиралом Касым-пашой двигался вдоль черноморского побережья Анатолии, султан прибыл в Бурсу к своей армии. Перед лицом столь грозной военной силы великий союз его противников стал давать трещины. В июне, в то время как турецкая армия продолжала продвижение к Синопу, флот несколько задержался, из-за того что ему пришлось по пути брать генуэзский порт Амастрис. Примерно в конце июня флот и армия соединились под Синопом. Эмир Синопа Исмаил, который приходился Мехмеду шурином, послал к нему своего сына Хасана в тщетной попытке отвести угрозу. Мехмед настаивал на сдаче Синопа; взамен он предложил Исмаилу ленное владение, состоящее из Филиппополя и соседних с ним деревень. Исмаилу ничего не оставалось, как принять эти условия. Синоп был сдан без боя, и султанская армия набросилась на земли Узун Хасана, овладев штурмом его пограничной крепостью Койлухисар. Караманцы не сделали буквально ничего, чтобы помочь своему союзнику. Узун Хасан отступил на восток, послав в лагерь к султану свою мать Сара-хатун с богатыми дарами. Мехмед принял ханшу любезно, поскольку в его планы тогда не входила борьба с Ак-Коюнлу. Он согласился заключить мир при условии, что Койлухисар останется у него. Попытка же Сары спасти также земли и своей невестки не увенчались успехом. «Зачем тратить столько усилий, сын мой, — сказала она принимавшему ее султану, — из-за такой ерунды, как Трапезунд?» Тот ответил, что в его руке меч ислама и ему было бы стыдно не тратить усилий во имя веры.

Турецкий флот прибыл в Трапезунд в начале июля, и матросы немедленно высадились на берег грабить городские предместья. Брать же штурмом сильно укрепленные стены города они не могли. В начале августа под стенами Трапезунда появились передовые части армии под командованием великого везира Махмуда. Махмуд, как и большинство других новых везиров султана, был вероотступником — сыном сербского князя и знатной трапезундки. В городе жил его кузен, ученый Георгий Амируцис, трапезундец по рождению. Амируцис был одним из активных

сторонников Флорентийской унии, и император Давид высоко ценил его не только за ученость, но и за связи с Римом, весьма полезные при переговорах с Западом. Махмуд направил в город своего секретаря, грека Фому Катаволину, с официальным поручением — предложить императору сдаться и с тайным — войти в контакт с Амируцисом. Давид вначале уперся. Его жена, императрица Елена, происходившая из знатного византийского рода Кантакузинов, как раз перед этим отправилась в Грузию просить поддержки у своего зятя.

Но когда Амируцис, осыпанный Махмудом почестями и подарками, сообщил Давиду, что Хасан заключил мир (эта новость была также подтверждена письмами от Сара-хатун) и что Махмуд гарантирует предоставление султаном императорской семье владений в каком-либо другом месте, император заколебался. Он направил к Мехмеду, приближавшемуся к городу с основными силами, своих посланцев с согласием сдать город при условии, что ему будут предоставлены владения равной величины и значимости в любом месте по выбору султана; кроме того, он предлагал в жены султану свою дочь Анну. Мехмед, разгневанный бегством императрицы к грузинам, ответил требованием безоговорочной сдачи. Под влиянием, с одной стороны, Амируциса, постоянно твердившего, что сопротивление бесполезно, и Сары, давшей ему в письме личное честное слово, что с ним и его семьей будут обращаться с подобающим почтением, Давид уступил. Трудно его винить за это. Узун Хасан и его турецкие союзники покинули его. Ни одно западное государство не могло в тот момент прийти к нему на помощь, а грузины никогда бы не вмешались в одиночку. Трапезунд с его мощными укреплениями мог продержаться в течение нескольких недель, но на выручку ему все равно никто бы не пришел^[302].

15 августа 1461 г. турецкий султан вступил в последнюю греческую столицу. Исполнилось ровно 200 лет с тех пор, как Михаил Палеолог отобрал Константинополь у латинян и для греческого мира забрезжила новая заря. Обещания Сара-хатун были выполнены: император, его дети и юный племянник Алексей были милостиво приняты султаном и на специальном корабле отправлены в Константинополь с придворными и всем личным имуществом, за исключением груды драгоценностей, которые были отданы Саре в качестве вознаграждения за ее любезное посредничество. Однако не все члены императорской семьи остались свободными. Невестка Давида Мария Гаттилузи, которая 20 лет назад вышла замуж за находившегося в изгнании в Константинополе его брата Александра и, овдовев, вернулась в Трапезунд с маленьким сыном, была

отправлена в султанский гарем. Она все еще была женщиной поразительной красоты, и похоже, султан все больше к ней привязывался, в то время как ее сын оказался среди пресловутых любимцев Мехмеда^[303].

С остальным населением города поступили довольно сурово. Знатные семьи были лишены всего имущества и отправлены все вместе в Константинополь, где султан обеспечил их домами и деньгами, достаточными для того, чтобы начать новую жизнь. Все же оставшиеся в городе мужчины, а также многие женщины и дети, были превращены в невольников и поделены между султаном и его везирами. Остальных женщин отправили в Константинополь, а 800 мальчиков забрали в корпус янычар^[304].

Турки быстро заняли и остальную территорию империи. Сопrotивлявшийся какое-то время город Керасунт сдался на почетных условиях, благодаря чему его греческое население целиком уцелело. Не хотели сдаваться несколько горных селений. Замок Кордили в течение многих недель защищала одна крестьянская девушка, которую потом долго воспевали в старых понтийских балладах. Однако никакой замок не был в состоянии долго сопротивляться мощи турецкой армии. К октябрю султан Мехмед уже снова был в Константинополе, присоединив все владения Великих Комнинов к своей империи^[305].

Это был конец свободного греческого мира. «Ромеи больше нет, Ромея порабощена», — горестно восклицали авторы баллад^[306]. Правда, какое-то число греков еще оставалось под христианским правлением — на Кипре, на островах Эгейского и Ионического морей и в портовых городах континента, пока удерживаемых Венецией, однако их правители были другой крови и иной формы христианства. Только на юго-востоке Пелопоннеса, в затерянных деревнях Майны, в суровые горные отроги которой не осмеливался проникнуть ни один турок, сохранялось подобие свободы.

Вскоре все православные территории на Балканах оказались в руках турок. Пока был жив Скандербег, албанцы сохраняли свою весьма непрочную независимость, но сразу же после его смерти в январе 1468 г. страна потеряла ее, а Венеция еще раньше лишилась своих портов на албанском побережье. Севернее, в области, называемой Зета, держалось небольшое число горцев. Они образовали княжество, названное позднее Черногорией; которое время от времени признавало сюзеренитет то турок, то венецианцев, но при этом никогда не теряло своей автономии. Сербия и Босния были порабощены. На другом берегу Дуная валашские господа

признали себя турецкими вассалами еще в 1391 г., но каждый раз при приближении венгерской армии отрекались от этого. С 1456 по 1462 г. господарь Влад, прозванный «Сажателем на кол» за то, что обычно именно таким способом расправлялся с несогласными^[307], отказывался подчиниться султану и однажды даже посадил на кол его посланцев; однако после его падения власть султана над страной вновь утвердилась. В Молдавии господарь Петр III признал свою вассальную зависимость от султана в 1456 г., но его сын Стефан IV отказался от нее и успешно отбивался от турок в течение всего своего долгого царствования с 1457 по 1504 г.; однако через девять лет после смерти Стефана его сын, господарь Богдан, подчинился султану Селиму^[308].

Оставалось, однако, еще одно православное государство, в чьи земли армии султана никогда не проникали. В то время как Византия под напором турок все больше клонилась к упадку, русские все больше освобождались от господства татарских сюзеренов и восстанавливали свою независимость. Крещение Руси было одним из самых славных деяний византийской церкви. Теперь же эта дочерняя страна становилась сильнее своей родительницы, и русские отлично это сознавали. Уже приблизительно в 1390 г. константинопольский патриарх Антоний вынужден был письменно напомнить верховному правителю русских, великому князю Московскому Василию II, что император в Константинополе, несмотря ни на что, по-прежнему является единственным истинным императором, православным наместником Господа на земле. Но теперь Константинополь пал, а император убит; никакого православного императора больше нет. Более того, Константинополь, как полагали русские, пал в наказание за свои грехи, за вероотступничество, согласившись на объединение с западной церковью. Русские яростно отвергли Флорентийскую унию и изгнали ее сторонника — митрополита Исидора, навязанного им греками. И теперь, сохранив незапятнанной свою православную веру, они оказались обладателями единственного уцелевшего из православного мира государства, чья мощь к тому же постоянно возрастала. Разве не было оно истинным наследником православной империи?

Конечно, Султан-Завоеватель может править в Константинополе и претендовать на прерогативы византийского императора, однако истинная христианская империя теперь была уже в Москве. «Константинополь пал, — писал митрополит Московский в 1458 г., — потому что отступил от истинной Православной веры. Но в России эта вера все еще жива, — Вера Семи Соборов, какой Константинополь передал ее Великому князю

Владимиру. На земле существует только одна истинная Церковь — Церковь Русская». Отныне великая миссия сохранения христианства перешла к России. «Христианские империи пали, — писал в 1512 г. монах Филофей своему господину великому князю, или царю, Василию III, — вместо них стоит лишь держава нашего владыки... Два Рима пали, но третий стоит, а четвертому не бывать... Ты — единственный христианский государь в мире, владыка над всеми истинными верными христианами».

Отец Василия III придал некоторую законность этим притязаниям, женившись на представительнице династии Палеологов. Но для мистических приверженцев теории Третьего Рима этот брак не относился к делу: уж если зашла речь о династических притязаниях, они предпочитали заглянуть в прошлое и вспомнить брак своего первого христианского князя Владимира с порфирородной царевной Анной, состоявшийся пять веков до этого, брак, оказавшийся практически бездетным. Но наследство, полученное Москвой, не имело ничего общего с земной дипломатией; оно было получено воистину повелением Божиим.

Таким образом, во всем православном мире только русские извлекли некоторую пользу из падения Константинополя; и для православных христиан прежней Византии, стонущих в неволе, сознание того, что в мире все же существует великий, хоть и очень далекий государь одной с ними веры, служило утешением и надеждой, что он защитит их и, быть может, когда-нибудь придет спасти их и вернуть им свободу. Султан-Завоеватель почти не обратил внимания на факт существования России; наследники же его в последующих столетиях уже не могли позволить себе подобную пренебрежительность^[309].

Россия действительно была далеко. У султана Мехмеда были другие заботы куда ближе. Завоевание Константинополя, безусловно, сделало его государство одной из великих держав Европы, и отныне ему предстояло играть соответствующую роль в европейской политике. Он сознавал, что христиане — его враги и ему нужно зорко следить за тем, чтобы они не объединились против него.

Впрочем, это было не так уж трудно. Сам факт, что христианские государства не сумели прийти на помощь Константинополю, показал их явное нежелание воевать за веру, если не затронуты их непосредственные интересы. Только папство и небольшое число ученых и романтиков в различных странах Запада были действительно потрясены тем, что великий исторический христианский город оказался в руках неверных. Из итальянцев, принявших участие в обороне города, некоторые, как, например, Джустиниани и братья Боккиарди, возможно, и

руководствовались чувствами истинных христиан; что же касается их правительств, то те ни на минуту не упускали из виду своих коммерческих интересов. Для их торговли было бы пагубным отдать Константинополь в руки турок, но столь же пагубным было бы и обидеть турок, с которыми они уже вели выгодную торговлю. Западные монархи не проявили большой заинтересованности в спасении города. Даже король арагонский с его мечтами о Левантийской империи оказался не готовым воплотить эти мечты в действие. Турецкому правительству вскоре обо всем этом стало известно: у Турции никогда не было недостатка в хороших дипломатах. Султан мог воевать с Венецией или Венгрией, а также, возможно, с теми немногими их союзниками, которых удалось бы собрать папе, но он мог воевать только с одним из них в отдельности. Никто не пришел на помощь Венгрии в роковой битве на Мохачском поле. Никто не послал подкреплений на Родос рыцарям-иоаннитам. Никого не волновала потеря венецианцами Кипра. Венеция и Габсбурги выступили в конце концов совместно в морской кампании, закончившейся победой их флота при Лепанто, но от этого мало что изменилось, хотя Габсбургам уже пришлось перед тем защищать Вену в одиночку. В Германии или Италии люди могли еще в течение многих десятилетий содрогаться при мысли о приближении турок, что нисколько не мешало им вести гражданские войны между собой. И когда христианнейший король Франции, предав память о той роли, какую его страна сыграла в великую эпоху Крестовых походов, предпочел вступить в союз с султаном неверных против императора Священной Римской империи, тогда всем стало ясно, что никакого духа борьбы за христианскую веру более не существует.

Глава XIII.

Пережившие катастрофу

Совесть Западной Европы была задета, но так и не пробудилась. Кардиналы-греки Исидор и Виссарион могли лишь молиться и звать на помощь. Папа Пий II, любивший греческую культуру, мог еще пытаться наскрести какие-то силы для спасения христианского Востока. Однако все, чего они сумели достичь, это облегчить судьбу тех несчастных беженцев, которым удалось спастись от турок.

Таких в общей сложности оказалось немного. Люди бедные вынуждены были остаться на Востоке и принять все страдания, выпавшие на их долю. Из фигур заметных, сыгравших какую-то роль в окончившейся драме, лишь очень немногие добровольно согласились жить под султанским игом; гораздо больше их было среди убитых или невольников. Остальные искали спасения в Италии.

Обе старые императорские династии вскоре фактически угасли. Из оставшихся в живых братьев императора Константина деспот Димитрий вначале пользовался расположением султана. Он получил апанаж из земель, принадлежащих прежде Гаттилузи; в него вошли Энос, острова Лемнос и Имврос, а также части островов Тасос и Самофракия. Эти земли приносили ему доход в 600 тыс. серебром в год, причем половину из них давал Имврос. Кроме того, он ежегодно получал 100 тыс. из султанской казны. В течение семи лет Димитрий тихо жил в Эносе с женой Зоей и ее братом Матфеем Асеном, который в прежние времена был его губернатором в Коринфе, а теперь возглавлял местную соляную компанию.

Димитрий проводил свои дни, предаваясь охоте и чревоугодию; значительную часть своих богатств он отдал церкви. Однако в 1467 г. апанаж у него вдруг был отобран. Согласно версии, которой верил Франдзис, служащие Матфея утаили часть доходов, причитавшихся султану с соляных копей, за что сочли виновными Матфея и Димитрия. Судьба Матфея осталась неизвестной; Димитрий же был лишен всех доходов и отправлен в Дидимотихон, где он проживал в большой бедности. Там его однажды увидел проезжавший через город султан и сжалился над ним. Димитрию было назначено годовое содержание в 50 тыс. серебром из средств султанской монополии по торговле зерном. Однако ненадолго, так как вскоре он и его жена приняли монашество. Димитрий умер в

монастыре в Адрианополе в 1470 г., жена пережила его всего на несколько месяцев. Их единственная дочь Елена еще при жизни родителей официально была взята в султанский гарем, но она, видимо, сохранила девственность, живя в Адрианополе в собственном доме. Она умерла на несколько лет раньше своих родителей, завещав свой гардероб и драгоценности патриархии^[310].

Деспот Фома бежал вместе с женой и детьми на Корфу, прихватив с собой забальзамированную голову святого апостола Андрея, хранившуюся в Патрасе. В конце 1460 г. он уехал, взяв ее с собой, в Италию, и 7 марта 1461 г. его с почестями приняли в Риме. Через неделю папа, которому Фома преподнес святыню, наградил его орденом Золотой розы. Фома остался в Италии, не теряя, однако, надежды когда-нибудь вернуться в Морею. Папа предоставил ему содержание в размере 300 золотых дукатов в месяц, к которому кардиналы из своих собственных средств добавили впоследствии еще 500. Его чувство собственного достоинства и красота, которую Фома сумел сохранить до преклонных лет, произвели на итальянцев большое впечатление. Он также угодил им тем, что официально перешел в католичество. Его жена Катерина Заккария, оставленная Фомой на Корфу, умерла там в августе 1462 г. В 1465 г. он вызвал в Рим своих детей и через несколько дней после их прибытия, 12 мая, умер в возрасте 56 лет^[311].

У Фомы было четверо детей. Старшая дочь Елена еще ребенком была выдана замуж за Лазаря III Бранковича и родила ему трех дочерей. В 1459 г., вскоре после смерти мужа, она выдала свою старшую дочь Марию за короля Боснии Стефана. Когда турки захватили Боснию, юная королева попала в гарем турецкого военачальника, а Елена с двумя младшими дочерьми бежала на остров Левкас. Одна из дочерей, Милица, стала женой властителя Кефаллонии и Левкаса Леонарда III Токко, но несколько месяцев спустя умерла бездетной. Вторая дочь, Ирина, вышла замуж за Иоанна Кастриота, сына Скандербега, и после смерти свекра уехала с мужем в Италию. Елена осталась при дворе своего зятя на Левкасе и ушла в конце концов в монастырь, где умерла в 1474 г.^[312]

Братья и сестры Елены были гораздо моложе ее: Андрей родился в 1453 г., Мануил — в 1455 г. и Зоя, по-видимому, в 1456 г. Папа взял сирот на свое попечение. В июне 1466 г. Зоя еще девочкой вышла замуж за римского аристократа из дома Караччоло, но довольно скоро овдовела. В 1472 г. папа Сикст IV добился, как ему казалось, большого дипломатического успеха, устроив ее брак с русским царем Иваном III. Свадебная церемония состоялась в Ватикане, причем царь был представлен

на ней своим доверенным лицом. Невеста получила от папы в качестве приданого 6 тыс. дукатов. Однако, прибыв в Россию, Зоя, перекрещенная по православному обряду в Софию, забыла о своем католичестве и с головой окунулась в политические интриги православной церкви. Правда, ее дочь Елена, выйдя замуж за польского короля Александра Ягеллона, вынуждена была принять католичество, но сын Василий III и его потомки остались рьяными поборниками православия. Польская королева Елена умерла бездетной, а род Василия III пресекся сто лет спустя со смертью его правнучки Анастасии Феодоровны и ее дяди — малолетнего царевича Димитрия.

Судьба сыновей Фомы была менее удачной, чем дочерей. Младший, Мануил, провел юность в Италии, получая от папы пенсию в 50 дукатов в месяц. Приблизительно в 1477 г. он неожиданно уехал в Константинополь и отдался на милость султана. Мехмед принял его великодушно, предоставив ему поместье и содержание. В Константинополе Мануил женился, но имя его жены осталось неизвестным, так же как и дата его смерти. Из двух его сыновей старший, Иоанн, умер молодым; младший, Андрей, перешел в ислам и закончил свои дни судейским чиновником под именем Мехмед-паши, по-видимому не оставив потомства. Старший сын Фомы, Андрей, предпочел остаться в Италии, получая такую же мизерную пенсию в 50 дукатов в месяц. Окружающие относились к нему как к наследнику императорского трона, и сам он имел обыкновение подписываться *Deo gratia fidelis Imperator Constantinopolitanus*. Однако поведение его вряд ли соответствовало подобному титулу. В 1480 г. он женился на простой римлянке по имени Катерина и влез в долги. Он уговорил папу Сикста IV дать ему два миллиона дукатов на организацию экспедиции в Морею, но истратил их на другие цели. Однако ни это, ни его готовность продать любые титулы и прерогативы честолюбивым иностранцам не поправили его финансов. Поездка, предпринятая им около 1490 г. в Россию, ко двору сестры, с денежной точки зрения также оказалась безрезультатной, остаться там ему тоже особенно не предлагали. Наконец Андрей нашел себе друга в лице короля Франции Карла VIII, которого он посетил в 1491 г., после чего тот погасил часть его долгов.

Андрей приветствовал вторжение Карла в Италию в 1493 г. и поспешил на север страны, чтобы присоединиться к нему. 16 сентября 1494 г. он подписал с Карлом соглашение, по которому великодушно передавал тому все свои права на константинопольский, а также на трапезундский и сербский престолы, оставив за собой только Морейскую деспотию. После того как в мае следующего года Карл утвердился в Неаполе, он пообещал

Андрею содержание в 1200 дукатов в год. Сомнительно, чтобы эти деньги выплачивались и после того, как Карл покинул Италию, и уж безусловно их не выплатили, когда в 1498 г. французский король умер. Вскоре Андрей опять оказался в долгах. В начале 1502 г. он подписал новое соглашение, передававшее все его права испанским монархам Фердинанду и Изабелле; однако денег от них он так и не получил. Когда в июне того же года Андрей умер, его вдова умоляла папу дать ей 104 дуката, чтобы оплатить похороны мужа. У Андрея был сын Константин, красивый, но никчемный юноша, который одно время командовал папской гвардией. Дата смерти Константина неизвестна^[313].

Со смертью двух внуков Фомы — Мехмед-паши в Константинополе и Константина в Риме — старшая линия династии Палеологов пресеклась^[314]. Младшая ветвь, идущая от Андроника II, которая правила в Монферрате с начала XIV в., по мужской линии угасла в 1536 г., а ее права и состояние через женское потомство перешли к маркизам Мантуанским. Дочь деспота Феодора Елена Палеолог, королева Кипра, умерла в 1458 г., а ее единственная дочь, королева Шарлотта, умерла бездетной в изгнании в Риме в 1487 г.^[315]. Единственных потомков императора Мануила Палеолога, доживших до наших дней, можно найти в Южной Италии, в семьях, ведущих свое происхождение от сына Скандербег — Иоанна Кастриота^[316].

Трагедия семьи трапезундских императоров была более короткой. Император Давид пользовался приличным содержанием в течение двух лет. Однако в 1463 г. его мнимый друг Георгий Амируцис донес турецким властям, что бывший император получил письмо от своей племянницы, жены Узун Хасана, в котором она приглашала своего брата Алексея или одного из сыновей самого Давида навестить ее. Султан расценил это как попытку измены. 26 марта 1463 г. Давид был брошен в тюрьму в Адрианополе; 1 ноября он сам, шесть из его семи сыновей и племянник Алексей были казнены в Константинополе. Их тела было запрещено предавать земле; когда же императрица Елена своими руками вырыла для них могилы и похоронила их, на нее наложили штраф в 15 тыс. дукатов, который надлежало под угрозой смерти выплатить в течение трех дней. Верные друзья и приверженцы собрали для нее эти деньги; однако Елена удалилась от мира, чтобы провести недолгие оставшиеся ей дни в соломенной хижине, одетой во власяницу.

Ее младший сын, трехлетний Георгий, был воспитан как мусульманин. Впоследствии ему разрешили посетить Узун Хасана, от которого он бежал

к своей сестре в Грузию; там Георгий перешел обратно в христианство, женился на грузинской княжне и имел, по всей вероятности, от нее потомство, однако дальнейшая судьба его семьи неизвестна. Его сестра Анна была взята в гарем султана и затем на время отдана правителю Македонии Заганос-паше, причем ее тоже насильно обратили в ислам. Впоследствии, однако, Анне удалось вернуться в родной Трапезунд, в окрестностях которого она основала поселение, названное в ее честь Киранной, где построила церковь. Невестка Давида Мария Гаттилузи спокойно жила в султанском гареме, а ее сын Алексей продолжал пользоваться особой привязанностью султана. Его дальнейшая судьба неизвестна. По существующей традиции ему выделили землю непосредственно за стенами Перы. Местным жителям он известен как «сын бея» (бейоглу); это в его честь назван существующий в Стамбуле и по сей день квартал Бейоглу^[317].

Очень немного известно нам и о судьбе тех министров императора Константина, которые пережили крушение империи, а также их семей. Если им и удалось вернуть себе свободу, то оставшиеся годы они принуждены были жить в безвестности. Когда порядок был восстановлен, султан стал давать разрешение на выкуп пленников. Получив от ученого Филельфо письмо, полное грубой лести, он освободил его тещу Манфредину Дория, вдову Иоанна Хрисолораса, и отослал ее в Италию к зятю, с которым в прошлом она, как об этом злословили, состояла в интимных отношениях^[318]. Верному другу и секретарю Константина Франдзису удалось через несколько лет выкупить и себя, и жену. Они уехали на Корфу, где он жил, находя утешение в оказании помощи своим соотечественникам и в преданной дружбе с членами семьи своего господина. По приглашению дочери Фомы, вдовствующей королевы Сербии, он ездил на Левкас к ее зятю Леонардо Токко, брату первой жены его императора; он совершил также поездку в 1466 г. в Рим на свадьбу принцессы Зои и Караччоло. Вскоре после этого он и его жена постриглись в монахи. В монастыре он и завершил свои записки, в конце которых изложил свою религиозную концепцию; несмотря на дружбу со сторонниками унии, Франдзис не смог заставить себя признать учение о том, что Святой Дух исходит и от Отца и от Сына. Его исторические записки продолжаются вплоть до 1477 г., по-видимому, он умер в 1478 г.^[319].

Некоторые из беженцев попали в Венецию, где долгие годы жила дочь старого недруга Франдзиса, Луки Нотараса, Анна, которая старалась чем

только могла облегчить участь своих соотечественников^[320].

Оба кардинала-грека остались жить в Италии. В 1459 г., после смерти Григория Маммаса, папа возвел Исидора в сан патриарха Константинопольского — в нарушение всех традиций византийской церкви. Исидор умер в 1463 г., и этот чисто номинальный титул перешел к Виссариону, прожившему до 1472 г. Все свои средства он потратил на собрание прекрасной библиотеки греческих текстов, которую он завещал Венеции, а также на оказание помощи беженцам.

Архиепископ Леонард возвратился на свою кафедру на Лесбосе и находился там в момент захвата острова турками. Он снова попал в Константинополь, на этот раз пленником. Вскоре его выкупили, и он вернулся в Италию, где и умер в 1482 г.^[321]

Георгий Амируцис, который после падения Константинополя написал Виссариону письмо с просьбой дать ему денег для выкупа своего младшего сына Василия, сумел благодаря своим интригам в Трапезунде снискать расположение турок. Двоюродный брат Георгия Махмуд-паша оставался его закадычным другом и даже постарался обратить на него внимание султана; положение Георгия еще более укрепилось после того, как его старший сын Александр перешел в мусульманство. Султан Мехмед, на которого Амируцис произвел впечатление своей эрудицией, поручил ему подготовить современное издание «Географии Птолемея», которую Александр, ставший неплохим ученым-арабистом, снабдил арабскими названиями, а затем и полным арабским переводом. Позднее, в 1463 г., Георгий влюбился во вдову последнего герцога Афинского, жившую на пенсии в Константинополе, и вознамерился жениться на ней — при живой жене. Патриарх Дионисий отказался санкционировать подобное двоеженство. Тогда Георгий пустился в интриги, направленные на то, чтобы сместить патриарха, а сам перешел в мусульманство. Несколько недель спустя он неожиданно умер во время игры в кости. Так свершился над ним Божий Суд^[322].

Из всех мыслителей, блиставших в последние годы византийской свободы, только Георгий (Геннадий) Схоларий Гемист был призван сыграть конструктивную роль в создании нового мира, в объединении своего народа вокруг церкви и устройстве патриаршего двора, при котором можно было бы во мраке наступившего безвременья сохранить традиции императоров до тех пор, пока вновь не наступит рассвет и Византия не возродится, подобно фениксу^[323].

Этот рассвет так никогда и не наступил. Прежняя вселенская

Византийская империя погибла навеки.

Нетрудно согласиться с тем, что в мировом историческом процессе сам 1453 год, как таковой, не столь уж существен. Византийская империя была уже обречена. Утратившая бóльшую часть своей территории, населения и богатства, она все равно должна была погибнуть независимо от того, когда именно турки решились бы нанести окончательный удар. Мнение о том, что византийские ученые устремились в Италию по причине падения Константинополя, выглядит несостоятельным. На протяжении жизни более чем одного поколения Италия оказалась наводнена византийскими профессорами, а из двух наиболее выдающихся греческих мыслителей, живших в 1453 г., один, Виссарион, уже находился в Италии, в то время как другой, Геннадий, так и остался в Константинополе. Если торговля итальянских приморских городов пришла в упадок, то в гораздо большей степени это явилось следствием открытия новых океанских путей, нежели установления турецкого контроля над Проливами. После 1453 г. Генуя действительно стала довольно быстро деградировать, однако причинами этого были скорее, ее непрочные позиции в самой Италии; Венеция же еще долгие годы вела свою торговлю в Леванте.

То, что русские оказались теперь главными поборниками православия, а Москва возвысилась до роли Третьего Рима, тоже не было чем-то совершенно неожиданным. Самосознание русских давно активно развивалось в этом направлении, когда их армии уже гнали неверных татар обратно через степи, в то время как Константинополь все больше нищал и вступил в нечестивую сделку с Западом. Семена всего этого уже были посеяны, и падение Константинополя лишь ускорило их всходы. Если бы султан Мехмед был менее целеустремленным, а Халиль-паша более убедительным в своих доводах; если бы венецианская флотилия двинулась в путь двумя неделями раньше; если бы в последний решающий момент Джустиниани не ранили в сражении на стенах, а потайную дверцу Керкопорты не оставили открытой, то в конечном итоге все это мало что изменило бы. Византия продержалась бы еще десяток лет, а турецкий натиск на Европу был бы на какое-то время отсрочен. Однако Запад все равно не воспользовался бы этой передышкой. Наоборот, если бы Константинополь устоял, это сочли бы свидетельством того, что опасность в конце концов не столь уж актуальна. Запад с облегчением вернулся бы к своим собственным делам, а через несколько лет турецкие войска вновь появились бы под стенами Константинополя.

Тем не менее, день 29 мая 1453 г., несомненно, является поворотным пунктом в истории человечества. Он означает конец старого мира, мира

византийской цивилизации. В течение одиннадцати столетий на Босфоре стоял город, где глубокий ум являлся предметом восхищения, а науку и литературу классического прошлого тщательно изучали и берегли. Без византийских исследователей и переписчиков мы знали бы сейчас не очень много о литературе древней Греции. Это был также город, правители которого в течение многих веков поощряли развитие школы искусства, не имеющей аналогии в истории человечества и явившейся сплавом неизменного греческого здравого смысла и глубокой религиозности, видевшей в произведении искусства воплощение Святого Духа и освящение материального. Кроме того, Константинополь был великим космополитическим городом, где наряду с торговлей процветал свободный обмен идеями и жители считали себя не просто каким-то народом, а наследниками Греции и Рима, просвещенными христианской верой. Всему этому теперь пришел конец. Новые хозяева, иноплеменники, не поощряли занятий науками среди своих христианских подданных. Без покровительства свободного правительства византийское искусство начало клониться к упадку. Новый Константинополь стал блестящим городом — красивым, богатым, многонаселенным и разноплеменным. Однако его красота олицетворяла ныне могущество мировой империи султанов, а не царство Христианского Бога на земле, и его жители были разобщены различными вероисповеданиями. Константинополь возродился, став на многие века предметом восхищения всех, кто его посещал, но это уже был Стамбул, а не Византий.

Можно ли сказать, что героизм, проявленный Византией в ее последние дни, был напрасным? Он произвел большое впечатление на султана, что наглядно проявилось в жестокостях, допущенных им после захвата города, и он не решился бы на риск вторично испытать мужество греков. Султан всегда восхищался образованностью греков; теперь же он убедился, что и их героический дух отнюдь не исчез. Очень может быть, что, когда воцарилось спокойствие, именно это восхищение побудило его к тому, чтобы проявить более доброе отношение к своим греческим подданным. Условия, которые он предоставил патриарху Геннадию, помогли воссоединить греческую церковь и дали большинству греческого народа какую-то форму самоуправления.

Греков ожидали трудные времена. Хотя им и были обещаны мир, справедливость и возможность обогащения, они были отныне гражданами второго сорта. Отсутствие свободы неизбежно влечет за собой моральную деградацию, и греки не смогли совершенно избежать ее. Кроме того, они полностью зависели от доброй воли их верховного сюзерена. Пока был жив

Султан-Завоеватель, их участь была не такой уж страшной; но после него пришли другие правители, не имевшие ни малейшего понятия о византийской цивилизации, гордые тем, что они являются исламскими владыками, халифами и повелителями правоверных. Довольно скоро огромный механизм оттоманской администрации пришел в упадок. Греки были принуждены противопоставлять коррупции свою хитрость, отвечать нелояльностью на несправедливость и бороться против интриг интригами же. История греческого народа под турецким господством печальна и малопримечательна. Однако, несмотря на свои ошибки и слабость, православная церковь выжила, а до тех пор, пока она жива, эллинизм не умрет.

Западная Европа с ее восходящей к предкам ревностью по отношению к византийской цивилизации и духовными наставниками, осуждавшими православных как еретиков и схизматиков, с преследующим ее чувством вины за то, что она бросила великий город в беде, предпочла забыть о Византии. Европа никогда не отрекалась от своего долга перед греками, но считала, что он относится только к классической эре. Филэллины, которые отправились помогать грекам в их войне за независимость, говорили о Фемистокле и Перикле, но никогда не вспоминали о Константине. Многие из образованных греков последовали их примеру, введенные в заблуждение злым гением Кораиса, ученика Вольтера и Гиббона, для которого Византия была лишь уродливой интермедией из религиозных предрассудков, явлением, о котором лучше не вспоминать. В результате этого война греков за независимость так и не завершилась освобождением греческого народа, а привела лишь к образованию крохотного Греческого королевства.

Однако в деревнях простые люди думали иначе. Они никогда не забывали плачи, созданные после того, как разнеслась весть о том, что великий город пал, наказанный Господом за роскошь, гордыню и вероотступничество, но героически сражался до последней минуты. Греки постоянно помнили тот ужасный вторник — день, который все истинные греки до сих пор считают отмеченным дурным предзнаменованием; но они чувствовали воодушевление и прилив отваги всегда, когда говорили о последнем христианском императоре, покинутом своими западными союзниками, который твердо стоял в проломе стены, сдерживая натиск неверных до тех пор, пока они своим числом не одолели его и он не пал — вместе с империей, ставшей ему саваном.

Дополнение I.

Основные источники по истории падения Константинополя

Ученый, занимающийся историей падения Константинополя, к счастью, располагает значительным количеством современных описаний этой драмы; некоторые из них сделаны профессиональными историками, другие представляют собой дневниковые записи или наскоро составленные отчеты, написанные лицами, бывшими непосредственными свидетелями осады. Примечательно, насколько сильно они противоречат друг другу в зависимости от национальной или религиозной принадлежности автора. Ниже приводится краткая характеристика наиболее важных из этих источников.

1. Греческие источники. Из греческих историков, живших во время описываемых событий, только один находился в Константинополе во время осады. Это был Георгий *Франдзис*, который скорее всего называл себя *Сфрантзисом*, хотя первоначально его фамилия и была, вероятно, *Франдзис* (от франк? или Франциск?) и позднее претерпела трансформацию. Он был с Пелопоннеса и родился вскоре после 1400 г. Еще очень молодым он поступил в канцелярию императора Мануила II и после его смерти попал в число приближенных сына Мануила, Константина, на службе у которого и находился в течение всей жизни последнего. Он женился на дальней родственнице Константина и стал его самым близким другом и советником. Не будучи лично сторонником церковной унии, он тем не менее проявлял лояльность и готовность поддержать политику своего господина. Имелись у него и собственные предубеждения: он не любил братьев императора Феодора и Димитрия и с особой неприязнью относился к мегадуке Луке Нотарасу, которого считал своим соперником при дворе и постоянно был несправедлив к тому. Будучи придворным сановником, он был склонен преувеличивать свое значение, хотя он действительно играл важную роль при дворе.

Сделать скидку на его личные антипатии не представляет особых трудностей; в остальном же его записи правдивы и убедительны. Работы *Франдзиса* существуют сейчас в двух вариантах — *chronicum minus*, которая охватывает период с 1413 по 1477 г., т.е. время, прожитое им самим, и *chronicum maius*, дающей полную историю династии Палеологов

и дополняющей *minus*. Современные исследования свидетельствуют о том, что почти наверняка *maius* была в следующем столетии переработана неким Макарием Мелиссиносом. Однако описание осады сохранилось в первоначальном виде. Вероятнее всего, первоначальные записи Франдзиса пропали, когда он попал в плен к туркам, но воспоминания его были еще настолько свежи, что вскоре он написал их заново. Он порой несколько ошибается в точной датировке событий, хотя и придает очень большое значение хронологии, и всегда остается верным своим предубеждениям. Во всех других отношениях составленный им рассказ исключительно честный, живой и убедительный. Он писал на хорошем греческом языке, стилем, лишенным претенциозности^[324].

Дукас, которого, вероятно, звали Михаил, — фигура значительно менее известная, и о жизни его мы знаем довольно мало. Большую часть жизни, он, по-видимому, провел на службе у генуэзцев и во время осады Константинополя, очевидно, находился на Хиосе. Дукас был горячим сторонником унии и склонен смотреть на все глазами своих друзей-латинян. Он начинает свой труд кратким обзором мировой истории до 1341 г., затем переходит к несколько более подробному описанию, а события после 1369 г. излагает уже со всеми деталями. Заканчиваются записи 1482 г. Они написаны живым журналистским стилем, народным языком. Современные историки высоко оценивают достоверность излагаемых им фактов, по-моему, даже выше, чем он того заслуживает. Что же касается событий, происходивших при дворе Мехмеда II, то его записки просто бесценны; по всей видимости, он получал свою информацию от генуэзских агентов и купцов, находившихся в турецком лагере. Однако он не был в Константинополе и в изложении фактов, относящихся к жизни города, допускает ряд неточностей; кроме того, он крайне несправедлив к тем грекам, которые не разделяли его взглядов на церковную унию^[325].

Афинянин Лаоник Халкокондилас писал свою историю после 1480 г., будучи уже очень старым. Он был учеником Плифона в Мистре и провел большую часть своей жизни на Пелопоннесе. Его работа, как и у Дукаса, начинается с краткого очерка мировой истории, однако его главная тема — возвышение династии Османов, поэтому он пишет больше о турках, чем о византийцах. Он подробно изучил труды Геродота и Фукидида и писал в нарочито архаичном классическом стиле. Хронология Халкокондиласа местами несколько путана, и он не приводит многих деталей, касающихся непосредственно осады Константинополя. Но в его общем изложении событий чувствуется исторический подход. Книга Халкокондиласа

обладает достоинствами и недостатками истинного произведения искусства^[326].

Четвертый греческий историк, современник осады *Критовул* (Критовулос) находился во время ее на Имвросе в качестве правительственного чиновника. Он принадлежал к тем грекам, которые относились к турецкому завоеванию как к явлению хотя и трагическому, но неизбежному, и стремился примирить своих соотечественников с новым положением вещей. Описываемые им события охватывают период с 1451 по 1467 г. Его героем был султан. Тем не менее Критовула глубоко тронул и потряс героизм греков; он не пытается преуменьшить их страдания, хотя и невольно склонен не замечать или оправдывать те жестокости, в которых был повинен сам Мехмед. Его описание осады чрезвычайно важно, поскольку имеющаяся у него информация исходит как от турок, так и от греков, бывших в то время в Константинополе; кроме тех мест, где он защищает репутацию султана, он остается честным, непредвзятым и убедительным автором^[327].

Так называемая «синоптическая» группа хроник, связанная с именами Дорофея из Монемвасии и Мануила Малаксоса, а также *Ecthesis Chronicon* не прибавляют ничего нового к нашим знаниям об осаде Константинополя, но содержат полезные сведения о событиях, происшедших непосредственно после того, как турки захватили город. Для большего удобства я ссылаюсь на *Ecthesis Chronicon* и две другие хроники, опубликованные в Бонне под названием *Historia Politica* и *Historia Patriarchica*^[328]. Более подробное изложение этих событий, приведенное в [название на греческом языке], примечательно тем, что в части, касающейся осады, оно почти слово в слово повторяет откровенно антигреческую версию Леонарда Хиосского^[329].

Различные погребальные песни и плачи по Константинополю интересны скорее как образцы народной поэзии, чем как исторические свидетельства, конечно, если не принимать во внимание, что они, кроме того, являются выражением народных традиций и взглядов на это событие^[330].

Из греческого эпистолярного наследства, дошедшего до наших дней наиболее важными являются письма Георгия (Геннадия) Схолария, поскольку они проливают свет на события и личности в годы, непосредственно предшествовавшие осаде города. В частности, они дают нам возможность более объективно оценить политику Луки Нотараса, к которому Франдзис, Дукас а также латинские авторы, как правило,

несправедливы^[331].

2. Славянские источники. Имеются две важные работы славянских авторов об осаде Константинополя. Одну из них обычно и, надо сказать неверно считают дневником янычара-поляка. На самом деле ее автором является некий серб Михаил Константинович [Константин Михайлович] из Островины, который состоял в отряде, посланном сербским деспотом на помощь султану, а затем уехал в Польшу. Янычаром он никогда не был. Свои записки Михаил Константинович делал на любопытной смеси польского и сербского языков. Эта книга, содержащая не такой уж подробный материал, интересна тем, что отражает точку зрения подневольных христианских союзников султана.

Вторая работа — «*Славянская летопись*», известная в различных вариантах, была написана на старославянском диалекте, который кажется ближе к языкам балканских славян, нежели к русскому; кроме того, существуют также ее русская, румынская и болгарская версии^[332]. Несомненно, что в основе этой летописи лежат записи какого-то лица, которое находилось в Константинополе и вело нечто вроде дневника; однако первоначальный текст в значительной степени переделан, изменены и перепутаны даты, добавлены вымышленные фигуры патриарха и императрицы, хотя время от времени в работе встречаются эпизоды, описанные столь живо, что на них, несомненно, лежит печать достоверности. Авторство русской версии приписывается некоему Нестору-Искандеру. Может быть, это и есть ее первоначальный создатель?

3. Западные источники. До настоящего времени наиболее содержательным из западных источников является дневник осады, который вел Николо Барбаро. Этот венецианец из хорошей семьи, изучавший медицину, прибыл в Константинополь в качестве судового врача на одной из крупных венецианских галер незадолго до начала осады. Он общался с венецианскими военачальниками и был наблюдательным и неглупым человеком. Свой дневник он вел ежедневно. Какое-то время спустя Барбаро вернулся к старому тексту и добавил несколько ссылок на другие места дневника, а также, видимо, изменил дату лунного затмения, которая у него разнится с действительной на два дня. Как истый венецианец, он не любил генуэзцев и с удовольствием писал обо всем, что могло их дискредитировать. В то же время он менее враждебен к грекам, чем большинство других представителей западных стран. Именно благодаря ему нам известна хронологическая последовательность событий^[333].

Следующими по важности являются записки архиепископа

Митиленского *Леонарда Хиосского*, написанные им на Хиосе примерно через шесть недель после падения города. События были еще очень свежи в его памяти, и он излагает их живо и убедительно; однако не следует забывать при этом упомянутую ненависть его к грекам вообще. Даже императора он считает чересчур беспечным и намекает также на то, что кардинал Исидор, старший над ним в церковной иерархии, был слишком слаб. В то же время Леонард не лишен критицизма и по отношению к своим соотечественникам генуэзцам и склонен обвинять Джустиниани в том, что тот дезертировал со своего поста. Это был человек резкий, самоуверенный, но хороший рассказчик^[334].

Письма кардинала *Исидора* к папе и ко всем благочестивым христианам кратки и не много добавляют к известным нам фактам, однако написаны они со знанием обстоятельств^[335].

Отчет о событиях, сделанный Андже́ло Джованни *Ломеллино*, подесты Перы, написан был через несколько дней после падения города и предназначался генуэзскому правительству. Он ценен не только описанием события и судьбы самой генуэзской колонии, но также и тем, что автор излагает свои взгляды на то, что произошло с Константинополем. Он утверждает, что очень многие генуэзцы Перы пошли сражаться на стены города, зная, что, если падет Константинополь, не выживет и Пера^[336].

Краткий отчет о событиях, сделанный главой францисканцев, находившихся в Константинополе, содержит не слишком много материала, за исключением описания грабежей.

Из других европейцев, переживших осаду и писавших о ней, можно назвать солдата-флорентийца *Тетальди*, генуэзцев *Монтальдо*, Кристофоро *Риккерио* и ученого из Брешии *Убертино Пускуло*. Из этих источников наиболее полезным для нас является сообщение Тетальди. Оно было написано для кардинала Авиньонского Алэна де Коетиви и содержит некоторые детали, нигде более не встречающиеся. Тетальди относится справедливо как к венецианцам, так и к генуэзцам и признает, что греки сражались мужественно. Так же как и в живом описании Риккерио, в записках Монтальдо приводится ряд дополнительных подробностей. Пускуло, который излагает свои впечатления много лет спустя тяжеловесным, возвышенным слогом, допускает несколько неточностей относительно самого сражения, в котором сам он, по всей вероятности, не участвовал; зато он приводит более интересный материал о событиях, предшествовавших осаде. К грекам он относится с ненавистью.

Полезные сведения можно почерпнуть и у флорентийца Андреа

Камбини. Во время работы над книгой по истории Османской империи, написанной им в конце XV в., он, по всей видимости, беседовал с теми, кто пережил осаду. Зорзо *Дольфино*, краткий очерк которого основан главным образом на записках Леонарда Хиосского, получил также дополнительные сведения от беженцев из Константинополя. История Турции, написанная греческим эмигрантом в Италии Кантакузино *Спандуджино*, приводит рассказ очевидцев о том, как был разграблен город^[337].

4. Турецкие источники. Работы турецких авторов об осаде и захвате Константинополя на редкость разочаровывающи. Было бы естественным ожидать, что этот крупнейший успех величайшего из султанов Османской династии должен быть подробно описан османскими историками и хронистами. В действительности все они так или иначе повествуют о строительстве-крепости Румелихисар, а что касается самой осады, то их интересуют лишь эпизод транспортировки турецкого флота посуху и финальный штурм. В то же время их очень занимают интриги и политика султанского двора. *Ашик-нашазаде*, который писал сразу же после окончания царствования Мехмеда II, резко враждебен по отношению к Халиль-паше, так же как и его современники *Турсун-бей* и *Нешири*. В своем стремлении прославить царствовавшего в то время султана Баязида II они склонны даже несколько преуменьшить заслуги Мехмеда II за счет его советников, таких, как Махмуд. Тем не менее их труды ценны тем, что воссоздают существовавший в то время у турок политический климат. Первым турецким историком, который производит впечатление человека, действительно интересующегося историей осады и захвата Константинополя, является *Саадэддин*, писавший в конце XVI в. Однако, как это обычно бывает с мусульманскими историками, он подробно передает и даже просто переписывает то, что писали его предшественники; его описание осады совпадает с рассказом греческих историков^[338].

К началу XVII в. место истории стала постепенно заменять фантазия. *Эвлия Челеби* подробно приводит целый ряд фантастических подробностей осады, включая и длинную сагу о некоей французской принцессе, которая должна была стать невестой Константина, но попала в плен к султану. При этом он утверждает, что все это он узнал от своего прадеда. Вполне возможно что Челеби почерпнул свою информацию у знакомых греков, которые рассказывали ему о том, как город был захвачен в 1204 г.; принцесса же на самом деле была императрицей Агнессой, дочерью французского короля Людовика VII и вдовой Алексея II и Андроника I. В любом случае автор явно полагался на молву и устные рассказы, а не на

письменные источники^[339].

Более поздние турецкие источники просто-напросто воспроизводят труды своих предшественников.

Дополнение II.

Судьба константинопольских церквей после завоевания

По старой мусульманской традиции жители побежденного христианского города, отказавшегося сдаться, теряли как личную свободу, так и места для отправления религиозного культа, а солдатам-победителям в течение трех дней разрешалось неограниченно грабить город. Все историки, повествующие о падении Константинополя, рассказывают о разграблении церквей. Несомненно, многие константинопольские церкви и монастыри были опустошены. Однако из современных этим событиям письменных источников нам известно с полной достоверностью только о разграблении четырех церквей — св. Софии, св. Иоанна в Петре, церкви Хоры, расположенной недалеко от того места, где турки прорвались через брешь в сухопутных стенах, а также церкви св. Феодосии недалеко от Золотого Рога^[340]. Археологические раскопки показывают, что была разграблена и трехчастная церковь Пантократора; это подтверждается также тем, что Геннадий, который в то время был монахом монастыря при этой церкви, попал в плен. Св. София была сразу же превращена в мечеть; остальные из упомянутых церквей какое-то время оставались пустыми и полуразрушенными и были превращены в мечети позднее. До осады в городе действовало множество и других церквей, но о дальнейшей судьбе их ничего не известно; можно лишь предполагать, что они также были разграблены и заброшены. К ним относятся церкви, расположенные в районе Старого императорского дворца и вокруг цитадели, такие, например, как Новая Базилика Василия I или храм св. Георгия в Мангане^[341].

Однако из истории последующих лет видно, что у христиан остался целый ряд церквей, которые, очевидно, сохранились нетронутыми. Громадный собор св. Апостолов, второй по величине и значению после св. Софии, был передан султаном в пользование патриарху Геннадию, и его святыни сохранились, поскольку тот смог взять их с собой, когда несколько месяцев спустя добровольно оставил собор. Церковь Паммакаристы, куда он перебрался, действовала тогда в качестве монастырской, и монахинь тоже никто не тронул; наконец, когда Геннадий там обосновался, он смог

переселить монахинь с их святынями в расположенные поблизости церковь и монастырь св. Иоанна в Трулле^[342]. Недалеко от них, на границе квартала Влахерны, осталась нетронутой церковь св. Димитрия Канаву. В другой части города, в Псамафии, церковь Перивлепты оставалась у греков до середины XVII в., когда султан Ибрагим передал ее армянам, чтобы угодить своей любимой жене-армянке, известной под именем Шекерпарче («Кусочек сахара»). Церковь св. Георгия Кипарисского, расположенная поблизости, также не пострадала. Церкви Липса, св. Иоанна в Студионе и св. Андрея в Суде, по всей вероятности, остались у христиан до тех пор, пока не были превращены в мечети в более поздние царствования. Церковь женского монастыря Мирелеон также, по-видимому, оставались церковью вплоть до конца XV в.^[343] Примерно в это же время была отчуждена церковь св. Иоанна Евангелиста, так как нашли, что она расположена слишком близко от вновь выстроенной мечети^[344].

Как же случилось, что эти церкви сохранились? Вопрос этот довольно скоро стал вызывать недоумение у самих турок. В 1490 г. султан Баязид II потребовал передачи ему патриаршей церкви Паммакаристы. Патриарх Дионисий I, однако, сумел доказать, что Мехмед II специально выделил эту церковь для патриархии. Султану пришлось уступить при условии, однако, чтобы с купола собора убрали крест; он также отказался запретить своим чиновникам отбирать у греков другие церкви^[345].

Лет тридцать спустя султан Селим I, враждебно относившийся к христианству, предложил, к ужасу своего везира, насильно обратить всех христиан в ислам. Когда же ему сказали, что это вряд ли практически осуществимо, он распорядился по крайней мере конфисковать все церкви. Везир предупредил патриарха Феолепта I, и тот через своего довольно ловкого законоведа по имени Ксенакис сумел отыскать и привести к султану трех янычаров, каждому из которых было около ста лет. Феолепт признал, что у него не сохранилось письменного фирмана на охрану церквей, который сгорел во время пожара в патриархии. Однако трясущиеся от старости янычары поклялись Селиму на Коране, что они находились среди телохранителей Султана-Завоевателя перед его триумфальным въездом в город и что они видели знатных греков из различных частей города, принесших султану ключи от своих кварталов в знак их капитуляции, поэтому, мол, Мехмед разрешил им сохранить свои церкви. Султан Селим удовлетворился этими показаниями и даже разрешил христианам вновь открыть две или три церкви (названия их остались неизвестными), закрытые перед этим его чиновниками^[346].

Вопрос о церквях вновь был поднят в 1537 г., при Сулеймане Великолепном. Патриарх Иеремия I напомнил тогда султану решение Селима. Сулейман обратился за советом к шейх-уль-исламу как к высшему мусульманскому авторитету по вопросам права. Шейх изрек следующее: «Насколько известно, город был захвачен силой. Однако тот факт, что христианам были оставлены их церкви, доказывает, что он сдался». Сулейман, который сам был хорошим правоведом, удовлетворился этим заключением. Таким образом, церкви еще раз оставили в покое^[347].

Однако последующие султаны оказались менее снисходительными. В 1586 г. Мурад III захватил Паммакаристу, а к XVIII в. у христиан остались только три церкви из тех, что существовали до завоевания, — св. Георгия Кипарисского и св. Димитрия Канаву (причем первая вскоре была разрушена землетрясением, а вторая сгорела от пожара)^[348], а также церковь св. Марии Монгольской; похоже, что последняя во время захвата Константинополя была отнята, но впоследствии Султан-Завоеватель отдал ее своему архитектору, греку Христулосу, который и вернул ее православной церкви. Когда во времена Ахмеда III турки снова попытались забрать ее, юрист патриарха Димитрий Кантемир смог предъявить везиру Али Кёпрюлю фирман, по которому церковь была пожалована Христулосу^[349]. Она остается церковью и поныне, хотя была повреждена во время антигреческих волнений в 1955 г.

Насколько же достоверными можно считать показания представленных патриархом янычаров, которые во времена султана Селима были уже более чем престарелыми? Димитрий Кантемир, грек с примесью татарской крови, человек большой эрудиции, написал в конце XVII в. историю Оттоманской империи — труд, имеющий весьма большое значение, поскольку автор использовал в нем преимущественно турецкие источники, хотя и редко называет их. В этой книге Кантемир выдвигает версию о том, что Константинополь действительно капитулировал, однако, когда посланцы императора уже сопровождали въезжающего в город султана, христиане не поняли, в чем дело, и открыли по въезжавшим огонь, после чего разъяренные турки бросились штурмовать стены. По этой-то причине султан и обошелся с Константинополем как с городом, наполовину сдавшимся, и христиане смогли сохранить свои церкви лишь в части города, расположенной к западу от Аксарая (ранее — Форум быка) до городских стен. История эта явно вымышлена. Кантемир пишет, что он заимствовал ее из турецкого источника — от историка Али; в действительности же она уже приводилась в *Historia Patriarchica* — работе,

написанной на целое столетие раньше, причем автор сильно сомневается в ее достоверности. Скорее всего появление этой версии представляет собой попытку некоторых турок объяснить, почему христиане удержали за собой несколько церквей.

Эта история фигурирует в работах и некоего Хусейна Хезарфеина, старшего современника Кантемира, однако выдумал он ее или заимствовал из какого-то другого источника, известного им обоим, определить невозможно^[350].

Хотя эта версия кажется совершенно неправдоподобной, ее абсурдность никак не обесценивает рассказа о свидетельстве старых янычаров. В этой связи необходимо еще раз вспомнить, что представлял собой в то время Константинополь. Он не был городом в современном понимании слова, т.е. плотным конгломератом домов. Даже в его лучшие времена, в период процветания Византии, отдельные городские кварталы были разделены рощами, садами и огородами. К 1453 г. население Константинополя уменьшилось по сравнению с XII в. более чем в десять раз; город состоял из нескольких отдельных селений, многие из которых отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Очевидно, каждое из этих селений было обнесено оградой. Квартал Петрион в течение еще долгого времени после взятия города был окружен ясно различимой стеной. Вполне могло случиться, что лица, представлявшие власть в некоторых из этих селений, как только разнеслась весть о том, что стены города прорваны, немедленно же сдались тем туркам, которые оказались ближе всего. Было ясно, что уже все потеряно и сопротивляться дальше нет никакого смысла; местный же турецкий командир мог под надежной охраной отослать этих лиц к султану вместе с известием о сдаче в то время, когда тот еще находился под стенами города. Мехмед оставил при себе часть наиболее надежных войск, предназначенную действовать в качестве военной полиции, и, несомненно, он должен был послать в этом случае кого-нибудь из них для защиты сдавшегося селения от грабежа. Янычары действительно говорили правду.

Это подтверждается и некоторыми другими данными. В начале XVII в. Эвлия Челеби отмечал, что некоторые рыбаки из квартала Петрион «происходили от греков, открывших ворота Петриона Мехмеду II», и что они «даже теперь свободны от всех налогов и не платят десятины инспектору рыбного лова»^[351]. В XVIII в. английский путешественник Джеймс Даллауэй писал, что существует предание о том, что, «в то время как храбрый Константин с горсткой таких же обреченных защищал ворота

св. Романа, другие осажденные из трусости или отчаяния вступили в переговоры с победителями и открыли ворота квартала Фанар и впустили их. За это они получили от Мехмеда II весь квартал с определенными гарантиями»^[352]. Если же мы проследим, какие церкви сохранились после падения города, то увидим, что все они (за одним только исключением) были расположены либо в Петрионе и Фанаре, либо в Псамафии, в юго-западной части города. Из этого можно заключить, что эти кварталы действительно вовремя сдались и таким образом сохранили свои культовые постройки. Сберегли ли жители этих кварталов также и свои дома и личную свободу, об этом уже нельзя говорить с такой же уверенностью. Судя по описанию разграбления города, которое приводит Критовул, все было опустошено, а все оставшиеся в живых жители обращены в невольников. Но ведь город занимал большую территорию, и то, что некоторые районы на периферии оказались нетронутыми, можно было и не заметить.

Несомненно, в городе все-таки остались какие-то жители, которые даже смогли позднее выкупить некоторых пленников. Султан вовсе не желал получить в наследство совершенно разрушенный город; кроме того, ему нужно было показать, что он является императором греков, как и султаном турок. Его должно было устраивать сохранение некоторых кварталов для своих будущих греческих подданных, которым там понадобятся и церкви. И то, что несколько селений внутри городских стен вовремя сдались, было очень кстати. Возможно, теми же причинами следует объяснить и судьбу храма св. Апостолов. Громадное здание собора находилось на главной улице, шедшей от того участка стен, где первые турки ворвались в город, устремившись по улице в сторону св. Софии и района ипподрома и Старого дворца. Мимо церкви должны были пройти несметные толпы солдат-победителей, и кажется невероятным, что они не могли войти и разграбить ее, если никто этому не препятствовал; следовательно, Мехмед должен был послать специальную охрану, чтобы предотвратить разграбление собора. Можно лишь предположить, что он к тому времени уже принял решение превратить в мечеть храм св. Софии, главный собор Византийской империи, для того, чтобы показать, что отныне это Турецкая империя; греки же как вторая нация в его государстве могли рассчитывать и на вторую по величине церковь. Без сомнений, он отдал ее патриарху через несколько дней после захвата города. То же, что позднее патриарх сам покинул ее, не имеет к этому факту никакого отношения^[353].

Таким образом, хотя версия Кантемира о сдаче Константинополя и является чистым вымыслом, решение, вынесенное законоведами султана Сулеймана о том, что город и был взят штурмом и сдался, не выглядит таким уж нелепым.

Иллюстрации

Император Иоанн VIII Палеолог.
С медали Антонио Пизано (Пизанел-
ло). 1438 г. Лондон, Национальная
галерея (и Ленинград, Государст-
венный Эрмитаж).

Константин XI Палеолог
(предположительно)

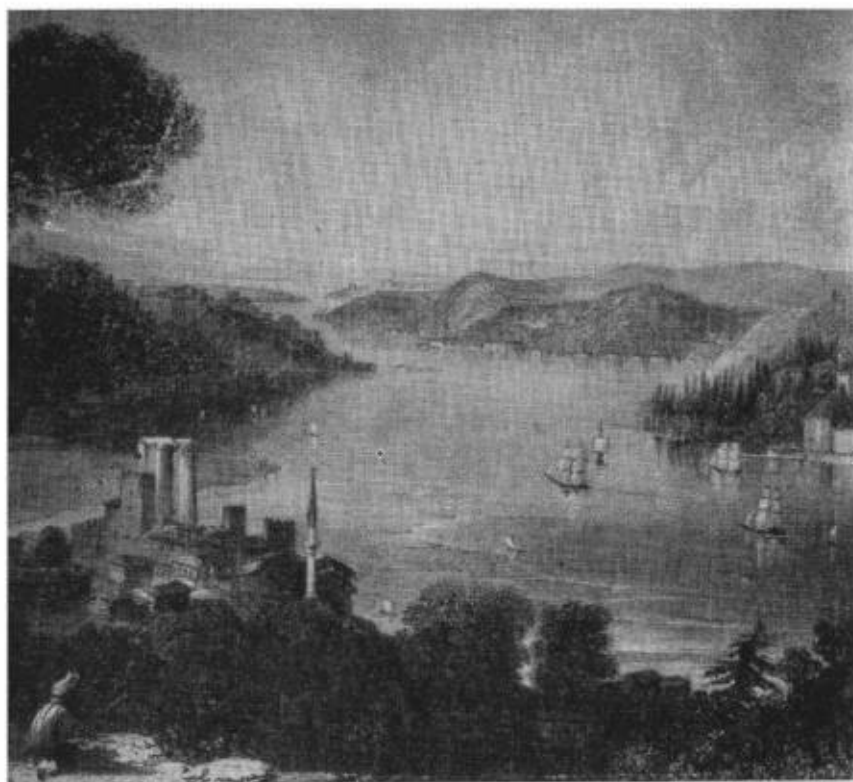

Султан Мехмед II в молодом возрасте. С серебряной медали, приписываемой Маттео де Пасте. Париж. Национальная библиотека.

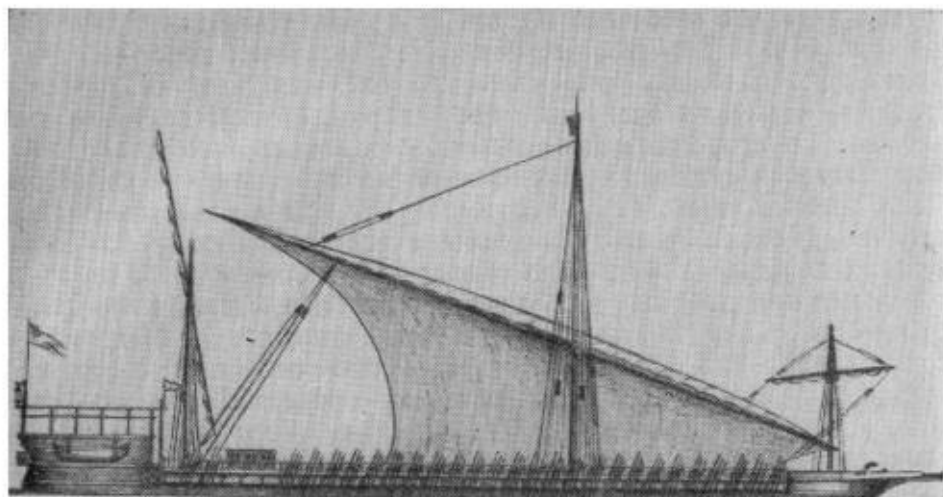
Султан Мехмед II. С портрета Джентиле Беллини.
Лондон, Национальная галерея.

Пролив Босфор в районе Анадолухисар (справа) и Румелихисар (слева).
С рисунка У. Х. Барлетта из кн.: У. P a r d o e. The Beauties of the Bosphorus.
L., [б. г.].

Осада Константинополя турками. С миниатюры из рукописной книги: *Bertrand de la Broquiere, Voyage d'Orient, 1455* (см. Библиографию).

Венецианская торговая галера. Из кн.: I. Sottas. Les Messageries de Venise. P., 1938.

Стены Константинополя. Вид на стены, спускающиеся на север в сторону залива. С башни крайней слева император бросил последний взгляд на турецкий лагерь. С рисунка У. Х. Барлетта из кн.: У. Пардо. The Beauties of the Bosphorus. L., [б.г.].

Тройная стена Константинополя. Вид на север Месотихиона, где турки прорвались через стены. С рисунка Т. Эллома из кн.: *Fisher's Illustrations of Constantinople and its Environs*. L., [б.г.].

---

notes

Примечания

Прим. ред. — Чему соответствует акче — не указано. Так что не понять — много это или не очень. (В сносках здесь и далее — Примечания или комментарии выполнившего OCR Готье Неимущего.)

Прим. ред. — «Проливы» — с прописной в оригинале.

Прим. ред. — Предисловие С. Рансимен писал в 1964 г.

Прим. ред. — Константинополь всегда останется Константинополем. А за песню эту старую и противную: «Истанбул — Константинополь», я бы поэта посадил на кол, а исполнительниц продал бы в турецкий публичный дом.

Adam of Usk, c. 57; Chronique du Religieux de Saint-Denis [у авт. б. м., б. г.], с. 756. Лучшее описание путешествия Мануила II Палеолога см.: Васильев; см. также: Andreewa. Халечки утверждает, что в 1402 г. Мануил имел свидание с папой Бонифацием IX (Hal. 1, с. 514 и сл.). Приведенные им сведения недостаточно убедительны. Известно, однако, что в 1404 г. Мануил посылал послов к папе (см.: Adam of Usk, с. 96-97).

Современное деление на Галату (нижний город) и Перу (на холме) в средние века отсутствовало. Употребляли оба имени, но название «Пера» считалось официальным.

Общую картину эпохи см: Ostr., с. 426 и сл.

Там же, с. 476—484.

Прим. ред. — В 1348 г. произошла великая эпидемия чумы, в результате чего население Европы (вплоть до Исландии и гренландских норманнов), по мнению историков, ополовинилось — погибли десятки миллионов человек (см: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада М.: Прогресс-академия. 1992. — 376 с.; Чума. БМЭ. Т. 27. 1986).

Greg., с. 796—798; Cant., с. 49-53. Бартоломео делла Пульмола пишет, что смерть унесла восемь десятых населения (см.: Bart., с. 409). О границах империи в XV в. см.: Bakalopulos, с. 56—65.

Об искусстве времен Палеологов см.: Beckwith, с. 134 и сл.

Greg., c. 788—789.

О Феодоре Метохите и культурной жизни в его время см.: Век 3.

См.: Meyendorff, а также: Beck 1.

Прим. ред. — Конец XIV в. — ордынское иго на Руси. Готовились к Куликовской битве (1380 г.)

Hal. 2, в особенности с. 205; Charanis, с. 287—293.

Прим. ред. — Filioque — «И от Сына».

Прим. ред. — Патриарх у православных — только первый среди равных епископов.

Краткое изложение богословских различий см.: Рунс. 2, с. 337—350.

О Димитрии Кидонисе и его влиянии см.: Век 2, с. 732—736.

Schneider, c. 233—244.

Прим. ред. — Людовик VII (правил в 1137—1180 гг.) — один из руководителей печального Второго Крестового похода. Этот король набрал и вез с собой огромную сумму денег.

Прим. ред. — Анкона — итальянский порт.

Прим. ред. — Лат. Рагуза — город Дубровник в Хорватии.

Ibn Battuta, II, с. 431—432; Gonzales de Clavijo, с. 88—90; Bertrandon de la Broquiere, с. 153; Tafur, с. 142—146. Геннадий, сам константинополец, отмечает, что город обнищал и значительно обезлюдел (Gennad., L, с. 287; IV, с. 405).

Taf. 2, c. 273—288; Заκ. 2, II, c. 169-172.

Прим. ред. — Тем не менее, Константинополь продержался еще 62 года. Если, по аналогии, отсчитывать от даты Октябрьской революции 1917 г. в России, то будет, соответственно, 1979 г. Вот и считай, долго это или нет.

Прим. ред. — В 1396 г. османы нанесли при Никополе поражение крестоносцам — соединенной рыцарской армии из разных стран; ее ядро составляли венгерские войска короля Сигизмунда.

После того как в 1851 г. появилась работа Берже де Ксивре (Berger de Xivrey), не было издано ни одной обстоятельной биографии Мануила II. См.: Ostr., с. 482—498. Об экспедиции Бусико см.: Delaville Le Roulx.

Heyd, II, с. 266—268 со ссылками. См. с. 178, примеч. 28.

Fuchs, c. 73—74; Beck 1, c. 749—750; Pius II, c. 681.

О Плифоне см.: Masai.

Runc. 2, c. 27—31.

Ostr., c. 497—498; Taf., c. 287—288.

См.: Gill. Это превосходная, объективная работа, хотя, как мне кажется, автор не всегда хорошо понимает точку зрения греков. О язвительных замечаниях Геннадия по поводу грамматических ошибок, допускаемых патриархом, см.: Gennad., III, с. 142.

Gill, с. 349 и сл. Впоследствии вдовствующая императрица, по-видимому, пересмотрела свое отрицательное отношение к унии; см.: Lambros 3, I, с. 59, 125 (письма Иоанна Евгеника).

См. с. 179, примеч. 36.

Прим. ред. — Непонятно. Практически в том же климате «расцвела» природная веселость некоторых других народов — например, турок. Да и предков византийцев, основавших империю еще в IV в.

См.: Diehl; Vas. 2. Джилл полагает, что Геннадий и его друзья верили в приближение конца света. Мне кажется, что автор слишком буквально понимает их искреннюю, фатальную убежденность в неизбежности прихода царствия антихриста, каковым они считали султана (Gill, с. 378).

Terre hodierna Graecorum, c. 360.

Ducas, XXXVII, с. 329; Zoras, с. 9-70. см. ниже, с. 73.

Прим. ред. — Крестоносцы Запада, полностью разгромившие и разграбившие Константинополь в 1204 г., дали такой «прилив культурных и политических сил», что мало не показалось. Помнили это византийцы.

О событиях после смерти Иоанна VIII см. с. 57-58. О восстановлении стен см. с. 86-87 и Van Mil. 2 (автор называет императора Иоанном VII, а не VIII). Часть восстановительных работ была осуществлена на средства деспота Сербии Георгия Бранковича.

Прим. ред. — Ошибка. Кукурузу (маис) завезли в Европу из Америки в конце XV в. Откуда она взялась в Малой Азии до плавания Колумба? Возможно, ошибся переводчик.

Краткое изложение жизни акритов со ссылками на источники см.: Vas. 1, с. 369—371.

Ом.: Laurent J., с. 27—44.

См.: Houtsma, c. 828—829.

Прим. ред. — Иногда можно встретить «Фатымиды».

Laurent J., c. 45-59; Cahen 1, c. 613—642.

Laurent J. c. 61—101; Cahen 4.

Wit. 2, c. 18-20; Koprulu, c. 101-107; Cahen 1, c. 138—139.

Cahen 3, c. 675—680.

Cahen 2, c. 690—692, 725—732.

Wit. 2, c. 25—32; Wit. 1, c. 1—14.

Прим. ред. — Орден Иоаннитов.

Wit 2, c. 34—37; Wit. 1, c. 15—23; Lemerie, c. 1—39.

Wit. 2, c. 4—15; Koprulu, c. 82—88.

Не так уж невероятно, как это полагает Кёпрюлю, что у династии Османов могли оказаться предки как из Сельджукидов, так и Комнинов; но если это справедливо, то последние, вероятно, появились позднее, в результате брака Баязида I с одной гермянской княжной.

Wit. 2, c. 14—15.

Там же, с. 37—43; Kramers, с. 1005—1007.

Bab. 4, c. 999—1001.

О гражданской войне в Византии см.: Ostr., с. 444—475.

Ваб. 4; Коррulu, с. 125—126. Дата смерти Орхана точно неизвестна. Узюнчаршили (Ozuncarsili, I, с. 62) называет 1360 г. Виттек, ссылаясь на [На греческом] (*Chronica Minora*), датирует ее 1362 г. (Wit. 2, с. 44, 54).

Wit. 2, c. 42—43, 50.

Koprulu, c. 131—132; Pears 2, c. 664—665.

Uzuncarsili, I, с. 61 и сл.; Wit. 2, с. 44—45; Ostr., с. 478—479.

Charanis, c. 288—300.

Корлул с. 129—130; Јирекек, II, с. 87 и сл.

Taf. 2, с. 283—286; Charanis, с. 301; Jirecek, II, с. 99 и сл.; Ostr., с. 485;
Bab. 1, с. 65 и сл.

Вав, 1, с. 1, 24; Jiresek, II, с. 119 и сл. Дата битвы на Косовом поле носит дискуссионный характер, но 15 июня, похоже, соответствует действительности. Ссылки на источники см.: Atiya 2, с. 5, и Ostr., с. 486, примеч. 1.

Подробное описание похода на Никополь см.: Atiya 2, а также: Inal. 2, с. 117—119.

См. выше, с. 24.

Ducas, XV, c. 89.

О Тимуре см.: Grousset, с. 486 и сл.

Ducas, XXIII, с. 177—179; см. выше, с. 25.

Лучшее изложение событий этого периода см.: Jorga 2, 1, с. 325 и сл.
См. также: Kramers, с. 657—658.

Ducas, XIX—XXII, c. 129—169.

Ducas, XXXIII, с. 285; Бертрандон де ля Брокьер пишет: «Они говорили мне, что он не любит войн, и это кажется мне правдой». Лаоник Халкокондилас утверждает, что перед битвой под Варной Мурад дал обет вступить в религиозный орден, хотя это свидетельство осталось неподтвержденным. Однако деятельность Мурада в связи с созданием корпуса янычар (см. ниже, примеч. 39) заставляет думать, что он был в хороших отношениях с дервишским орденом бекташи (см.: Bertrandon de la Broquiere. *Voyage d'Outremer*, с. 181—182; Laon, с. 351—352.

Ducas, XXVIII, с. 229—237; Laon., с. 231—235; Phrantz., с. 116—117; Jorga 2, I, с. 378 и сл. Иоанн Кананос оставил современное событиям описание осады с присовокуплением различных чудес. Его сочинение издано в CSHB вместе с записями Франдзенса (Phrantz., с. 457—479).

Ducas, XXIX—XXXI, с. 245—270; Laon., с. 236—248; Jorga 2, I, с. 236 и сл., Jiresek, с. 174 и сл. Современное событиям описание захвата Фессалоники было сделано Иоанном Анагностом. Вместе с сопровождающим его плачем-песнопением оно было опубликовано в CSHB, там же, где и труд Франдзиса (Phrantz., с. 483—534).

О Скандербеге см.: Radohic; Gegaj.

Bab. 3, с. 19—33. Эта серьезная книга страдает отсутствием каких бы то ни было ссылок на источники. Наиболее полное современное описание битвы при Варне см.: Hal. 3, но эта работа изобилует противоречивыми утверждениями. См.: Pall, с. 144 и сл.; Bab. 5, с. 229 и сл.

Bab. 3, c. 51—55.

Там же, с. 42—43.

По поводу создания войска янычар см.: Mord. 1; Ни art; Birge, с. 45—48. Бартоломео де Джано утверждает, что Мурад воссоздал янычарский корпус в 1438 г. (Bartholomaeus de Jano. — MPG., CLVIII, стб. 1065—1066).

Ducas, XXXIII, c. 285; Laon., c.375; Phrantz., c. 92, 211.

Phrantz., c. 121—122, 134.

Zak. 2, I, c. 165—174.

Зах. 2, с. 165—225, 299—302, II, с. 322-334. Франдзис, из сочинения которого мы черпаем б'ольшую часть сведений о Феодоре, относится к нему с неоправданной неприязнью как к сопернику любимого им Константина.

О королеве Елене см.: Hill, III, с. 527—544.

О роли Димитрия на Флорентийском соборе см.: Gill, с. 108—109, 252, 262 и сл.; о его женитьбе: Phrantz., с. 193—194. До этого Димитрий был женат на Зое Параспондили, которая умерла во время его пребывания в Италии (там же, с. 161, 191—192).

О раннем периоде жизни Фомы см.: Зак. 2, особенно с. 241 и сл.

Там же, с. 204—240.

Франдзис полагает, что неудачное сватовство Константина к дочери дожа повредило его отношениям с Венецией. Ни один из венецианских источников не подтверждает этого сватовства (Phrantz., с. 203, 324—325); см. также: Lambros 1, с. 433—436.

Phrantz., c. 202; Laon., c. 342; Krekic, № 1110, c. 349.

Phrantz., c. 204—206; Laon., c. 373—374.

Дукас (XXXIV, с. 293) утверждает, что Константин, хотя и назывался императором, не был коронован. См.: Voyatzidis, с. 449—456.

Phrantz., c. 204—206; Laon., c. 373—374.

Все современные событиям авторы, как латинские, так и славянские и греческие, отзываються о Константине с уважением. Современных ему подлинных портретов не сохранилось (см.: I.ambros 2, III, с. 229—242; IV с. 238—240).

О советниках Константина см.: Phrantz., с. 229 и сл. Следует помнить, что Франдзис вследствие личной неприязни к Луке Нотарасу мог быть необъективен по отношению к нему.

Phrantz., с. 217; Gill, с. 376, примеч. 1.

Прим. ред. — Откуда взял грузинский царь Георгий сведения о полиандрии и полигамии в Британии, непонятно.

Phrantz., с. 206 и сл.

Там же, с. 211—213.

Bab. 3, c. 1—12, 22—23.

Там же, с. 34—37.

Там же, с. 45—47.

О личности этой женщины, которую звали Хаджие, см.: Alderson, с. 94 и табл. XXV, XXVI и LIV. Михаил Дукас называет ее дочерью Спентиара (Исфендияра), эмира Синопа (Ducas, XXXIII, с. 287).

Bab. 3, c. 53.

Там же, с. 60 и сл. Правильную дату см.: Ina1. 3, с. 411.

Bab. 3, c. 62—64.

Ducas, XXXIII, с. 281—283, 287—289 (автор дает живое и убедительное изложение события); Ashikpashazade, с. 195—197.

На медали, находящейся в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже (см. с. 30), Мехмед изображен молодым человеком. Медаль была выбита, очевидно, вскоре после 1453 г. Медальоны Джентиле Беллини (в Британском музее) и Констанцо де Феррара (в Париже), датируемые соответственно 1480 и 1481 гг., дают представление о Мехмеде на закате его жизни.

Ducas, XXXIII, c. 289—291; Laon., c. 375—376; Thir. 2, III, № 2862. c. 167—168; Bab. 3, c. 69—70; Hasluck, c. 50.

См.: Inal. 1, с. 110—111.

Краткий обзор тогдашнего международного положения см. Gill, с. 382—383.

Послание Франческо Филельфо см.: Jorga 4, IV.

Gill, c. 187.

Там же, с. 377—380, со ссылками.

Превосходное, подробное и снабженное массой ссылок изложение миссии Константина Платриса см.: Paulova, особенно с. 203—224. Одним из современных западных авторов, сообщавших об этом эпизоде, был Убертино Пускуло, живший в то время в Константинополе (Pusculus, с. 36—37).

Ducas, XXXIV, c. 291—293.; Laon., c. 376—379.

Ducas, XXXIV, c. 293—295.

Там же, XXXIV, с. 295—297; Laon., с. 380—381; Krit., с. 15—20.

Ducas, XXXIV, c. 301—303; Laon., c. 380—381; Krit., c. 20—22; Phrantz., c. 233—234. См.: Inal. 1. c. 121—122.

Ducas, XXXV, c. 303; Barbaro, c. 1—5.

Thir. 2, III, № 2881, 2886, 2897, c. 173, 177—178; Heyd, II, c. 302—305;
Thir. 1. c. 380—381.

Документы приводятся по: Jorga 4, II, с. 271—273; Heyd, II, с. 285—286; Argenti, I, с. 201—202.

Krekic, c. 59—62.

Gill, c. 378—379; Mar. 2; Mar. 3, c. 419—428; Guiland, c. 226—244.

См.: Gill, с исчерпывающими ссылками. См. также: Paulova, с. 192—203, где автору удалось более глубоко проникнуть в психологию Геннадия. Как мне кажется, Джилл упрощает вопрос, допуская, что в Константинополе все понимали, что помощь с Запада придет лишь в том случае, если уния будет проведена в жизнь. Геннадий стремился умерить радость простого народа при виде прибывших западных солдат (которая, безусловно, тревожила его) и настойчиво внушал всем, что западная помощь неизбежно повлечет за собой унию, которую не исправишь ни доброй волей, ни доктриной об Экономии (во что, по-видимому, уверовал Лука Нотарас). Джилл справедливо подчеркивает умеренную позицию Нотараса. Михаил Дукас, который черпал свою информацию главным образом из генуэзских источников (см. ниже, с. 169—170), явно несправедлив к Нотарасу. Так же были настроены по отношению к нему и западные авторы, особенно Леонард Хиосский и Пускуло, который называет Нотараса врагом искусства и внуком рыботорговца. Странные обвинения, если учесть, что они направлены против человека довольно знатного происхождения, который, отличаясь лично суровым нравом, жил во дворце, известном своими прекрасными произведениями искусства. Основные источники о переговорах относительно унии: Gennad., III, с. 165—193; Ducas, XXXVI, с. 315—319; Phrantz., с. 325; Leon. 2, стб. 929—930. Послание митрополита Киевского Исидора см.: Jorga 4, II, с. 522-524; Pusculus, с. 21, 23.

См. выше, примеч. 25 к гл. III.

Ducas, XXXV, c. 311—313.

Прим. ред. — Тем не менее, как будет видно ниже, предательства так и не было.

Krit., с. 23—33. Автор приводит длинную речь, вложенную в уста султана, которого он заставляет излагать всю османскую историю, вплоть до описываемых событий: Taci Beyzady. Mahruca-i Fethnamesi. Istanbul, 1331 (год хиджры), с. 6—8 (приведена другая версия речи, также сочиненная автором, но восходящая к той же основе, что и у Критовула); см.: Inal. 1, с. 125—126.

Ducas, XXXVII, с. 321. Пускуло (с. 49) ошибочно утверждает, что Месемврия была среди городов, оказавших туркам сопротивление.

Phrantz., c. 234—236; Laon., c. 381—382.

О военных кораблях того времени см.: Yuie, I, с. 31—41; Pears 1, с. 232—235; Sottas, с. 52—102.

Согласно Барбаро (с. 21—22), в турецком флоте было 12 галер и от 70 до 80 больших лодок; Тетальди (стб. 1820—1821) — от 16 до 18 галер и от 60 до 80 больших лодок; Леонарду (Леоп. 2, стб. 930) — 6 трирем и 10 бирем, всего же 250 судов; Франдзису (с. 237) — 30 крупных и 330 малых судов, хотя на с. 239—240 он приводит общую цифру в 480 судов; Дукасу (XXXVIII, с. 333) — всего 300 судов; Халкокондиласу (Laon., с. 384) — 30 трирем и 200 судов меньшего размера; Критовулу (Krit., с. 37—38) — всего 350 судов, не считая грузовых; Критовул подчеркивает личный интерес Мехмеда II к флоту.

Krit., c. 38.

Об организации турецкой армии см.: Pears 1, с. 222—231; Bab. 3, с. 91—92. Из христианских источников Дукас (XXXVIII, с. 336) общее число турецких солдат оценивает более чем в 400 тыс.; Халкокондилас (Laon., с. 383) — 400 тыс.; Критовул (Krit., с. 38) — 300 тыс., без находившихся в обозе; Франдзис (с. 240) — 262 тыс.; Леонард (Leon. 2, стб. 297) — 300 тыс., включая 15 тыс. янычар; Тетальди (стб. 1820) — 200 тыс., включая 60 тыс. находившихся в обозе; Барбаро (с. 18) — 160 тыс. Турецкие авторы называют цифру 80 тыс. (Khairullah Effendi, с. 61—63. См.: Mordt. 4, с. 39). Ф. Бабингер указывает, что по демографическим причинам Османская империя в то время не могла выставить более 80 тыс. боеспособных солдат.

Оман, II, с. 205 и сл.

Bab. 3, c. 88.

Прим. ред. — Около 8,1 м.

Прим. ред. — Непонятно. Наверное, ошибка в источниках — как это у основания окружность ствола в 3 раза меньше, чем у жерла? Может, опечатка — не 4, а 14 пядей? Или переводчик перепутал порядок слов?

Прим. ред. — Около 500 кг.

Ducas, XXXV, c. 305—307; Phrantz, c. 236—238; Laon., c. 385; Krit., c. 43—46; Barbaro, c. 21; Leon. 2, стр. 927. См.: Bab. 3, c. 86, 88.

Mord. 5; Hammer-Purgstall, I, c. 397—398.

Ducas, XXXVII, с. 327; Barbaro, с. 18; Dolfín, с. 12—13. Франдзис (с. 237) сообщает, что турки подошли 2 апреля, когда, вероятно, показался только их авангард; Леонард же Хиосский (Leon. 2, стб. 927) называет дату 9 апреля, когда, по всей видимости, подошли основные силы.

Krit, c. 35.

Там же, с. 34-35. Леонард Хиосский (Leon. 2, стб. 934) обвиняет треков в том, что они прятали свои деньги. Во многих песнях-плачах по Константинополю скардность греков выступает в качестве одного из грехов, за которые город и потерпел кару. Но эти обвинения носят чисто риторический характер, без каких-либо подробностей.

См.: Мар. 3, с. 426—427.

Thir. 2, III, № 2905, c. 130.

Mar. 3, c. 426—427.

Thir. 2, № 2909—2912, 2917, 2919, c. 182—184.

См. ниже, с. 95.

Csúday, I, с. 422—426; Франдзис (с. 323—328) говорит, что венгры направили к султану посольство, которое указало, что нападение на Константинополь может нарушить добрые отношения его с венграми, но одновременно Хуньяди потребовал у императора Селимврию и Месемврию в качестве платы за помощь, а Альфонс Арагонский, добавляет Франдзис, — о-в Лемнос.

Ostr., c. 492.

Јорга 3, IV, с. 124 и сл.

Phrantz., с. 325—326. «Польский янычар» (Михаил Константинович [По другой версии — Константин Михайлович. См.: Записки янычара. М. 1978 — Примеч. ред.] из Остравицы) сообщает о возмущении сербских воинов, когда они узнали, что им предстоит присоединиться к туркам (Pamiętniki Janczara Polaka Napisane, с. 123 и сл.).

См.: Mill. 1. с. 467 и сл.

Barbaro, c. 14—18.

Phrantz., с. 241; Ducas, XXXVIII, с. 331; Krit, с. 39—40; Barbaro, с. 13—15; Leon. 2, стб. 928; Zorzo, с. 14; Tetaldi, стб. 1821; Montaldo, с. 334; Jorga 5, с. 91—92 (русская версия) и с. 78 (румынская версия); *Historia Politica...*, с. 18—19 — здесь в уста Джустиниани вложена блестящая речь по поводу переживаемых событий; о поведении жителей Перы см.: там же, с. 196.

Phrantz, c. 252—253.

Там же, с. 256. Дон Франсиско утверждал, что был потомком Алексея I Комнина. Мне не удалось проследить его генеалогию.

Франдзис (с. 238) называет его немцем Иоанном; Леонард Хиосский (Леоп. 2, стб. 928) добавляет к его имени прозвище Великий (Grande); Дольфино передает это слово как Grando (Dolfin, с. 14).

Barbaro, c. 19.

Там же, с. 13—14; Франдзис (с. 24) говорит, что большое число греческих семейств, принадлежавших ко всем классам общества, боясь оказаться в осаде, покинули город до ее начала.

Barbaro, с. 20; Phrantz., с. 238; Dolfín, с. 20. Цифры этих источников более или менее совпадают, но у Барбаро по сравнению с другими больше подробностей..

Прим. ред. — Это несколько странно. Население Константинополя, как указано в главе I, в конце XIV в., т.е., за 60—70 лет до осады, составляло порядка 100 тыс. чел. Допустим, за указанный период оно сократилось на $1/3$ (вряд ли больше). Половина — женщины, из оставшихся — явно не более $2/3$ — мальчики и глубокие старики. Следовательно, боеспособных («включая монахов») должно было быть не менее 11 тыс. Имеется же всего около 5 тыс. чел. Видимо, многие уклонялись от призыва.

Phrantz., с. 291; Тетальди (стб. 1820) называет цифру от 6 тыс. до 7 тыс., а в одном рукописном варианте добавляет: «не более». Леонард Хиосский (Леон. 2, стб. 933), а вслед за ним и Дольфино (с. 22) говорят о 6 тыс. греков и 3 тыс. итальянцев; в число последних, возможно, включены и солдаты Перы, не принимавшие участия в военных действиях. Согласно Тетальди, население города составляло 30 тыс. человек; неясно, включил ли он сюда женщин. Если исходить из того, что в эту цифру не включены женщины, старики, дети и духовенство, тогда число 5 тыс. способных носить оружие согласуется с общей цифрой населения от 40 тыс. до 50 тыс. человек. Некоторые монахи, взявшиеся позднее за оружие, в список Франдзиса, вероятно, не вошли. Критовул (Krit., с. 76) говорит, что при захвате города около 4 тыс. жителей было убито, а остальные (более 50 тыс.) взяты в плен. Цифры Критовула, как и большинства средневековых авторов, почти всегда завышены.

Krit., с. 40. Похоже, что ров в некоторых местах был наполнен водой (Andr. Callist., стб. 1124).

Barbaro, c. 15—16; Leon. 2, стб. 930; Phrantz., c. 238; Ducas, XXVIII, c. 333.

Barbaro, c. 18—20.

Лучшее и наиболее полное описание городских стен см.: Van Mil. 2. Я, однако, без колебаний присоединяюсь к точке зрения Пирса, согласно которой ворота св. Романа, упоминаемые в описаниях осады, следует отождествлять с Пятыми военными воротами. Как показывает Пирс, древнее название «Пемптон» (пятый) нигде не упоминается после VII в. В описаниях осады нет и более позднего наименования — ворота св. Дня Господня (Кириаки). Но в долине Ликоса были только одни ворота — на том участке стен, где происходили наиболее ожесточенные схватки. Похоже, что они были известны в то время как военные ворота св. Романа и что, когда современные событиям авторы пишут о воротах св. Романа, они имеют в виду другие, городские ворота св. Романа, нынешние Топкапу, на северном склоне холма (Pears 1, с. 429-436).

Леон. 2, стб. 936; Лаон., с. 384. О восстановлении стен после 1422 г., в том числе и надписей с упоминанием Иагроса, см.: Van Mil. 2, с. 104—106, 126. Франдзис (с. 225) пишет о Неофите с большим уважением, хотя обо всех, кого он подозревает в нелояльности, он отзывается чрезвычайно критически.

Barbaro, с. 16—19; Leon., стб. 934—936; Phrantz., с. 252—256. Сведения этих авторов о расположении войск в общем совпадают, хотя Леонард Хиосский по возможности избегает упоминания греков, а Фраядзис — единственный, кто упоминает генуэзца Мануэле у Золотых ворот. По его словам также, Лука Нотарас находился в Петрионе, а Кантакузин и Никифор Палеолог командовали подвижным резервом. Возможно, что впоследствии Кантакузин заменил Мануэле. В участок, обороняемый Лукой Нотарасом, вошли Петрион и Петра. Только Барбаро сообщает место, где находился Орхан. Пускуло (с. 64—65) и Дольфино (с. 23—24) несколько расходятся в описании расположения войск. Следует учесть, однако, что первый писал по памяти много лет спустя, а второй вообще не был свидетелем осады.

См.: Pears 1, с. 260—252.

Krit., с. 41—42; Tetaldi, стб. 1802. За исключением Эвлии Челеби, который писал спустя два столетия, ни один турецкий источник не сообщает каких-либо подробностей о расположении турецкой армии. Соответствующие отрывки из книги Эвлии Челеби см.: Turkova, особенно с. 7—9.

Krit., с. 42; Phrantz., с. 240; Barbaro, с. 21. Двойные Колонны (Диплокион) изображены на плане Константинополя, составленном Буодельмонте в 1422 г. Они указаны на нем в долине пересыхающего ручья между нынешними пл. Таксим и ул. Мачка, приблизительно там, где расположено юго-западное крыло дворца Долмабахче.

Barbaro, c. 19—20.

Krit., c. 40—41.

Barbaro, c. 18—20.

Krit., c. 47—48.

Barbaro, c. 21; Krit., c. 48—49; Phrantz., c. 238—239; Ducas, XXXVIII, c. 339; Laon., c. 386—387.

Barbaro, с. 21—22; Krit., с. 50—51. По мнению Критовула, этот бой произошел после первого штурма стен; однако правильную дату приводит Барбаро. По-видимому, Критовул спутал это нападение на заграждение с атакой меньшего масштаба, произведенной Балтоглу 18 апреля.

Barbaro, c. 23; Krit., c. 49—50.

Прим. ред. — Непонятно. Зачем пушкам турок стрелять вверх? Они могли поражать борта в районе ватерлинии и топить корабли византийцев, ведь броненосцев тогда не было. Какая-то ошибка или неточность в первоисточниках, воспроизведенная С. Рансимоном. Либо — легкие пушки не могли пробивать борта. Но это не указано.

Прим. ред. — Противоречие. Выше указано, что во время долгого боя боеприпасы на кораблях начали иссякать.

Phrantz., с. 247—250; Krit., с. 52—55; Ducas, XXXVII, с. 335; Laon, с. 389—390; Barbaro, с. 23—26; Leon. 2, стб. 930—931; Dolfín, с. 17—18; Pusculus, с. 68—69. Дукас говорит, что было четыре генуэзских судна и одно императорское, а Халкокондилас — что одно генуэзское и одно императорское; очевидцы же одинаково называют три генуэзских и одно императорское судно. Согласно Барбаро, генуэзцы соблазнились предложением императора ввозить продовольственные товары беспошлинно. Леонард Хиосский утверждает, что генуэзцы доставили осажденным солдат, оружие и деньги; по словам же Критовула, все это выслал папа.

О послании шейха и общей реакции турок см.: Ina1. 3, с. 411—412; Inal. 1, с. 217.

Barbaro, c. 26; Krit. c. 55; Ducas, XXXVIII, c. 336.

Barbaro, c. 26; Phrantz., c. 246—247; Leon. 2, στ6. 91.

Barbaro, с. 27—28; Phrantz., с. 250—252; Krit., с. 56—56; Leon. 2, стб. 930 (Леонард обвиняет венецианцев в том, что именно они подсказали эту мысль султану); Tetaldi, стб. 820-1821; Puscus, с. 69—70; Dolfi, с. 16; Pamietniki Janczara Polaka, гл. XXIV; Ashikpashazade, с. 198; Saad ed-Din, с. 20—21. Ашикпашазаде утверждает, что было переправлено 70 судов, тогда как в источниках Саадэддина указана цифра значительно более скромная. Эвлия Челеби упоминает 50 галер и 50 малых судов (см.: Turkova, с. 5—6). «Польский янычар» говорит о 30 кораблях. Данные современных событиям христианских источников колеблются между 67 судами (Критовул) и 80 (Тетальди). Я следую Пирсу (Pears 1, с. 443—446), полагая, что суда были перевезены скорее по крутой, но короткой долине за нынешней Топхане, чем по более широкой долине в сторону Шишли; второй путь был бы длиннее и лишь немногим легче.

Barbaro, с. 28—33; Phrantz, с. 257—258; Krit., с. 56—57; Leon. 2 стб. 932—933; Tetaldi, стб. 1821; Pusculus, с. 72—75; Ducas, XXVIII, с. 347—348. Критовул, сведения которого почерпнуты, вероятно, из турецких источников, и Дукас, чьи данные в значительной мере генуэзского происхождения, утверждают, что султан получил предупреждение из Перы. Барбаро, чья ненависть к генуэзцам делает его подозрительным к ним, утверждает, что подеста Перы лично направил предупреждение султану. Леонард Хиосский, сам генуэзец, намекает, что поведение генуэзцев было предосудительным.

О сношениях султана с Перой см. ниже, с. 108.

Phrantz., с. 262; Krit., с. 57; Barbaro, с. 43—44; Leon 2 стб. 931; Ducas, XXXVIII, с. 349; Laon. с. 388; Kadja Effendi (рукопись, с. 170, приведена в: Lebeau, XXI, с. 265). Мемориальная доска, прикрепленная в 1968 г. там, где будто бы понтонный мост подходил к берегу у городских стен, установлена не на месте. Совершенно очевидно, что мост не мог вести к узкой, затопляемой береговой полосе, над которой господствовали мощные фортификационные сооружения Влахернов и которая была отрезана каналом Диедо от остальной части турецкой армии. Мост должен был вести к месту, недосягаемому для огня орудий на стенах, как это показано на современном изображении — иллюстрации к французской рукописи XV в. (она использована на обложке английского издания данной книги [Не представлена. — Прим. Сосискина]). В то же время Барбаро, который дает наиболее полное описание понтонного моста и называет дату завершения его строительства, говорит, что мост подошел к самому «заграждению», под которым он, очевидно, понимает влахернскую стену.

Phrantz., c. 256; Barbaro, c. 38—34; Leon., στ6. 935.

Barbaro, c. 35; Thir., 2, № 2919—2923, c. 185—186.

Thir. 2, № 2927, c. 186—187.

Barbaro, с. 36; Jorga 5, с. 114 (русская версия — с. 96, румынская — с. 79). В приведенной им «Славянской летописи» говорится, что император обращался за помощью к деспотам Морей, к правителям других островов, а также к франкским властителям.

Phrantz., c. 258; Leon. 2, στб. 932—933.

Об этом эпизоде говорится только в «Славянской летописи»; однако сведения летописца представляются соответствующими действительности. См.: Jorga 5, с. 118 (русская версия — с. 95, румынская — с. 79—80).

Phrantz., c. 259—260; Barbaro, c. 25—36; Ducas, XXXVIII, c. 347.

Barbaro, с. 36—37; в «Славянской летописи» говорится о героизме Рангависа [см.: Jorga 5, с. 118—119 (русская версия — с. 96—96, румынская — с. 80—81.)]

Barbaro, c. 37—39.

Там же, с. 39; «Славянская летопись» приводит явно вымышленный рассказ о том, что император собрал свой совет на пороге храма св. Софии в момент, когда ему донесли, что турки уже вошли в город; тогда он помчался на коне им навстречу и отбросил их. См.: Jorga 5, с. 119—120 (русская версия — с. 96—97, румынская — с. 81).

Barbaro, c. 39—40.

Там же, с. 40—42, 44—45.

Barbaro, c. 42—43; Phrantz., c. 243—245; Leon. 2, стр. 936.

Barbaro, c. 42—43; Phrantz., c. 45; Leon. 2, στб. 936; Tetaldi, στб. 1821; Leon, c. 388—389.

Barbaro, c. 46—47.

Там же, с. 47. Барбаро приводит подробности этого эпизода выше, на с. 33—34, где он рассказывает об отправлении судна. Это свидетельствует о том, что, перед тем как издать свой труд, автор еще раз просмотрел свой дневник и добавил перекрестные ссылки.

Затмение луны Барбаро (с. 46) датирует 27 мая. Между тем полнолуние и затмение имели место 24 мая. Автор, очевидно, и здесь внес изменение в дневниковую запись. Об остальных предзнаменованиях см.: Phrantz., с. 79; Krit., с. 58—59. Барбаро возвращается к затмению на с. 48. В «Славянской летописи» дурные предзнаменования представлены в сильно преувеличенном виде (см.: Jorga 5, с. 122).

Это известие содержится только в «Славянской летописи» (Jorga 5, с. 122—123; русская версия — с. 98, румынская — с. 82). Если отвлечься от таких явно вымышленных деталей, как присутствие патриарха, оно, возможно, соответствует действительности.

Krit., c. 60.

Phrantz., с. 263—264, 327; Ducas, XXXVIII, с. 341—343. Венгерский посланец дал султану полезный совет относительно использования артиллерии.

Лаоп., с. 390—392 (дается полный рассказ о переговорах Исмаила);
Ducas, XXXVIII, с. 345, 349; Saad ed-Din, с. 20.

Phrantz., c. 266—270; Leon. 2, στβ. 937-938; Tetaldi, στβ. 1821-1822.

Tetaldi, стб. 1821—1822.

Barbaro, с. 48—49; Jorga 5, с. 124 (русская версия — с. 100, румынская — с. 84). О ранении Джустиниавд говорится только в «Славянской летописи».

Phrantz., c. 270; Leon., στб. 938.

Barbaro, c. 48—49.

Там же, с. 49—51; Krit., с. 60; Ducas, XXXIX, с. 351—363; Leon., стб. 938; Dolfin, с. 20. О посещении султаном Перы сообщает только последний автор.

Критовул (Krit., с. 60—65) приводит пространную речь, которую, по его мнению, должен был в данных обстоятельствах произнести султан. Несомненно, что при этом он опирался на сведения, данные ему его другом Хамза-беем, присутствовавшим на совете. Следует предположить, что султан произнес речь, более или менее соответствующую тому, что пишет Критовул. Франдзис (с. 269-279) приводит обращение султана очень кратко.

Barbaro, c. 50; Phrantz., c. 262—263; Leon. 2, στ6. 937.

Phrantz., c. 271—279; Leon. 2, στβ. 938-939.

Phrantz., с. 279. Критовул, Халкокондилас и «Славянская летопись» касаются всеобщей в связи с описанием разграбления города. См. ниже, с. 132.

Phrantz., c. 260; Cambini, c. 8—10.

Phrantz., с. 280. Образ белоногой кобылы императора запечатлен в греческой поэзии; см., например: Leg. 2, с. 74.

Krit., c. 66-67.

Мое изложение основано на данных различных источников, и прежде всего на свидетельствах очевидцев: Phrantz., с. 280—287; Barbaro, с. 51—57; Leon. 2, стб. 940—941; Tetaldi, стб. 1822—1823; Puscus, с. 80—81; Montaldo, с. 335—338; Riccherio. *La pressa di Constantinopoli. San so vino*, II, с. 64—66; *Pamiętnik Janczara Polaka Pisane*, с. 132—134. Сведения Критовула (с. 67—71) и Дукаса (XXXXIX, с. 351—361) были собраны сразу же после падения города со слов непосредственных очевидцев. Данные турецких источников весьма лаконичны; они собраны в: Saad ed-Din, с. 21—28. У Халкокондиласа (Laon., с. 364—356) содержится лишь краткий перечень событий, ничего не добавляющий к сведениям, известным по другим источникам. В «Славянской летописи» (Jorga 5, с. 124—125) сражение описано весьма путано. Дукас — единственный христианский автор, который сообщает все подробности о прорыве через Керкопорту, но его рассказ кратко подтверждает Саадэддин. О действительном местоположении Керкопорты см.: Van Mil. 2, с. 89—94. О ранении Джустиниани источники сообщают по-разному. Франдзнс говорит, что он был ранен в ногу, Халкокондилас — в руку, Леонард Хиосский утверждает, что в его подмышку попала стрела, а Критовул — что в нагрудные доспехи Джустиниани ударило ядро. Вероятно, у него было тяжелое телесное повреждение. Настроенный враждебно ко всем генуэзцам Барбаро вообще не упоминает о ранении и просто заявляет, что Джустиниани дезертировал со своего поста. В остальном все источники поразительно сходятся.

Phrantz., с. 287—288; Barbaro, с. 57—58. Франдзис говорит, что Паоло и Троило удалось бежать, и ничего не сообщает об Антонио. А подеста Перы в своем послании генуэзскому правительству пишет, что Паоло пытался скрыться, однако был схвачен и убит (см.: *Notices et extraits.*, с. 77). Франдзис, по-видимому, спутал Паоло с Антонио.

Saad ed-Din, с. 23. См.: Ahmed Muktar Pasha, с. 228. О рыбаках
Петриона см. Дополнение II, с. 175.

Barbaro, c. 59, 61; Phrantz., c. 293.

См. ниже, Дополнение II, с. 175.

Krit., c. 74—75; Ducas, XXXIX, c. 379; Laon., c. 398.

Leon. 2, стр. 943; Notices et extraits..., c. 77.

Sansovino, II, с. 66; RIS, XVIII, с. 701—702; Laon., с. 399. Подробное изложение этого эпизода содержится в трех письмах, направленных из Рима кардиналу Феррарокому. См.: Jorga 4, II, с. 518—520. Когда Тетальди составлял свое донесение, он считал, что кардинал погиб (Tetaldi, стб. 1823).

Barbaro, с. 57—58; *Notices et extraits...*, с. 75; Ducas, XXXIX, с-371—373 (автор утверждает, что удалось спастись только пяти генуэзским судам).

Barbaro, c. 58—59; Ducas, XXXIX, c. 373.

Phrantz., с. 387—388. См. ниже, с. 138.

По традиции на турецком флаге изображен месяц со звездой меж его рогов, причем лунный серп соответствует ущербной, а не молодой луне, ибо именно при этой фазе султан будто бы вступил в город. В действительности же луна в тот день была еще в третьей четверти.

Ducas, XXXIX, с. 373. См. ниже, с. 174. Из донесения подесты Перы неясно, явился ли он сам к султану, как об этом сообщает Дукас (см.: *Notices et extraits...*, с. 76).

Phrantz., с. 290—291; Ducas XL, с. 377; Laon., с. 399; *Historia Politica...*, с. 23; Barbaro, с. 53; Tetaldi, с. 183; Pusculus, с. 81; Montaldo, с. 338; Saad ed-Din, с. 31; Jorga 5, с. 126 (русская версия — с. 102, румынская — с. 87). Согласно «Славянской летописи», голова Константина была похоронена под алтарем храма св. Софии, а тело — в Пере. «Польский янычар» утверждает, что голова императора была опознана крестьянином по имени Андрей. «Могила императора», которую показывают на пл. Вефа в Стамбуле, историческими свидетельствами не подтверждается.

Barbaro, с. 55; Phrantz., с. 288—289; Krit., с. 71—73. Церковь. св. Марии Монгольской турки по традиции называют Кан Килисе, т. е. «Церковь на крови», поскольку на улице мимо нее с высот Петры текли потоки крови.

Ducas, XXXIX, c. 363.

Там же, с. 369.

Археологические данные свидетельствуют о том, что монастырь Пантократора был разграблен, а затем превращен в место постоя солдат. Геннадий, бывший здесь монахом, предположительно был схвачен в своей келье. Первоначально он, по-видимому, удалился в монастырь харсианитов (Beck 2, с. 760), 1452/53 г. провел в монастыре Пантократора (Ducas, XXXIX, с. 315).

Ducas, XXXIX, c. 365; Krit., c. 75.

Phrantz., c. 290; Krit., c. 75—76; Leon. 2, стб. 941—942.

Barbaro, с. 57; Krit., с. 75—76; Ducas, XXXIX, с. 365; RIS, XVIII, стб. 701—702 (отчет главы францисканцев).

Критовул говорит о 4 тыс. убитых и 50 тыс. плененных, а Леонард Хиосский — о 60 тыс. пленных. Обе цифры пленных преувеличены: все население города составляло, вероятно, не более 50 тыс. (см.: Krit., с. 76; Leon., стб. 942). В сообщении францисканского монаха говорится о 3 тыс. убитых (RIS, XVIII, стб. 701—702).

«Славянская летопись» приводит детали, которые, похоже, взяты из рассказов очевидцев, хотя в ней и фигурирует воображаемый патриарх; см.: Jorga 5, с. 127 (русская версия — с. 105, румынская — с. 86—87). Дукас в рассказе о солдате, выламывающем кусок мрамора (к моменту посещения св. Софии султаном мрамор пола был уже, безусловно, выломан), датирует это посещение 30 мая (Ducas, XXXIX, с. 375; Phrantz., с. 290). Ашикпашазаде говорит лишь о том, что и следующую субботу в здании храма совершалось уже мусульманское богослужение, (Ashikpashasade, с. 109).

Кантемир (с. 1012) приводит в этом месте лишь цитаты на фарси, без указания источника.

Phrantz., c. 291—292; Leon. 2, στб. 942; Krit., c. 82.

Barbaro, с. 57—61; *Notices et extraits...*, с. 74; Leon. 2, стб. 943; RIS, XVIII, стб. 702. Ссылки на источники, в которых описаны перипетии кардинала Исидора, даны в примеч. 9 к гл. X.

Camariotes, стб. 1068—1069.

Я следовал рассказу Дукаса и Лаоника Халкокондиласа (Ducas, XL, с. 381; Лаон., с. 402—403). Дукас не любит Нотараса, тем более убедительно его повествование. Критовул опускает сведения о низменных наклонностях султана, желая уберечь его репутацию (Krit., с. 82—84). Леонард Хиосский, упоминая об этих наклонностях, приводит версию о том, что Нотарас, которого автор ненавидит, пытался направить гнев султана на кого-то другого. Монтальдо (с. 339) обвиняет Нотараса в вероломстве, но тем не менее приводит историю с его сыном.

Ducas, XLII, с. 395. Трудно сказать, кто была супруга Нотараса. В письмах к ней, например, Геннадия (см.: MPG, CLX, стб. 747) корреспондент называет Нотараса «зятем императора» [На греческом. Одно слово, согласно прим. ред., означает еще и «шурин». — Прим. Сосискина] Если бы она была дочерью Мануила II и императрицы Елены, то Франдзис, который сообщает все подробности об императорской фамилии, не мог бы не упомянуть об этом. Она, очевидно, родилась после 1400 г., поскольку в 1453 г. ее сыну было немногим более десяти лет. Невероятно, чтобы такой преданный супруг, каким был Мануил, имел после женитьбы незаконных детей. Полагаю, что у византийцев не было обыкновения употреблять слово «зять» в значении широко понимаемого свойства через брак. Следовательно, жена Нотараса должна была быть дочерью племянника Мануила, императора Иоанна VII, который был женат на принцессе из дома Гаттилузи и сына от нее наверняка не имел, но мог иметь дочь, законную или внебрачную. А.Т. Пападопулос (с. 90) считает, что жена Нотараса была дочерью Димитрия Палеолога Кантакуаина, но Франдзис, на которого он ссылается, ничего об этом не пишет. На чем основывает свою генеалогию семьи Нотараса Ламброс (Латикос 3, с. 153, 170), мне неизвестно.

См. с. 164. К. Сафас утверждает, что одно время Анна была помолвлена с императором Константином (Sathas 1, IX, с. VI), однако это свидетельство остается неподтвержденным.

Phrantz., c. 309—310, 383, 385.

Krit, с. 76—77; Ducas, XLII, с. 395; RIS, XVIII, стб. 702. Подеста Поры в своем донесении, написанном 23 июня, сообщал, что султан отбыл накануне (Notices et extraits..., с. 76-77). Bab. 3, с. 107.

См.: Дополнение II.

См.: Дополнение II.

Phrantz, с. 304—307; *Historia Politica...*, с. 27—28, 79—81; *Krit.*, с. 94—95; *Cantemir*, с. 104. См. также полное, хотя и с некоторыми неточностями изложение в: *Papadopoulos*.с. 1-85.

См.: Дополнение II.

Phrantz, с. 307; *Historia Politica...*, с. 28-29, 82—93. (приводятся трактаты Геннадия).

Krit., с. 82—83; Ashikpashazade, с. 124—126; Ducas, XLII, с. 303; *Historia Politica...*, с. 25. О насильственном переселении греков из Трапезунда см. с. 156. В письме, написанном в 1454 г. епископами, бежавшими в Валахию, говорится о 30 тыс. семей, возвращенных в Константинополь (Jorga 5, IV, с. 67). 4 тыс. заставили вернуться, а 4 тыс. сами прибыли с «материка», т.е. из Фракии.

Испанский путешественник Кристоаль де Вильялон, писавший в 1550 г., утверждал, что он видел списки горожан Константинополя: 60 тыс. — турки, 40 тыс. — греки и армяне, 10 тыс. — евреи. 4 тыс. семей (греков или латинян) проживали в Пере, 10 тыс. греческих семей—в окрестностях города (Villalon, II, с. 225 и сл; см.: Jorga 1, с. 45—52).

Комментарий к рукописи из монастыря Агарафос цитируется в: Tomadakis 2.

Thir. 2, № 2928, c. 187; Pasto, II, c. 271-574.

Тетальди (стб. 1823) верил, что, если бы флот прибыл вовремя, город мог устоять.

Krit, c. 81; Thir. 1, c. 383.

Thir. 2, № 2929—2936, с. 187—190.

Notices et extraits..., с. 76—78; Montaldo, с. 342 (об имени подесты — Ломеллино — см: там же, с. 306—307); Ducas, XLII, с. 393; Kgit, с. 76.

Heyd, II, с. 382—407. Акт передачи Кафы в руки «Консилио» воспроизведен в: *Notices des Manuscrits de la Bibliotheque du Roi*, XI, 1, с. 81—89.

Argenti 1, c. 205—208.

Heyd, II, с. 308, 336—338. Тетальди (стб. 1823) исчисляет убытки анконцев более чем в 20 тыс. дукатов.

Heyd, II, с. 308, 336—338. Убытки флорентийцев Тетальди (стб. 1823) оценивает в 20 тыс. дукатов.

Heyd, II, c. 308, 348.

Krekic, c. 62; Thir. 2, № 1279, 1364, c. 383, 398.

Thir. 2, № 2955—2956, 3021, c. 194—195, 212—213.

Raynaldi, X, c. 2—3.

Jorga 4, II, c. 518.

Там же, IV, с. 90—91, 101—102, 111—113.

Pius II, c. 716—717.

Grunzweig, c. 51—52.

Olivierde la Marche, II, c. 381—382.

Krit., с. 119-121; Ducas, XLV, с. 423. См: Mill. 1, с. 340—343, со ссылками.

См.: Atiya 1, с. 236—240.

Olivierde la Marche, II, c. 336—337.

Jorga 4, IV, c. 126—127.

Laon, c. 403.

Pius II, c. 394.

Ducas, XLII, c. 395; Krit., c. 85; Bab. 3, c. 108—109.

Krit, c. 86—87; Ducas, XLII, c. 395; Mill. 1, c. 334—335.

Phrantz., с. 293—294; Krit, с. 87—88; Laon, с. 403—404; Leon. 2, стб. 943; Ashikpashazade, с. 197—199. См.: Ina1. 1, с. 134—136. Ашикпаша-заде особенно враждебен к Халилю, в то время как поздние оттоманские историки, писавшие уже тогда, когда род Халиля — Чандарлы был реабилитирован, настроены к нему более благожелательно (см. Ina1. 1, с. 132—136). Возможно, что опала Нотараса и его гибель как-то связаны с судьбой Халиля; Ашикпашазаде утверждает, что Нотарас подкупил Халиля, послав ему деньги, спрятанные в чреве рыбы. Нотарас и Халиль, безусловно, были в хороших отношениях.

См.: Jirecek, II, с. 201 и сл.; Mill. 1, с. 456—457; Mill 2; Cambridge Medieval History, IV, с. 575—582; Bab. 3, с. 112 и сл.

Krit, c. 105—111, 138—139; Ducas, XLIV, c. 419, XLV, c. 423, 427; Leon. 1; Mill. 1, c. 335—352.

Mill. 3, c. 435, 441, 456—457.

Krit, c. 126—137, 149—153; Ducas, XLV, c. 423—425; Pamietniki Janczara Polaka Napisane, c. 155—165; Ashikpashazade, c. 210—213; Zak. 2, c. 247—284.

Krit., c. 163—174; Phrantz, c. 413; Ducas, XLV, c. 429—431; Laon., c. 490—497; Pamietniki Janczara Polaka Napisane. c. 165—173; Ashikpashazade, c. 218—227. См.: Mill. 4, c. 97-104.

Krit, c. 175—177; *Historia Politica.*, c. 36-37; Mill. 4, c 105—108.

Phrantz, c. 308; Krit, c. 175—177; Mill. 4, c. 105—108.

Mill. 4, с. 105—108. Балладу о девушке из Кордили см.: Leg. 2, с. 78.

Балладу о падении Трапезунда см.: Leg. 2, с. 76.

Прим. ред. — Граф Дракула.

Jorga 3, IV, с. 131 и сл.

Medlin, c. 75—96.

Phrantz, с. 395, 412—413, 427—429, 449; Krit, с. 58—59; *Historia Politica...*, с. 35—36. Монодия, оплакивающая смерть принцессы Елены, приводится в: [На греческом] [у авт. б. м., б. г.], IV с. 221—229.

Phrantz., с. 410—415; Mill. 3, с. 453—455; Zak. 2, 1, с. 287—290. Франдзис говорит, что супруга Фомы скончалась в возрасте 70 лет. Это явная ошибка, ибо Фоме, когда он умер спустя три года после нее, было 56 лет, а их младшее дитя — Зоя не могла родиться ранее 1456 г. Фома женился на Катерине в 1430 г.; если бы в это время ей было 15, она должна была бы скончаться в возрасте 47 лет.

Phrantz., c. 202, 413, 450. См.: Lascaris, c. 97—123.

О судьбе сыновей Фомы см.: Zak. 2, I, с. 290—297 (с подробными ссылками на источники), и Typaldos, с. 129—154. О Зое-Софии см.: Medlin, с. 76—77, 79, 86—87; о ее первом браке см.: Phrantz., с. 424—426.

О потомках Палеологов, которые в XVII в. оказались на полуострове Корнуолл и вымерли на Барбадосе, см.: Leigh Fermor, с. 144—149, и Zoras. с. 287—295. Свое происхождение это семейство возводило к сыну Фомы по имени Иоанн. Однако, если бы таковой существовал в действительности, невозможно допустить, чтобы Франдзис, который хорошо знал семью Палеологов и весьма интересовался их родословной, не упомянул бы этого Иоанна. Виссарион в своих наставлениях учителю двух сыновей Фомы также не упоминает его. Возможно, что у Фомы был побочный сын Иоанн, однако более вероятно, что корнуоллская семья происходила от одной из боковых ветвей Палеологов. Таких ветвей было немало, однако никто из их представителей не мог с полным правом претендовать на то, что в его жилах течет кровь императоров. Все законные потомки по мужской линии Михаила VIII, первого императора из дома Палеологов, известны, и маловероятно, что кто-либо из них остался не отмеченным во всех достоверных источниках. Патетический двуглавый орел, выбитый на надгробии Феодора Палеолога в церкви Ландульфа на Корнуолле, к сожалению, помещен там без всякого на то основания.

См.: Mill. 1, с. 502—507. Известно, что королева Елена была глубоко опечалена известием о падении Константинополя и участливо приняла беженцев оттуда. См.: Leontios Makhairas. Chronicle. I [у авт. б. м. и б. г.] с. 682.

О потомках Скандербега см.: Gegai, с. 161—162.

Phrantz., c. 413—414; Laon., c. 497—498; *Historia Politica...*, c 38; Mill. 4, c. 108—111.

Послание Филельфо приводится в: Leg. 1, с. 62-68.

Phrantz., c. 408, 411, 424—425, 429—446, 451—453.

Sathas 1, IX, c. VI—XI.

См.: Breh. 1, с. 348—349; Leon. 1. Об Исидоре говорили, что под конец жизни он впал в старческое слабоумие (см.: Pastor, II с. 323).

Krit., с. 117; *Ecthesis Chronica*, с. 26—28, 36; *Historia Politica...*, с. 38—39, 96—101. См.: Tomadakis 1, в которой автор пытается — с моей точки зрения, безуспешно — обелить Амируциса.

См. выше, с. 138—142.

Я пользовался текстом Франдзиса, опубликованным в Бонском корпусе (CSHB), ибо нового критического издания важной для нас части его сочинения пока издано не было. Об авторстве *Chronicon Maius* см.: Loenertz. О действительном имени автора см.: Laurent V.

Для сочинения Дукаса предпочтение мною отдано критической публикации В. Греку (Бухарест, 1958), а не старому боннскому изданию CSHB, несмотря на то что румынский язык, на который переведен текст, известен немногим западным ученым и, кроме того, CSHB обладает еще и тем достоинством, что оно содержит перевод на староитальянский. При этом я лично не расцениваю сочинение Дукаса как источник столь высоко, как это делает В. Греку. Ср.: Grecu V. Pour une meilleur connaissance de l'historien Du-cas. — Memorial Louis Petit.

На труд Лаоника Халкокондиласа я ссылаюсь по изданию CSHB, так как текст его, опубликованный Дарко в Будапеште в 1922 г., оказался для меня недоступным. Краткие сведения о жизни автора см.: Vas. 1, с. 693.

Мною использован английский перевод Критовула, изданный в Принстоне в 1954 г. (в сносках — Krit.). Хотя он сделан не с греческого оригинала а с его французского перевода Детье, сравнение его с оригиналом в издании И. Мюллера (Critob.) показывает, что английский перевод вполне заслуживает доверия. Краткие сведения о Критовуле см.: Pears 1, с. X—XI. Туркофильские взгляды Критовула явились причиной недооценки его греческими историками нового времени.

Об этих хрониках см.: Moravcsik, I, с. 128—129, 159, 246—248
Стихотворная хроника Иеракса, приведенная К. Сафасом (Sathas 2, I), как источник не представляет большой ценности.

Эта хроника приводится в работе Г. Зораса (Zoras). Критический разбор хроники, произведенный автором, показывает, что в описании осады и падения Константинополя хронист не зависел от Леонарда Хиосского.

Наиболее полное собрание различных плачей приведено в: Zoras, с. 157-283.

Эти письма полностью использованы в: Gill, с. 306 и сл.

Весь круг проблем, связанных со «Славянской летописью», рассмотрен в работах: Unbegaun; Jorga 5.

Краткие сведения о Барбаро см.: Pears 1, с. IX—X.

Я использовал донесение Леонарда Хиосского на латинском языке, как оно приводится в «Патрологии» Миня (MPG). Имеется также итальянская версия, которая приведена в: Sansovino. III; эта версия в незначительных деталях отличается от предыдущей и предположительно является несколько более поздней.

Как и в случае с Леонардом Хиосским, имеются две версии донесения Исидора — донесение на латинском языке, направленное папе и опубликованное в «Патрологии» Миня, и на итальянском, адресованное «всем благочестивым христианам» (Sansovino, III). Возможно, что письмо Исидора папе было с некоторыми изменениями переведено и распространено в Италии. О сочинениях Исидора см.: Mercati.

Обычно приводимое имя подесты Перы — Заккария, однако Дезимони в предисловии к работе Монтальдо утверждает, что тогдашнего подесту звали Ломеллино (Montaldo, с. 306—307).

Издания работ Камбини, Дольфино и Спандуджино, которыми я пользовался, приведены в Библиографии (с. 195, 196, 199).

О турецких историках см.: Bab. 2, где указанные мною авторы расположены в алфавитном порядке среди других. См. также главы, написанные Инальджиком и Мепажем, в: *Historians of the Middle East*; Inal. 3.

Справедливости ради следует добавить, что содержащееся в сочинении Эвлии Челиби его описание современного ему Константинополя является вполне достоверным и представляет большую ценность.

См. выше, с. 131. Церковь св. Иоанна в Петре была позднее пожалована матери Махмуд-паши, христианке, и освящена заново.

О том, что в этих церквях имели место богослужения, упоминают русские паломники, такие, как Игнатий из Смоленска (ок. 1390 г.), Александр (1393 г.) и безымянный русский, посетивший Константинополь около 1440 г. См.: Khitrovo, с. 138, 162, 233—234.

Phrantz,, c. 307; *Historia Politica...*, c. 28—29, 82.

Об этих церквах см.: Van Mil 1, с. 49, 113, 128; Janin, с. 33, 75, 95, 224, 228, 319, 365—366, 447.

По-видимому, это была церковь св. Иоанна в Диппионе, неподалеку от ипподрома, который в середине XVI в. использовался в качестве зверинца. См.: Janin, с. 273—274.

Hypsilantis, c. 62, 91.

Historia Politica..., с. 158 и сл.; Cantemir, с. 102—105. См. также примеч. 8.

Historia Politica..., с. 158; Cantemir, с. 102—105; Hypsilantis, с. 50—52. В Historia Politica et Historia Patriarchica эти два разных эпизода оказались соединенными в один. Ясно, однако, что янычары могли участвовать в эпизоде с патриархом Феолептом, хотя и непохоже, чтобы к 1537 г., т. е. через 84 года после падения города, кто-нибудь из свидетелей событий оставался жив.

Janin, c. 75, 95.

Cantemir, c. 105.

Там же, с. 102—105; *Historia Poli'tica...*, с. 158 и сл. Начиная с Эдуарда Гиббона историки слишком решительно отвергают этот рассказ как нелепицу, даже не пытаясь выяснить, на чем он основан. См. важную и несправедливо игнорируемую статью Мордтмана: Mordtmann A. Die Kapitulation von Konstantinopel im Jahre 1453. — *BZ*, XXI, с. 129 и сл. В ней автор разбирает и идентифицирует источники Кантемира.

Evliya Chelebi, I, c. 159.

Dallaway, c. 98—99.

Если упомянутая выше (с. 173) церковь св. Иоанна действительно храм св. Иоанна в Диппионе, то это ставят новую проблему, поскольку она находилась в районе, в котором, по всей видимости, не сохранилось никакой другой церкви.